

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2

Выпуск (847)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

2500-347X

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

2

Issue (847)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2(847)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2 (847)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

КЛИМАТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО ЕС: НОВЫЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Болгова И. В., Столярова Е. А. 11

СЕТЕВЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Гаджиев М. М., Магомедов А. К., Михайлова Е. А. 19

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ АРГЕНТИНЫ

Емельянов А. И., Трофимова И. А. 26

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: АНАЛИЗ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ

Золотарев Ф. Е. 33

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ? НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЛОКОВАЯ СТРУКТУРА СОЗДАЕТСЯ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Киселев С. Г., Опокин А. Б. 43

СПОРТИВНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Леонтьев Е. Д. 48

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Прокудин Б. А. 54

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Синчук Ю. В. 62

САБОТАЖ, СЕТЕВЫЕ СПЛЕТНИ И СКРЫТЫЕ УГРОЗЫ: КАК ПОЛИТИЗИРУЕТСЯ ПРОТЕСТ ПРОТИВ МЕР ПО БОРЬБЕ С КОРОНАВИРУСОМ В РОССИИ

Стахеев И. С. 69

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Суданц М. Б. 75

СОДЕРЖАНИЕ

О МЕСТЕ ВЛИЯНИЯ В «ТРИЕДИНОЙ ФОРМУЛЕ ВЛАСТИ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Цыганков П. А. 81

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МОДЕРНИЗМА В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ: 1950–1960-е годы

Азерникова И. П. 92

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОГО ФРОНТИРА С 1858 ПО 1884 ГОД В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ким С. П. 99

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ 1-ГО МОСКОВСКОГО (ДЕМИДОВСКОГО) КОММЕРЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Корнеев В. В. 107

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ДАЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА XVIII–XX ВВ.

Левицкая Е. А. 115

АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ «РАКЕТНЫХ КРИЗИСОВ»

Михайлин И. В. 121

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И РОССИЕЙ

Ноибахуш Х. И. 130

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ КАК ДЕТЕРМИНАНТ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вергазова А. Т. 135

ДОВЕРИЕ ГРАЖДАН К ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И АНАЛИЗ ФАКТОРОВ

Зуева О. В., Демидов Н. Н. 144

ФИЗИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА: ЗНАЧЕНИЕ
ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ
ВУЗОВ В ДОСТИЖЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ

Карлова Е. Н.151

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Козырева П. М., Смирнов А. И.159

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК НАДЫНДИВИДУАЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

Передня Д. Г., Филимонов О. В.168

POLITICAL SCIENCES

EU CLIMATE LEADERSHIP: NEW FORMS OF GLOBAL COMPETITION Bolgova I. V., Stolyarova E. A.	11
NETWORK COMMUNICATIONS AS AN INSTRUMENT OF PUBLIC DISCUSSIONS IN RUSSIA DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC Gadzhiev M. M., Magomedov A. K., Mikhailova E. A.	19
LATIN AMERICAN VECTOR IN FOREIGN POLICY OF MODERN ARGENTINA Emelianov A. I., Trofimova I. A.	26
SUBNATIONAL LEVEL OF RUSSIAN FOREIGN POLICY: ANALYSIS OF SUBNATIONAL UNITS' EXTERNAL RELATIONS Zolotarev F. E.	33
IS HISTORY REPEATING ITSELF? A NEW GEOPOLITICAL BLOCK STRUCTURE IS BEING CREATED IN THE INDO-PACIFIC REGION Kiselev S. G., Opokin A. B.	43
SPORTS POLICY AS A TOOL OF INFLUENCE ON MODERN SOCIETY Leontyev E. D.	48
THE SOCIAL IDEAL IN THE SOCIO-POLITICAL THOUGHT OF RUSSIA DURING THE PERIOD OF GREAT REFORMS Prokudin B. A.	54
POLITICAL METHODS OF CONFLICT PREVENTION IN THE MULTIETHNIC SOCIETY OF MODERN RUSSIA Sinchuk Yu. V.	62
SABOTAGE, ONLINE GOSSIP, AND HIDDEN THREATS: HOW THE PROTEST AGAINST CORONAVIRUS MEASURES IS POLITIZED IN RUSSIA Stakheev I. S.	69
DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CITY COOPERATION IN MODERN CONDITIONS Sudants M. B.	75

ON THE PLACE OF INFLUENCE IN THE “TRIUNE FORMULA OF POWER”: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS	
Tsygankov P. A.	81

HISTORICAL SCIENCES

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MODERNISM IN SOVIET ARCHITECTURE: 1950–1960S	
Azernikova I. P.	92
THE ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN KOREAN FRONTIER IN 1858 TO 1884 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	
Kim S. P.	99
NATIVE HISTORIOGRAPHY ABOUT SOME ISSUES WITH ESTABLISHING THE FIRST MOSCOW (DEMIDOV) COMMERCIAL COLLEGE	
Korneev V. V.	107
A BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF DACHA CONSTRUCTION OF THE XVIII–XX CENTURIES	
Levitskaya E. A.	115
ANTI-WAR MOVEMENT AGAINST “ROCKET CRISES”	
Mikhailin I. V.	121
HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CULTURAL RELATIONS BETWEEN IRAN AND RUSSIA	
Noeebahoosh H. I.	130

SOCIOLOGICAL SCIENCES

CONSUMER CONFIDENCE INDEX AS A DETERMINANT OF THE CRIME LEVEL IN RUSSIA	
Vergazova A. T.	135
CITIZENS’ TRUST IN THE POLICE IN MODERN RUSSIA: CURRENT STATE AND ANALYSIS OF FACTORS	
Zueva O. V., Demidov N. N.	144

CONTENTS

PHYSICAL CAPITAL AND MILITARY SERVICE: THE IMPORTANCE OF CADET'S PHYSICAL FITNESS IN ACHIEVING PROFESSIONAL SUCCESS

Karlova E. N. 151

PECULIARITIES OF BEHAVIOR OF ELDERLY PEOPLE IN THE CONDITIONS OF THE SPREAD OF THE COVID-19 PANDEMIC

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. 159

MANAGEMENT CULTURE AS A SUPERINDIVIDUAL ESSENCE

Perednya D. G., Filimonov O. V. 168

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_11

Климатическое лидерство ЕС: новые формы глобальной конкуренции

И. В. Болгова¹, Е. А. Столярова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

¹i.bolgova@inno.mgimo.ru

²stolyarova.e.a@my.mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ведущих академических исследований «климатического лидерства» ЕС с целью систематизации подходов к категории лидерства в мировой политике и уточнения понимания места Европейского союза в системе глобальной конкуренции. Авторы заключают, что ЕС в контексте климатического регулирования рассматривается как квазигосударственный актор. При этом академический дискурс избегает темы возможной трансформации климатического лидерства в более широкий политический контекст.

Ключевые слова: Европейский союз, климат, лидерство, великие державы, конкуренция

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ/АНО ЭИСИ «Управление конкурентной средой во взаимодействии США, КНР, ЕС и России в XXI веке. Последствия для России». Договор № 21-011-31129/21 от 02.06.2021 г. Регистрационный номер: 121090300108-1

Для цитирования: Болгова И. В., Столярова Е. А. Климатическое лидерство ЕС: новые формы глобальной конкуренции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 11–18. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_11

Original article

EU Climate Leadership: New Forms of Global Competition

Irina V. Bolgova¹, Evgenia A. Stolyarova²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹i.bolgova@inno.mgimo.ru

²stolyarova.e.a@my.mgimo.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the leading academic studies of the EU “climate leadership” with the aim to systematize approaches to the issue of leadership in world politics and clarify the place of the EU in the system of global competition. The authors conclude that in the context of climate regulation the EU is seen as a quasi-state actor. At the same time, academic discourse avoids discussing the possibility to transform climate leadership into a broader political context.

Keywords: European Union, climate, leadership, great powers, competition

Acknowledgements: The article is founded by the RFBR/ANO EISI research project “Managing the competitive environment in the interaction between the USA, China, the EU and Russia in the 21st century. Consequences for Russia.” Agreement No. 21-011-31129/21 of 06/02/2021

For citation: Bolgova, I.V., Stolyarova, E.A. (2022). EU Climate Leadership: New Forms of Global Competition. Vestnik Moscow Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 11–18. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_11

ВВЕДЕНИЕ

Глобальное климатическое лидерство ЕС рассматривается в отечественном академическом дискурсе как данность, следуя контексту нормативной роли Европейского союза в мировой политике и наиболее ярким политическим заявлениям, сформулированным в самом ЕС. При этом европейские исследования климатической политики ЕС более детально анализируют компоненты и эволюцию лидерства. Предлагаемый обзор существующих академических подходов к пониманию и оценке позиций ЕС в глобальной политике по борьбе с изменением климата призван дополнить понимание категории «лидерства» в современной мировой политике.

В статье приведены основные этапы политики ЕС в сфере глобальной борьбы с изменением климата с тем, чтобы выделить поворотные для академических исследований точки; рассмотрены подходы к роли ЕС, опирающиеся на материальные показатели; систематизированы исследования ценностной составляющей климатической политики ЕС.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ЕС В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА

На официальном уровне ЕС позиционирует себя как ведущий игрок в сфере международной политики по борьбе с изменением климата. ЕС играл важную роль в создании РКИК ООН, ратификации Киотского протокола и продвижении Парижского соглашения, а также настаивал на принятии положений, признающих разные обязанности развивающихся и развитых стран. ЕС как «нормативная сила» [Manners, 2002] действует на основе набора общих универсальных ценностей, выходящих за рамки эгоистической политики силы или исключительного стремления к экономической выгоде. Климатическая повестка политики ЕС соответствовала его основным базовым установкам: мультилатерализм, устойчивое развитие, научно-технический прогресс и принцип предупредительного действия в отношении глобальных проблем. В заявлении Европейской комиссии в 1991 г. подчеркивалась моральная ответственность за антропогенный характер изменения климата¹. В 2007 г. ЕС в контексте работы над новым всеобъемлющим договором, который должен был сменить Киотский протокол, прямо заявил о своем стремлении «возглавить

глобальные действия» против изменения климата «до 2020 года и далее»². За годы формирования международного климатического режима сложился образ ЕС как его наиболее последовательного и активного приверженца.

Одной из важных вех на пути укрепления позиций ЕС в климатической повестке стал одобренный в 2008 г. пакет документов энергетических и климатических обязательств, известный как «Программа 20–20–20». Однако разработка жестких ограничительных мер не получила в тот период результата на внешней арене. Поворотной для Брюсселя стала 15-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP-15) в 2009 г. в Копенгагене. В ЕС рассчитывали, что саммит положит начало масштабной реформе климатического режима после прекращения действия Киотского протокола. Однако в итоге была принята лишь политическая декларация, выработанная в основном при участии США и группы развивающихся стран. Саммит в Копенгагене стал хрестоматийным примером неудачи реализации лидерских амбиций ЕС и служит точкой отсчета при анализе климатической политики. Причиной неудачи ЕС считается стремление навязать собственную модель сокращения выбросов парниковых газов и чрезмерное давление на других игроков (прежде всего, США и Китай), которые не хотели брать на себя серьезные обязательства. Именно после саммита в Копенгагене наблюдается значительный академический интерес к анализу эволюции роли ЕС в области международной климатической политики с точки зрения оценки как материальных, так и нормативных составляющих.

МЕСТО ЕС В СТРУКТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Изменение позиций ЕС в международной климатической политике ряд исследователей склонны связывать с распределением материальных потенциалов и соответствующей прагматической логикой продвижения интересов.

Согласно последователям реалистской традиции, постепенное увеличение совокупной мощи растущих держав должно отражаться в их влиянии на повестку глобальных международных переговоров. Анализ неудач ЕС на переговорах в Копенгагене опирается на вывод о том, что принятый подход о диверсификации ограничений для развитых и развивающихся государств, рассматривавшийся

¹First Community Strategy to Limit Carbon Dioxide (CO₂) Emissions and Improve Energy Efficiency // European Commission. 1991. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/P_92_29.

²Council of the European Union. Presidency Conclusions. Brussels, 2007. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/93135.pdf

в 1990-е гг. как справедливый, не успел учесть изменения в показателях роста [Lucke, 2021].

В этом контексте относительное снижение экономического веса ЕС – особенно в связи с ростом новых экономик Китая и Индии – должно ослабить его способность оказывать влияние на глобальное экономическое регулирование. Доля ЕС в глобальных выбросах за счет постоянного снижения составляет 8 %, что делает его «средней державой в климатической политике», в то время как США, Китай и другие развивающиеся державы «действительно играют решающую роль в любом долгосрочном решении проблемы климата» [Oberthür, 2011]. Таким образом, установилось мнение, что геополитическое влияние в климатической повестке переместилось в сторону крупных развивающихся стран.

Одновременно сложившаяся ситуация делает ЕС более уязвимым с точки зрения конкурентоспособности и дальнейшего развития лидерских позиций. Если климатические требования не будут внедряться равномерно, европейские компании потеряют долю рынка за счет повышения себестоимости продукции. Это может привести к перемещению компаний за пределы Европы и так называемой утечке углерода [Asselt, Brewer, 2010]. Такая перспектива негативно сказывается на привлекательности ЕС, так как закрепляет неокOLONIALНЫЙ дискурс и претензии о несправедливости требований глобального экологического режима в отношении развивающихся стран.

Эволюция материальных показателей в области борьбы с загрязнением окружающей среды тесно связана с вопросом глобальной ответственности [Petri, Biedenkopf, 2020]. Несмотря на снижение показателей выбросов, с исторической точки зрения совокупные выбросы ЕС с 1751 по 2017 г. составляют 22,6 % мировых, тогда как на Китай приходится лишь 12,82 %. С ростом выбросов в Китае и их снижением в Европе историческая ответственность двух акторов в ближайшие годы совпадет.

Помимо сдвигов в распределении материальных показателей на роль ЕС в климатической повестке влияние оказывают изменения в институциональной структуре. Анализ политики ЕС в области борьбы с изменением климата и снижением выбросов традиционно фокусируется на деятельности по реализации РКИК ООН. Однако «международный комплекс режимов по изменению климата» [Keohane, Victor, 2011], включает гораздо большее количество международных форумов и платформ, задействованных в продвижении и управлении глобальной экологической повесткой. Более того, существующая исследовательская литература в значительной степени концентрируется только на вопросах борьбы с изменением климата, в то время

как другие экологические проблемы (производство и использование химикатов, снижение биоразнообразия) также важны для понимания роли ЕС в глобальных переговорах [Delreux, Ohler, 2021]. Степень разветвленности отношений ЕС с другими форматами, не относящимися к Рамочной конвенции, становится переменной, объясняющей институциональный ресурс Евросоюза и его возможности влиять на более частные сюжеты климатической повестки.

Параллельный блок исследований, соглашаясь с положением о снижении международной роли ЕС на фоне роста Китая и Индии, тем не менее, подчеркивает, что Европейский союз остается лидером повестки в сфере экологической безопасности. Лидерство ЕС в этом случае обеспечено не абсолютными материальными показателями, а запросом со стороны международной среды: в отсутствие других игроков, желающих занять место лидера в сфере формулирования климатической повестки, запрос направлен в сторону ЕС. Особенно остро это проявляется в поворотные моменты соответствующей политики США (выход из Киотского протокола, внешняя политика президента Д. Трампа) [Hurri, 2020]. Количественные исследования дискурсивного воздействия на глобальную климатическую повестку также показывают, что ЕС опережает других игроков за счет проведения последовательной активной политики по формированию структуры глобальной ответственности, внедрению новых семантических единиц («carbon politics», «clean development mechanism» и др.) и доминирующими позициями в контроле над информационными потоками [Wu et al., 2021]. Таким образом, объяснения на основе анализа распределения балансов сил не способны в полной мере ответить на вопрос о состоянии нынешнего положения ЕС в системе глобального климатического регулирования. Парадокс сохраняющегося политического влияния при отсутствии достаточных материальных показателей рассматривается исследователями через призму более нюансированного понимания природы лидерства в области международной политики по противодействию изменению климата.

ПРИРОДА ЛИДЕРСТВА ЕС В СФЕРЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Либеральное направление исследований экологической политики ЕС аксиоматически отталкивается от положения о лидирующей роли Европейского союза в международной климатической повестке. При этом в качестве источников используются документы ЕС и / или интервью с политиками из институтов

ЕС и государств-членов. Такой подход, несмотря на определенную предвзятость, позволяет уделить больше внимания компонентам и природе лидерства ЕС как коммунитарного игрока. Анализ лидирующей роли ЕС отталкивается от классификации типов лидерства и оценивает устойчивость внутренней повестки борьбы с изменением климата («показательное» / *exemplary leadership*) и способности к ее внедрению на международной арене и формирования устойчивого круга последователей («дипломатическое» / *diplomatic leadership*) [Oberthür, Dupont, 2021]. Объединение двух этих компонентов основано на выводе о размытии разграничения между внутренней повесткой, связанной с формированием правильного примера, и внешнеполитической деятельностью, направленной на призыв к следованию примеру [Skjærseth, 2017].

«Показательное лидерство» ЕС сформировано внедрением последовательных и жестких норм по снижению выбросов. ЕС превзошел другие регионы по сокращению выбросов парниковых газов и установил высокий уровень новых мощностей возобновляемой энергетики. К 2019 г. ЕС добился сокращения выбросов парниковых газов на 24 % по сравнению с 1990 г. Доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии в ЕС составила 19,7 % в 2019 г. по сравнению с 9,6 % в 2004 г. [Renewable Energy Statistics, 2020], подтвердив таким образом выполнимость целевых показателей, сформулированных в 2008 г.

В контексте априорного признания лидирующих позиций ЕС авторы стремятся проанализировать переменные, которые оказывают влияние на их устойчивость. Наиболее важными факторами в этой связи выступают вопросы потенциальной возможности для последователей соблюдать заданные Европейским союзом параметры [Torney, 2015]. Именно недостаток внимания к соответствию предлагаемых форматов базовым характеристикам последователей стал одним из причин неудачи саммита в Копенгагене и объяснил относительный характер лидерства ЕС. Отсутствие однозначного признания в качестве бесспорного лидера, продемонстрированное результатами саммита в Копенгагене и работой после него, а также ситуативной коалицией США и Китая при администрации Обамы, рассматривается как «система фрагментированного лидерства» [Parker et al., 2017], которая одновременно ограничивает и формирует стратегию ЕС.

Сила собственного примера в качестве компонента лидерства также рассматривается в хронологической перспективе. Период, предшествовавший саммиту в Копенгагене, отмечен внутренними противоречиями в ЕС по вопросам

развития климатического регулирования, что вызвало недовольство со стороны других стран тем, как сам ЕС внедряет предлагаемые им стандарты [Parker, Karlsson, 2010]. Впоследствии ЕС пересмотрел механизмы достижения лидерских позиций, особое внимание уделяя формированию консенсуса между другими международными субъектами по вопросам климата, что способствовало введению в исследовательский оборот термина «leadator» [Bäckstrand, Elgström, 2013]. Несмотря на важность последовательной внутренней политики по формированию примера, не до конца освещенным остается вопрос о механизмах привлечения последователей в условиях многоуровневой системы управления [Wurzel et al., 2019].

Во многом деятельность ЕС на международной арене по борьбе с изменением климата оказывает влияние на формирование внутренней экологической политики. Диалектика внутреннего и внешнего измерения общеевропейской позиции четко прослеживается при анализе динамики его политики в сфере экологии.

АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ РОЛИ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ

Работы, в которых бы анализировались причины активности ЕС на климатическом треке, немногочисленны. Исследователи прежде всего указывают на насущность проблем, связанных с изменением климата, которые заставляют акторов действовать в русле повестки борьбы с подобными переменами. При этом внутриевропейское измерение климатического лидерства рассматривается через призму эволюции структуры консенсуса внутри ЕС, что позволяет говорить о том, как Брюссель операционализирует повестку экологической безопасности для преодоления внутренних разногласий.

В конце 1990 – начале 2000-х годов климатическая политика рассматривалась как возможность для европейских институтов повысить свою легитимность, поскольку меры по защите окружающей среды оценивались как общее благо и пользовались неизменной популярностью у избирателей [Oberthür, Roche Kelly, 2008]. С ростом популярности правых партий внутриполитическая повестка стала включать нарратив отрицания негативных последствий изменения климата и отражать заметный раскол между странами – членами ЕС по вопросам необходимости принятия жестких

регуляторных мер по борьбе с глобальным потеплением [Weko, 2021]. В этих условиях работа наднациональных институтов оказалась направлена на создание основ для широкой консолидации в контексте экологической политики. Так, текст «Зеленого курса» особое внимание уделяет задачам уравнивания возможностей, необходимости «никого не оставить позади» [The European Green Deal, URL]. Обострение конкурентного характера международной среды потребовало от наднациональных структур ЕС прагматичных объяснений целесообразности проведения жесткой экологической политики.

В этой связи авторы подчеркивают, что артикулированное в последние годы объединение повестки энергетической безопасности и экологии в «пакет» отражает стремление к максимальному консенсусу среди заинтересованных субъектов ЕС [Skjærseth, 2014]. В условиях изменения ценовой конъюнктуры основным вызовом становится необходимость включения цели углеродной нейтральности и усиления доверия к международному лидерству ЕС, чтобы иметь возможность оказывать регулирующее воздействие на отношения с другими игроками.

Стремление сохранить за собой ведущие позиции в глобальном регулировании проблемы побудило институты ЕС пересмотреть законодательство ЕС в области возобновляемых источников энергии и сделать его как можно более жестким, чтобы завоевать доверие других стран [Walker, Biedenkopf, 2018].

Включение в повестку борьбы с климатом вопроса расширения доли возобновляемой энергетики рассматривалось в ЕС как решение проблемы своей глобальной конкурентоспособности. Европейские страны, особенно Германия, Испания и Дания, сыграли важную роль в создании более проработанной международной архитектуры управления возобновляемыми источниками энергии, включая Сеть политики в области возобновляемых источников энергии для XXI века (REN21) и Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (IRENA) [Meckling, 2019]. Движимые стремлением создать глобальные рынки для своих зарождающихся отраслей возобновляемой энергетики в начале 2000-х гг. и экспортировать свои практики и технологии [Steinbacher, 2018], эти страны стремились обеспечить международную поддержку возобновляемых источников энергии, которая позволит сохранить устойчивость данного сектора. В результате сформировалось ожидание постоянного амбициозного развития ВИЭ в направлении, экономически выгодном для стран Европейского союза.

Исследования внутренней динамики экологической политики ЕС демонстрируют, что коллективная природа ЕС позволяет смягчить влияние экономического интереса корпоративных игроков за счет выравнивания баланса внутри объединения. ЕС таким образом оказывается более последовательным в продвижении экологической повестки, чем США и Китай, подверженные влиянию текущей конъюнктуры. «Климатическое лидерство» на различных этапах становится производной от внутренней экологической повестки стран-членов или общим наднациональным регулятором для поддержания консенсуса внутри ЕС. Эволюция наполнения категории «климатического лидерства» от формирования глобальной повестки многосторонних переговоров до принятия на себя наиболее жестких климатических обязательств демонстрирует гибкость ЕС в адаптации к меняющимся условиям среды. Кооперативный характер предложений, характерный для ЕС после саммита в Копенгагене, отражает запрос на консенсусное лидерство и одновременно попытку преодолеть противоречие между материальным и нормативным потенциалом лидера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие в западном академическом поле исследования внешнего измерения климатической политики ЕС иллюстрируют основные подходы к категории лидерства. Глобальная экологическая повестка как пример общего вызова для международного сообщества позволяет рассмотреть ключевые компоненты «лидера». Интересно, что в исследованиях ЕС рассматривается как квазигосударственный актор, в одном ряду с ведущими державами. Государственно-центричный характер современного режима по борьбе с изменением климата способствует формированию типологически сходного инструментария к анализу деятельности ЕС. Специфика исследований лидерства Европейского союза заключается прежде всего в большем внимании к проблеме внутриевропейского консенсуса, соотношению ролей государств-членов и наднациональных институтов в условиях комплексной и многоуровневой среды глобального климатического регулирования.

При этом академический дискурс избегает темы возможной взаимосвязи между лидерством в области глобальной климатической политики и лидерством вообще. Имплицино подразумеваемый вопрос о том, насколько ЕС способен трансформировать свое влияние в сфере формирования политической повестки и экспорта экологических норм, не находит своего отражения в академических исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. No. 2. Vol. 40. P. 235–258.
2. Lucke F. von. Principled pragmatism in climate policy? The EU and changing practices of climate justice // *Political Geography*. 2021. No. 86. doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102355.
3. Oberthür S. The European Union's performance in the international climate change regime // *Journal of European Integration*. 2011. No. 6. Vol. 33. P. 667–682.
4. Asselt H. van, Brewer, T. Addressing competitiveness and leakage concerns in climate policy: An analysis of border adjustment measures in the US and the EU // *Energy Policy*. 2010. No. 1. Vol. 38. P. 42–51.
5. Petri F., Biedenkopf K. "United we stand, divided we fall". The effects of US contestation on EU foreign climate policy ambition // *Global Affairs*. 2020. No. 4–5. Vol. 6. P. 381–397.
6. Keohane R. O., Victor D. G. The regime complex for climate change // *Perspectives on Politics*. 2011. No. 1. Vol. 9. P. 7–23.
7. Delreux T., Ohler F. Ego versus Alter: Internal and External Perceptions of the EU's Role in Global Environmental Negotiations // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2021. No. 5. Vol. 59. P. 1284–1302.
8. Hurri K. Rethinking climate leadership: Annex I countries' expectations for China's leadership role in the post-Paris UN climate negotiations // *Environmental development*. 2020. No. 35. <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2020.100544>.
9. Wu B. et al. A comparative analysis on the international discourse power evaluation of global climate governance. *Environment, Development and Sustainability: A Multidisciplinary Approach to the Theory and Practice of Sustainable Development*. 2021. # 23(8). P. 12505–12526. DOI: 10.1007/s10668-020-01180-4 2021.
10. Oberthür S., Dupont C. The European Union's international climate leadership: towards a grand climate strategy? // *Journal of European Public Policy*. 2021. No. 7. Vol. 2. P. 1–20.
11. Skjærseth J. B. The European Commission's shifting climate leadership // *Global Environmental Politics*. 2017. No. 2. Vol. 17. P. 84–104.
12. Renewable Energy Statistics // Eurostat. 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/>
13. Torney D. European climate leadership in question: policies toward China and India. Cambridge, MA: MIT press, 2015.
14. Parker C. F. et al. Assessing the European Union's global climate change leadership: from Copenhagen to the Paris Agreement // *Journal of European Integration*. 2017. No. 2. Vol. 39. P. 239–252.
15. Parker C. F., Karlsson C. Climate change and the European Union's leadership moment: an inconvenient truth? // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2010. No. 4. Vol. 48. P. 923–943.
16. Bäckstrand K., Elgström O. The EU's role in climate change negotiations: From leader to 'leadilator' // *Journal of European Public Policy*. 2013. No. 10. Vol. 20. P. 1369–1386.
17. Wurzel R. et al.. Pioneers, leaders and followers in multilevel and polycentric climate governance // *Environmental Politics*. 2019. No. 1. Vol. 28. P. 1–21.
18. Oberthür S., Roche Kelly C. EU leadership in international climate policy: Achievements and challenges // *The International Spectator*. 2008. No. 3. Vol. 43. P. 35–50.
19. Weko S. Communitarians, cosmopolitans, and climate change: why identity matters for EU climate and energy policy // *Journal of European public policy*. 2021. P. 1–20.
20. The European Green Deal. Brussels, COM. 2019. 640 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF.
21. Skjærseth J. B. Linking EU climate and energy policies: policy-making, implementation and reform // *International Environmental Agreements*. 2014. No. 16. P. 509–523.
22. Walker H., Biedenkopf K. The Historical Evolution of EU Climate Leadership and Four Scenarios for Its Future in Stephen Minas and Vassilis Ntousas (eds.), *EU Climate Diplomacy: Politics, Law and Negotiations*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 33–46.
23. Meckling J. Governing Renewables: Policy Feedback in a Global Energy Transition // *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2019. No. 2. Vol. 37. P. 317–338.
24. Steinbacher K. Exporting the Energiewende: German Renewable Energy Leadership and Policy Transfer. Wiesbaden: Springer, 2018.

REFERENCES

1. Manners, I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 2(40), 235–258.

2. Lucke, F. von (2021). Principled pragmatism in climate policy? The EU and changing practices of climate justice. *Political Geography*, 86, 102355. doi.org/10.1016/j.polgeo.2021.102355.
3. Oberthür, S. (2011). The European Union's performance in the international climate change regime. *Journal of European Integration*, 6(33), 667–682.
4. Asselt, H. van, Brewer, T. (2010). Addressing competitiveness and leakage concerns in climate policy: An analysis of border adjustment measures in the US and the EU. *Energy Policy*, 1(38), 42–51.
5. Petri, F., Biedenkopf, K. (2020). "United we stand, divided we fall". The effects of US contestation on EU foreign climate policy ambition. *Global Affairs*, 4–5(6), 381–397.
6. Keohane, R. O., Victor, D. G. (2011). The regime complex for climate change, *Perspectives on Politics*, 1(9), 7–23.
7. Delreux, T., Ohler, F. (2021). Ego versus Alter: Internal and External Perceptions of the EU's Role in Global Environmental Negotiations. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 5(59), 1284–1302.
8. Hurri, K. (2020) Rethinking climate leadership: Annex I countries' expectations for China's leadership role in the post-Paris UN climate negotiations, *Environmental development*, 35? 100544. <https://doi.org/10.1016/j.envdev.2020.100544>
9. Wu, B. et al. (2021). A comparative analysis on the international discourse power evaluation of global climate governance. *Environment, Development and Sustainability: A Multidisciplinary Approach to the Theory and Practice of Sustainable Development*, 23(8), 12505–12526. DOI: 10.1007/s10668-020-01180-4
10. Oberthür, S., Dupont, C. (2021). The European Union's international climate leadership: towards a grand climate strategy? *Journal of European Public Policy*, 7(2), 1–20.
11. Skjærseth, J. B. (2017). The European Commission's shifting climate leadership. *Global Environmental Politics*, 2(17), 84–104.
12. Eurostat (2020). Renewable Energy Statistics. <https://ec.europa.eu/eurostat/>
13. Torney, D. (2015). *European climate leadership in question: policies toward China and India*. Cambridge, MA: MIT press.
14. Parker, C. F. et al. (2017). Assessing the European Union's global climate change leadership: from Copenhagen to the Paris Agreement. *Journal of European Integration*, 2(39), 239–252.
15. Parker, C. F., Karlsson, C. (2010). Climate change and the European Union's leadership moment: an inconvenient truth? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 4(48), 923–943.
16. Bäckstrand, K., Elgström, O. (2013). The EU's role in climate change negotiations: From leader to 'leadior'. *Journal of European Public Policy*, 20(10), 1369–1386.
17. Wurzel, R. et al. (2019). Pioneers, leaders and followers in multilevel and polycentric climate governance. *Environmental Politics*, 1(28), 1–21.
18. Oberthür, S., Roche Kelly, C. (2008). EU leadership in international climate policy: Achievements and challenges. *The International Spectator*, 3(43), 35–50.
19. Weko, S. (2021). Communitarians, cosmopolitans, and climate change: why identity matters for EU climate and energy policy. *Journal of European public policy*, 1–20.
20. The European Green Deal. (2019). Brussels, COM (2019) 640 final. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF.
21. Skjærseth, J. B. (2014). Linking EU climate and energy policies: policy-making, implementation and reform. *International Environmental Agreements*, 16, 509–523.
22. Walker, H., Biedenkopf, K. (2018). The Historical Evolution of EU Climate Leadership and Four Scenarios for Its Future in Stephen Minas and Vassilis Ntousas (eds.) *EU Climate Diplomacy: Politics, Law and Negotiations*. Abingdon: Routledge, 33–46.
23. Meckling, J. (2019). Governing Renewables: Policy Feedback in a Global Energy Transition. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 2(37), 317–338.
24. Steinbacher, K. (2018). *Exporting the Energiewende: German Renewable Energy Leadership and Policy Transfer*. Wiesbaden: Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болгова Ирина Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем
Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Столярова Евгения Андреевна

соискатель Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bolgova Irina Vjacheslavovna

PhD (History), Associate Professor, Department of Applied International Analysis,
Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Stolyarova Evgenia Andreevna

Postgraduate Student, Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 11.01.2022
одобрена после рецензирования 07.02.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 11.01.2022
approved after reviewing 07.02.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 94(262.81+479+477.7)

DOI DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_19

Сетевые коммуникации как инструмент общественных дискуссий в России в период пандемии коронавируса

М. М. Гаджиев¹, А. К. Магомедов^{2,3}, Е. А. Михайлова⁴

¹Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, gadjiev.dgu@mail.ru

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

³Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, armagomedov@gmail.com

⁴Национальная Ассоциация международной информационной безопасности, Москва, Россия, sherstiuke@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется характер политической коммуникации на тему пандемии между российским гражданским обществом и государством. Доказывается, что ответом на ограничительные действия властей стал заметный рост протестной активности граждан в Интернете. Российская информационная политика из средства поиска политического консенсуса между государством и гражданским обществом часто превращалась в средство их конфронтации по социальным проблемам.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, политические коммуникации, Интернет, власть, ограничения, дискуссия, протест

Для цитирования: Гаджиев М. М., Магомедов А. К., Михайлова Е. А. Сетевые коммуникации как инструмент общественных дискуссий в России в период пандемии коронавируса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 19–25. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_19

Original article

Network Communications as an Instrument of Public Discussions in Russia During the Coronavirus Pandemic

Magomedemin M. Gadzhiev¹, Arbakhan K. Magomedov^{2,3}, Ekaterina. A. Mikhailova⁴

¹Dagestan State University, Makhachkala, Russia, gadjiev.dgu@mail.ru

²Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

³Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, armagomedov@gmail.com

⁴The National Association for International Information Security, Moscow, Russia, sherstiuk@mail.ru

Abstract. The paper examines the nature of political communication on the topic of the pandemic between the Russian civil society and the official authorities. This work proves that the response to the restrictive actions of the authorities was a noticeable increase in the protest activity of citizens on the Internet. The modern Russian information policy from a means of seeking a political consensus between the state and civil society, it turned often into a means of confrontation between them on social issues.

Keywords: pandemic, coronavirus, political communications, internet, power, restrictions, discussion, protest

For citation: Gadzhiev, M. M., Magomedov, A. K., Mikhailova, E. A. (2022). Network Communications as an Instrument of Public Discussions in Russia During the Coronavirus Pandemic. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 19–25. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_19

ВВЕДЕНИЕ

Государственные власти многих стран, включая Россию, в ответ на распространение вируса и отсутствие ясности в борьбе с ним медицинскими мерами, предприняли жесткие меры правового регулирования и административного контроля общественной жизни и хозяйственной деятельности, а также перемещения своих граждан и граждан сопредельных стран. Оценить масштаб пандемии, просчитать ее последствия для государства и общества, для экономики, правовой системы и системы управления изначально было крайне затруднительно даже медикам. Противоречивая информация, обрушившаяся на властные элиты и гражданские общества, породила у управленцев и рядовых граждан высокое психологическое напряжение и устойчивое взаимное недоверие. Граждане стали активно подозревать свои демократически избранные властные элиты в намерении воспользоваться общей бедой для отказа от демократических норм политического общежития. И даже нашли поддержку своим сомнениям в искренности чиновников и политиков у ученых-медиков. Элиты национальных государств также настойчиво стали подозревать собственных сограждан в намерении подорвать всякие основы государственного порядка и в отказе от исполнения своих гражданских обязательств.

Под давлением этих взаимных подозрений, а также многочисленных и не всегда понятных гражданам поправок в порядок реализации гражданских прав и обязательств государств перед своими гражданами в условиях карантинных и локдаунов, прежний «общественный договор» гражданских обществ и элит правовых национальных государств начал утрачивать свою силу. Заключение нового «общественного договора» по тем же причинам идет крайне медленно, в режиме постепенного привыкания граждан и элит к существованию в режиме всеобщей подозрительности. Официальные мероприятия представителей российских региональных и федеральных властей на тему противодействия пандемии, которые служили информационным сопровождением всем этим управленческим решениям, не обладали той внутренней информативной и логической целостностью, которая помогла бы рядовым гражданам справиться с растерянностью, четко отделить достоверную информацию от недостоверной и занять солидарную с властями позицию по вопросу о разумности и достаточности различных ограничительных мер.

Несмотря на очевидную актуальность представленной темы, она крайне слабо изучена в отечественных социальных науках.

В центре данной статьи – анализ свойств коммуникации на тему пандемии, которую внутри себя и в отношениях с властями выстроило российское гражданское общество. Если говорить более конкретно, то речь далее пойдет о политических свойствах того запроса «на правду о реальном состоянии дел в борьбе с пандемией», который российское гражданское общество адресовало самому себе и российской власти. Данная постановка проблемы определяет новизну исследуемой темы.

ИНТЕРНЕТ КАК ОСНОВНОЙ КАНАЛ ГРАЖДАНСКИХ ДЕБАТОВ О ПОЛИТИКЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПАНДЕМИИ

Основным источником для анализа этого «запроса на правду» будут электронные тексты, информация которых стала предметом обсуждения для пользователей Интернета. Интернет, важно отметить, предоставил российским гражданам из разных регионов и разного социального, профессионального и возрастного статуса, во-первых, возможность коммуницировать друг с другом и с институтами власти на равных, в рамках общей информационной повестки. Во-вторых, Интернет стал для граждан источником гораздо более разнообразной информации (негативной и позитивной, научной и правовой), чем они могли получить из официальных СМИ.

Более того, Интернет стал для граждан и элит основным источником критической информации о политике противодействия пандемии. Это имело определяющее, на наш взгляд, значение для всего процесса властно-общественных коммуникаций в рассматриваемый период. Возник структурный и содержательный дисбаланс в потоках информации, поступавшей к гражданам по официальным и неофициальным каналам. По официальным каналам транслировалась преимущественно та информация, которая должна была убедить ее потребителя во вселенском масштабе проблем, с которыми столкнулась наша страна в период пандемии. Проблем, требующих, соответственно, от государственных институтов перехода к взаимодействию с рядовыми гражданами в режиме «новой реальности». Основной пафос информации, транслировавшейся гражданам по официальным каналам, можно выразить словами: «Все очень плохо, но все под контролем государства, но станет лучше, если заботу о своей безопасности граждане передоверят чиновникам». Напротив, главный пафос информации, которая распространялась представителями гражданского общества в Интернете в рассматриваемый период, можно выразить словами: «Не верьте никому, включайте свой разум и ищите за каждой

бюрократической инициативой чей-то конкретный корыстный интерес». Кроме того, Интернет смог предоставить рядовым гражданам в разы больше разнообразной информации, чем это смогли сделать традиционные СМИ, находящиеся под контролем государства.

Побочным результатом такого дисбаланса в системе коммуникации стал заметный рост в период пандемии недоверия граждан к официальным СМИ как источнику достоверной информации и надежному каналу коммуникации с властью. Недоверие российских граждан к официальным СМИ возникло не сегодня. Ситуация пандемии создала еще более благоприятные, чем прежде, условия для того, чтобы это недоверие из преимущественно интуитивного превратилось в рационально аргументированное. К официальным СМИ на протяжении всей пандемии граждане раз за разом обращали «простые и прямые» вопросы, на которые официальные СМИ не могли дать внятного ответа. Не могли по той причине, прежде всего, что они являются трансляторами официальной позиции российской власти в гражданское общество, а институты власти сами находились, особенно в первые полгода пандемии, в состоянии неопределенности относительно свойств той проблемы, решение которой они на себя взяли.

В этих условиях информационные коммуникации внутри российского гражданского общества, а также между ним и властями на тему пандемии, приобрели вид непрерывного формулирования участниками коммуникации вопросов, достаточная информация для ответов на которые содержалась уже в самой аргументации необходимости такой вопрос поставить и потребовать на него ответа. При этом вопросы, в массе своей, предполагали, что «разумный» читатель – участник дискуссии о политике российского и других государств в период пандемии, не станет полностью доверять «официальному» мнению. Он сделает сам «правильный» вывод о свойствах политики государства в условиях пандемии и отношении граждан к этой политике. Естественно, что это будет вывод, совпадающий с позицией автора электронной публикации.

Роднит эти вопросы не только технология подачи их аудитории Интернета и не только их повышенная критичность и заведомая направленность на выявление того субъекта нынешней политики и тех его корыстных интересов, которые являются «главным» фактором снижения эффективности борьбы с пандемией в нашей стране и мире. Прослеживается общность этих вопросов в плане связи с одной из многих проблем коммуникаций между субъектами политики, выявленных пандемией.

ОГРАНИЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД СВОИХ ГРАЖДАН КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ ТЕМА СЕТЕВЫХ ГРАЖДАНСКИХ ДИСКУССИЙ

Введение в России и за рубежом ограничительных мер в связи с пандемией коронавируса происходило, преимущественно, в режиме прямого и жесткого администрирования. Административные решения часто противоречили конституционным установлениям, нормам гражданского и хозяйственного права если не по форме, то по смыслу и духу. В разной мере в разных странах были ограничены возможности граждан осуществить свое право на свободное перемещение, на свободу собраний, на труд и отдых, на неприкосновенность личной информации и тайну частной жизни. Эта ситуация болезненно воспринималась гражданами европейских стран, давно отвыкшими от такого стиля коммуникации с демократически сформированными институтами власти. Не менее болезненно такого рода властные практики были восприняты российскими гражданами. Граждане, активно взаимодействующие с властью в информационной сфере, усмотрели в таком выходе активности чиновников за ее правовые границы некий умысел повернуть демократический процесс если не вспять, то в иное, выгодное элите и не выгодное массе рядовых граждан русло. Особенно болезненным предметом коммуникаций в Интернете в период пандемии стал вопрос о необходимости и допустимости расхождения между правами и свободами граждан, закрепленными за ними в Конституции, и ограничениями в пользовании этими правами и свободами, закрепленными за гражданами в порядке административных решений.

Постановку и свои ответы на этот вопрос авторы интернет-публикаций часто связывали с осуществленным ими сравнительным анализом отечественной и мировой текущей статистики заболеваемости граждан в нашей стране и мире коронавирусной инфекцией, статистики сезонной и по годам заболеваемости ОРВ, а также статистики по различным эпидемиям в прошлые годы. «Даже если статистика коронавируса (заболеваемость и летальность) в разы занижена, – возмущается автор одной из аналитических публикаций на тему манипуляций статистикой заболеваемости, – она всё равно не идет ни в какое сравнение с данными по другим болезням!»

Исходные данные для своих оценок ситуации авторы таких публикаций позиционировали как информацию, взятую из официальных источников

(сайты ВОЗ, Минздрава РФ), либо из «независимых» источников, т. е. таких, чья позиция по проблеме радикально расходилась с позицией официальных СМИ.

Вывод был, как правило, один: по показателям заболеваемости и смертности в предшествующие годы и сегодня ОРВ, малярия, туберкулез, гепатит и другие тяжелые инфекции заметно опережают нынешний ковид. Вместе с тем, подчеркивают такие аналитики, тогда никто пандемии не объявлял, масочных режимов и локдаунов не вводил и иных ограничений на реализацию гражданами их прав и свобод, закрепленных за ними российской Конституцией, не устанавливал (И. Петров. *Прикрой забрало: отказ от ношения масок провоцирует кровопролитие. Противники СИЗ переходят к поножовщине. Известия.iz 25.11.2020¹*). Также много сомнений относительно достоверности официальной статистики у пользователей Интернета вызвала информация о старте в России компании по вакцинации населения.

Манипуляции со статистикой, подводят читателя к этой мысли авторы подобных публикаций, послужили для властных элит в нашей стране и во всем мире основанием подменить борьбу с заболеванием и его последствиями борьбой с правами и свободами своих сограждан.

Доминирующая идея интернет-публикаций на тему отношений государства и граждан в период пандемии – ограничение центральными и региональными институтами государства конституционных прав и свобод граждан не имело оправданий в потребностях борьбы с пандемией (Н. Алексеева. *Корона давит: нас обманывают на каждом шагу. ЭКСПРЕСС газета. 13.10.2020²*). Эти ограничения были обоснованы потребностью разных групп российской административно-политической элиты перераспределить капиталы и влияние, а ресурс власти, сформированный таким образом, использовать для противодействия возросшей в последнее десятилетие протестным настроениям и протестной активности российских граждан (Э. Савуляк. *Москва закупит камеры для автобусов на 265 млн, чтобы штрафовать тех, кто без масок. Дзен. 23.10.2020³*). «Придет час, – утверждает автор одной из публикаций – люди обязательно посмотрят, кто больше

всех дурил народ в период коронабесия и на том нажилась больше всех» (В. Бабин. *Конец коронабесия. 7x7 Journal.ru 21.08.2020⁴*).

Есть, утверждают авторы таких публикаций, вполне конкретная причина, по которой эти намерения властных и финансовых элит получили одобрение у значительной части российских граждан. Причина в том, что, с формальной стороны российские граждане в своих правах и свободах равны, а реально, с точки зрения возможности пользоваться этими правами и свободами, разделены на сословные группы. В этой ситуации активная демонстрация лояльности интересам и действиям властей становится инструментом конкуренции сословных групп за «близость к власти» и, соответственно, за доминирование в иерархической структуре российского гражданского общества.

«Общество раскололось, – пишет автор одной из интернет-публикаций на эту тему. – Но не по морально-этическому принципу, ...а по принципу ресурсному. Часть общества, поддерживающая ограничительные меры, – это та часть общества, у которой есть возможность относительно комфортно существовать в мире с летящей в пропасть экономикой. Это те, кому есть чем оплачивать счета. Было бы несправедливо утверждать, что эти люди ничего не потеряли. Но глобально они чувствуют себя в финансовой безопасности. Им не грозит потеря работы или бизнеса, выселение из ипотечных квартир, просроченные платежи по кредитам и длинная очередь за бесплатным супом. Они в порядке. И они – новый привилегированный класс. ...Но беда в том, что новый привилегированный класс хочет изменить мир для всех. В их действиях и риторике читается простой и жесткий посыл: это наш мир, это наш воздух, и как этим воздухом дышать, решаем мы» (А. Боголепова. *Не одноклассники. Алла Боголепова о том, как ковид делает общество кастовым. Газета.ru. 21.11.2020⁵*).

На наш взгляд, такая интерпретация причин, по которым часть российских граждан поддерживала административно-силовое ограничение своих прав и свобод, а другая этому ограничению воспротивилась, не стыкуется с утверждением, довольно популярным в интернет-коммуникациях, что имело место нагнетание СМИ и властями страхов, благодаря чему ограничительные меры получили поддержку не только и не столько у состоятельных граждан, сколько у граждан,

¹URL: https://iz.ru/1091528/ivan-petrov/prikroi-zabralo-otkaz-ot-nosheniia-masok-provotciuruet-krovoprolitie?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com/

²URL: https://www.eg.ru/society/959382-korona-davit-nas-obmanyvayut-na-kajdom-shagu/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com/

³URL: <https://zen.yandex.ru/media/taxco/moskva-zakupit-kamery-dlia-avtobusov-na-265-millionov-chtoby-shtrafovat-teh-kto-bez-masok-5f9290e21cb04c636bb19a9f>

⁴URL: https://7x7-journal.ru/posts/2020/08/21/konec-koronabesiya?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbf/

⁵URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/bogolepova/13368523.shtml?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial

охваченных испугом и неуверенностью. Среди последних большую долю составили люди пожилые и малоимущие, низкооплачиваемые категории работников. Те, для кого недостаток материальных ресурсов и низкий социальный статус были поводом сомневаться в возможности, в случае заболевания, получить качественную медицинскую помощь. С другой стороны, не сомневаться в том, что при нынешних ценах на лекарства и медицинское обслуживание собственная болезнь либо болезнь кого-то из родственников неминуемо отбросит их далеко за черту бедности. Тем не менее идея различия в отношении людей к ограничительным мерам есть следствие их политических и экономических интересов; она получила достаточно широкое хождение в сетях.

С позиции этой идеи различные авторы освещали проблему коммуникации между правовым государством и гражданским обществом в зарубежных странах. В информационном пространстве сформировался целый сегмент, который включал в себя публикации с критикой правительств тех стран Евросоюза и Великобритании, которые пошли по пути жесткого административно-полицейского ограничения конституционных прав своих граждан (воспроизвели азиатский и африканский подход к дисциплинированию своих сограждан), а также публикации с одобрением действий тех немногих правительств, которые, подобно правительству Швеции и США, на административно-полицейское принуждение своих граждан с соблюдению ограничений своих прав и свобод не пошли, а сделали ставку на гражданскую сознательность и расширение информационной коммуникации с гражданским обществом (максимально полное и достоверное информирование граждан о ситуации в стране по официальным каналам).

Подтекстом в таких публикациях о российском и зарубежном опыте государственной политики борьбы с пандемией проходила, как правило, фундаментальная мировоззренческая проблема: стоят ли жизнь и здоровье гражданина больше его прав и свобод, или же наоборот?

Российские авторы, заметим, старательно избегали такой прямой постановки вопроса. Акцент в своей критике действий официальных властей они делали как раз на том обстоятельстве, что, по их мнению, в публичных дискурсах представителей власти и официальных СМИ имеет место искусственное противопоставление ценности гражданских прав и свобод ценности жизни и здоровья гражданина [Зайцева, 2020]. Такое противопоставление в то же время открывает элите широкие возможности для манипулирования сознанием граждан и поддержания

в нем страха потерять нечто важное для комфортного самочувствия современного человека: либо потерять жизнь и здоровье во имя свободы, либо пожертвовать в пользу элиты частью своей свободы для получения гарантий безопасности и шанса выжить.

Сопоставление авторами публикаций отечественного и зарубежного опыта административно-полицейских ограничений прав и свобод граждан государственными властями вдохнуло новую жизнь в «теорию заговора» и подогрело интерес к ней со стороны участников интернет-коммуникаций. Отсутствие ясности с официальными версиями происхождения вируса и механизмами его распространения дало сторонникам «теории заговора» дополнительные фактические данные и возможности для привлечения к себе участников информационных коммуникаций [Тимошук, Трофимова, 2020]. Как отметил депутат ГД РФ В. Рашкин, «государство сознательно решило лишить подрастающее поколение возможности учиться, получать знания и образование, необходимые, чтобы развиваться, строить карьеру, распоряжаться в своей стране» (В. Рашкин. Искусственный отбор. Коммунистическая партия РФ. 13.01.2021)¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настрой граждан на критику действий властей в условиях пандемии можно рассматривать в качестве свидетельства роста политического и правового сознания граждан нашей страны. Они осознали ценность своих политических прав и свобод, о которой им уже третье десятилетие говорят либеральные политики, политологи и публицисты, осознали их «естественность» и «неотчуждаемость». Они наконец-то научились, как того требует доктрина либеральной политики, видеть в своем национальном государстве и элите, им управляющей, главный источник угроз своей гражданской состоятельности. Они научились задавать своей демократически избранной властной элите неудобные для нее вопросы и, не рассчитывая на оперативный ответ, самостоятельно искать и тиражировать важную, на их взгляд, информацию. Все это можно зачесть в актив российскому гражданскому обществу.

Вместе с тем в доминирующей в сетях агрессивно-критической стилистике информационных коммуникаций граждан между собой и с властью заключено немало рисков. Самый очевидный риск для российского демократического процесса заключен в том, что агрессивно-критическая стилистика коммуникации исключает возможность для

¹URL: <https://burkprf.ru/?p=29227>

ее участников воспринимать друг друга конструктивно, как равно заинтересованных в получении достоверной информации и в принятии на ее основе правильных решений. Нынешняя информационная коммуникация в течение 2020–2021 гг. устойчиво меняла свое качество: из средства поиска политического консенсуса гражданского общества и его элиты она превращалась в средство их конфронтации и в способ переложения на противную сторону всей полноты ответственности за смерти больных ковидом, за экономические трудности, правовую неопределенность и психологический дискомфорт. Это симптом того, что в стратегии демократического процесса в нашей стране может возобладать не консенсусная, а конфронтационная логика выстраивания отношений гражданского общества и государства. Со всеми вытекающими из этого факта последствиями для будущего российской демократии.

Не меньший риск представляет раскол в самом гражданском обществе на тех, кто считает административно-силовое ограничение своих гражданских прав и свобод покушением нынешней

властной элиты на конституционный порядок, и тех, кто считает свой и других граждан добровольный отказ от своих гражданских прерогатив в пользу органов государственной власти наивысшим проявлением гражданской сознательности и ответственности. Кризис обострил давно назревающее противоречие в процессе становления российского гражданского общества, а именно – в одном политическом пространстве параллельно происходит становление и функционирование двух его противоположных моделей – либерально-гражданской и консервативно-подданнической.

Дискуссия о правах и свободах граждан и о возможности уступить их государству внесла раскол в далеко не прочное политико-культурное основание российского демократического процесса. Этот внутренний раскол в гражданском обществе делает сознание граждан трудновосприимчивым к каким-либо идеологическим проектам будущего, в которых будет отведено место их нынешним идейным оппонентам в борьбе с пандемией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. // Коммуникативные исследования. 2020. № 4. Т. 7. С. 801–813. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7
2. Тимошук А. С., Трофимова Н. А. Пандемия: мир по одну сторону баррикады // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 4. С. 121–131. DOI: 10.46726/H.2020.4.17

REFERENCES

1. Zaytseva, I. P. (2020). "Koronapsikhoz", "koronaskeptiki", "covidism", "covidophobia" i drugie sotsiolingvisticheskie markery 2020 g. = "Coronapsychosis", "Coronasceptics", "Covidism", "Covidophobia" and Other Sociolinguistic Markers of 2020. Communication Research, 4(7), 801–813. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7 (in Russ.).
2. Timoshchuk, A. S., Trofimova, N. A. (2020). Pandemic: The world is on one side of the barricade. Bulletin Ivanovo State University. Humanities, 4, 121–131. DOI: 10.46726/H.2020.4.17 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук
Дагестанского государственного университета

Магомедов Арбахан Курбанович

доктор политических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета,
профессор кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета.

Михайлова Екатерина Алексеевна

эксперт Национальной Ассоциации международной информационной безопасности

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gadzhiev Magomedemin

Doctor of Political Science (Dr. habil),
Professor of Department of Philosophy and Socio-Political Sciences of Dagestan State University

Magomedov Arbakhan

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor, Chief Researcher and Professor at the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities. Professor of the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Mikhailova Ekaterina Alekseevna

Expert of The National Association for International Information Security

Статья поступила в редакцию 18.03.2022
одобрена после рецензирования 13.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 18.03.2022
approved after reviewing 13.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_26

Латиноамериканский вектор во внешней политике современной Аргентины

А. И. Емельянов¹, И. А. Трофимова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹anton.politolog@yandex.ru

²ari55@yandex.ru

Аннотация. Цель работы состоит в рассмотрении основных характеристик региональной политики Аргентины и ее природы, а также в оценке перспектив регионализации в актуальных геополитических условиях. Авторы пришли к выводу о комплексном характере регионального вектора внешней политики современной Аргентины, реализация которого затрудняется пассивностью региональной интеграции.

Ключевые слова: региональная политика Аргентины, региональная интеграция, Маурисио Макри, Альберто Фернандес, Кристина Фернандес де Киршнер, Латинская Америка

Для цитирования: Емельянов А. И., Трофимова И. А. Латиноамериканский вектор во внешней политике современной Аргентины // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 26–32. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_26

Original article

Latin American Vector in Foreign Policy of Modern Argentina

Anton I. Emelianov¹, Irina A. Trofimova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

¹anton.politolog @yandex.ru

²ari55@yandex.ru

Abstract. This article aims at the examination of the main characteristics of Argentinian regional policy and its nature, as well as the perspective of the regionalization considering the actual geopolitical situation. The authors came to the conclusion about the complexity of the regional vector of the foreign policy of modern Argentina, but its implementation seems challenging due to the inactive process of regional integration.

Keywords: regional policy of Argentina, regional integration, Mauricio Macri, Alberto Fernández, Cristina Fernández de Kirchner, Latin America

For citation: Emelianov, A. I., Trofimova, I. A. (2022). Latin American vector in foreign policy of modern Argentina. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 2(847), 26–32. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_26

ВВЕДЕНИЕ

Отчетливая тенденция к формированию многополярного мира открыла возможность латиноамериканскому региону повысить степень своей субъектности в мировом политическом процессе. Латинская Америка, которую на протяжении долгого времени принято было относить к периферии или полупериферии мировой политической системы, продолжает занимать особое место во внешнеполитических стратегиях таких акторов мировой политики, как Европейский союз (ЕС), Китай, Россия и США [Пупышева, 2020]. Тем не менее мировой конкурентоспособности и утверждению позиций стран латиноамериканского региона до сих пор препятствует ряд взаимосвязанных внешних и внутренних факторов.

Возможным решением данных проблем может стать консолидация внутренних региональных сил для устойчивого функционирования существующих государственных и наднациональных экономических и политических структур. Так, в работах российского исследователя И. Л. Прохоренко используется термин «глобальный латиноамериканизм», который подразумевает необходимость совместного ответа на региональные угрозы и вызовы, а также поддержание линии на обретение большей самостоятельности латиноамериканских государств в мировой и региональной политике [Прохоренко, 2019]. На реализацию геополитического потенциала латиноамериканского региона и выбор стратегии развития стран региона в первую очередь оказывают влияние политическая элита стран и тесное сотрудничество в рамках геополитического треугольника Аргентина – Бразилия – Мексика.

В данной работе проводится анализ регионального вектора внешней политики кабинета Альберто Фернандеса, действующего президента Аргентины левого толка, пришедшего к власти в 2019 г. Выбор данной темы обусловлен недостаточным количеством работ, подробно описывающих региональный курс внешнеполитического развития страны находящегося у власти президента.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ АРГЕНТИНЕ

В декабре 2019 г. ушел с поста президент правого толка Маурисио Макри, который, согласно данным социологического опроса, был признан худшим президентом демократического периода в Аргентине [Encuesta electoral Argentina, 2019].

В результате, после нескольких лет нахождения в оппозиции, к власти в стране вернулись перонисты в лице «формулы FF» (политического тандема Фернандес – Фернандес). Альберто Фернандес, который в 2000-х годах возглавлял правительство при Несторе Киршнере (президент Аргентины с 2003 по 2007 год), а затем и последующем президенте, его супруге, Кристине Фернандес де Киршнер (2007–2015), набрал более 48 % голосов избирателей. Вице-президентом стала Кристина Фернандес де Киршнер. Таким образом, можно говорить, что политический маятник сделал движение в сторону левого политического режима.

М. Макри, предшественник А. Фернандеса, хотя и придерживался идеи активного участия Аргентины в региональных интеграционных объединениях, демонстрировал свою прозападную позицию, делая акцент на сближении республики с США и ЕС. Углубление региональной интеграции происходило за счет расширения торговых соглашений Общего рынка стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur) с ЕС и Тихоокеанским альянсом (Alianza del Pacífico). На расширение двустороннего сотрудничества с латиноамериканскими странами, такими как Колумбия, Перу и Чили, в большинстве своем повлияла идеологическая и проамериканская общность правительств. Как следствие, напряженными были двусторонние отношения с Венесуэлой и другими странами боливарианского толка (Эквадором и Боливией), выразившими поддержку правительству президента Венесуэлы Николаса Мадуро.

От региональной политики президента А. Фернандеса логично было ожидать иного подхода. Последователи перонистов и киршнеристов традиционно отрицают слепое следование в фарватере США, но идут на сближение со странами левого толка. Данный курс, однако, не исключает сотрудничества с Бразилией, локомотивом экономики Латинской Америки. Следует также учитывать несколько дополнительных факторов.

Во-первых, А. Фернандеса характеризуют как умеренного политика-левоцентриста. Это дает надежды на более благоприятный исход, проводя параллель с периодом президентства К. Фернандес де Киршнер, когда страна, по сути, оказалась в мировой и региональной изоляции, что невыгодно в рамках сложной внутренней и международной экономической ситуации. Несмотря на это, К. Фернандес де Киршнер считают в Аргентине влиятельным политиком, своего рода «иконой перонизма», которая в силах оказать влияние на политическую стратегию А. Фернандеса.

Во-вторых, к моменту избрания нового президента претерпевала изменения политическая

обстановка в регионе. Результаты президентского голосования в ходе электорального суперцикла 2017–2019 гг. послужили одной из причин политической нестабильности и волны массовых протестов, охвативших регион в 2019 г. Следствием социальных обострений была смена политического курса страны и социально-экономическая напряженность в обществе. Следует отдельно отметить появление идеологических соратников в южноамериканском регионе – Перу и Чили, президентами которых стали представители левого движения в 2021 и 2022 гг. соответственно. Таким образом, можно говорить об еще одном «левом повороте» латиноамериканского региона, который может дать импульс региональной интеграции и повлиять на сотрудничество стран в регионе.

С целью более подробного анализа и оценки регионального вектора внешнеполитического развития кабинета А. Фернандеса мы обратились к доктринальным документам Аргентинской Республики; информации на официальном сайте Министерства иностранных дел, международной торговли и вероисповедания Аргентины; публичным заявлениям А. Фернандеса; авторитетным новостным источникам.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Изучение законодательной базы Аргентины показывает, что комплексные документы, декларирующие принципы внешней политики страны, отсутствуют в открытом доступе. Данное обстоятельство может быть обусловлено отсутствием преемственности. Информация, указанная на сайте МИД Аргентины, определяет основные внешнеполитические директивы действующего правительства [Política Exterior, URL]. Среди них перечислены общие векторы и принципы внешнеполитического сотрудничества. В частности, отражена позиция Аргентины по вопросу о соблюдении прав человека и деятельности Аргентины в составе Совета по правам человека, ее председательство в органе в 2022 году; участие страны в международной деятельности по защите прав женщин и гендерного равенства; позиция страны по вопросу международной безопасности; деятельность страны в защите окружающей среды; ставка на международное сотрудничество и открытость рынка; участие страны в миротворческих миссиях ООН; политика страны в регионе Антарктики; позиция страны по вопросу Мальвинских островов; работа в рамках Меркосур; деятельность Аргентины в рамках СЕЛАК.

В результате можно сделать вывод, что приоритетами внутрирегиональной политики действующего правительства является деятельность Аргентины в рамках Южноамериканского общего рынка и СЕЛАК. Так как представленная на сайте информация является недостаточно детализированной, то может считаться лишь стратегическим видением на долгосрочную перспективу. Для целостного понимания устоявшихся принципов политики государства в отношении конкретных латиноамериканских стран следует рассмотреть публичные заявления президента А. Фернандеса.

РИТОРИКА А. ФЕРНАНДЕСА И ЕГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Укрепление позиций Аргентины в латиноамериканском регионе многократно упоминалось в предвыборной кампании А. Фернандеса и продолжает звучать во всех официальных заявлениях президента. Сразу после избрания в интервью российскому информационному агентству RT в ходе беседы с Рафаэлем Корреа аргентинский лидер подчеркнул: «Аргентина должна подняться с колен. И я бы не хотел говорить только о своей стране, Рафаэль [Корреа], мне кажется, что после 2000-х гг. в Латинской Америке идет стремительный процесс региональной дезинтеграции» (*Избранный президент Аргентины рассказал о разобщенности в Южной Америке // Russia Today. 2019, 7 ноября*)¹. По словам А. Фернандеса, существующие региональные соглашения, такие как Тихоокеанский альянс, Андский пакт и Меркосур, не реализуются в полной мере, а страны региона разобщены, поэтому особенно важно работать над процессом интеграции.

Изучив риторику и политические шаги А. Фернандеса в период с 2019 года по настоящее время, можно выделить приоритетные направления регионального вектора политики, проводимого по отношению региональных объединений и государств региона:

- позиция по венесуэльскому вопросу – выход из Группы Лимы;
- сотрудничество в рамках Меркосур;
- двусторонние отношения с Бразилией и Мексикой.

Остановимся подробнее на решениях, принятых президентом по данным направлениям, и возможных трудностях, с которыми его правительству пришлось или придется столкнуться.

¹URL: <https://russian.rt.com/world/news/684933-alberto-fernandes-latinskaya-amerika>

Позиция по венесуэльскому вопросу и выход из состава Группы Лимы

Во время предвыборной кампании А. Фернандес высказался о намерении сменить курс своей страны в отношении Венесуэлы и выйти из состава Группы Лимы, что он и сделал 24 марта 2021 г. Свое решение лидер Аргентины обосновал несогласием с политикой изоляции и санкциями по отношению к правительству Венесуэлы и ее представителей, присоединившись, таким образом, к позиции Мексики и Уругвая, выступающих за необходимость установления инклюзивного диалога и дипломатических переговоров с Венесуэлой. По мнению президента Аргентины, этим странам необходимо углубить сотрудничество, «сохраняя политический цвет каждой нации», уважая решение каждой страны, но, «не теряя из виду общий горизонт» (*Alberto Fernández prevé excluir a Argentina del Grupo de Lima // TeleSUR. 2019, October 9¹*). Добавим также, что вице-президент Аргентины К. Фернандес де Киршнер особенно ратует за укрепление венесуэльско-аргентинских отношений, настаивая на возвращении Венесуэлы в Меркосур (*J. Rosemberg. Fernández para que reincorpore a Venezuela al Mercosur // La Nación. 2020, December 20²*).

Сотрудничество в рамках Меркосур

По словам президента Аргентины, Меркосур является важнейшим проектом региональной политики Аргентины, давно вышедшим за рамки экономического сотрудничества (*A. Fernández asumió la presidencia del bloque: Necesitamos más y mejor Mercosur // Télam. 2020, December 16³*). Среди основных задач деятельности объединения президент Аргентины и его правительство выделяют экономическое восстановление региона путем увеличения международного экспорта и заключения новых торговых соглашений, в частности, за счет выхода сельскохозяйственной продукции стран Южной Америки на внешние рынки, а также включение Боливии в состав ассоциированных членов организации с целью расширения всеобъемлющего регионального партнерства. Аргентине даже в статусе временного председателя Меркосур в первом полугодии 2021 г., несмотря на красноречивую риторику ее правительства, не удалось добиться углубления интеграции

в рамках работы блока. Это позволяет сделать вывод, что страны правого толка могут внести изменения в конъюнктуру рынка, но только в период временного председательства.

Отношения с Бразилией и Мексикой

Отношения Аргентины с Бразилией на данном этапе можно назвать напряженными. Если в период президентства М. Макри между странами развивалось активное взаимодействие, то после избрания А. Фернандеса ситуация изменилась. Бразильский лидер отказался приехать на церемонию инаугурации нового аргентинского президента, заявив, что приход к власти перонистов может негативно повлиять на торговые отношения в рамках Меркосур, оттолкнув от страны иностранных производителей и инвесторов [Хван, 2020]. Ввиду того, что правительство Аргентины объективно не может игнорировать отношения со столь важным актором, как Бразилия, действующее правительство выражает готовность к диалогу с правительством Ж. Болсонару.

Между правительствами Мексики и Аргентины, наоборот, наблюдается наращивание двустороннего сотрудничества. Лидеры стран уже обозначили необходимость проведения совместной политики по противодействию социально-экономическим последствиям пандемии и кризису в области здравоохранения, договорились о работе над созданием регионального космического агентства, а также заявили о готовности расширить торговое сотрудничество, увеличить взаимные инвестиции (*R. M. Fernández. Hijos de la patria grande: México y Argentina // teleSUR. 2021, March⁴*).

Кроме того, следует упомянуть резонансное решение Аргентины и Мексики, принятое 15 июня 2021 г. во время внеочередной сессии Постоянного совета Организации Американских Государств (ОАГ): обе страны воздержались при голосовании за принятие резолюции, осуждающей действия режима президента Даниэля Ортега в Никарагуа за нарушение прав человека и задержание представителей оппозиции (*J. Rosemberg. La Argentina se aleja más de la región y complica sus objetivos en política exterior // La Nación. 2021, June 20⁵*).

В начале 2022 года началась новая фаза аргентино-мексиканских отношений – фаза укрепления. Так, президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор и президент Аргентины А. Фернандес обменялись письмами, в которых изъяснили свое

¹URL: <https://www.telesur.tv.net/news/argentina-alberto-fernandez-rechaza-grupo-lima-apoya-venezuela-20191009-0020.html>

²URL: <https://www.telam.com.ar/notas/202012/538635-el-presidente-participara-este-miercoles-de-la-cumbre-del-mercosur.html>

³URL: <https://www.telam.com.ar/notas/202012/538635-el-presidente-participara-este-miercoles-de-la-cumbre-del-mercosur.html>

⁴URL: <https://www.telesur.tv.net/telesuragenda/Hijos-de-la-patria-grande-Mexico-y-Argentina-20210304-0024.html>

⁵URL: <https://www.lanacion.com.ar/politica/la-argentina-se-aleja-mas-de-la-region-y-complica-sus-objetivos-en-politica-exterior-nid20062021/>

желание создания в будущем нового политического «полюса» между тремя региональными гигантами (Аргентиной, Бразилией и Мексикой), а также обеспечения последующей интеграции американских континентов, подразумевающей консолидацию стран Северной, Центральной и Южной Америки (*D. M. Pérez. López Obrador busca recuperar el protagonismo regional con el anuncio de sus primeros viajes por Latinoamérica // El País. 2022, March 15¹*).

Подобное идеологическое объединение уже не видится столь несбыточным в условиях наблюдаемого усиления влияния левых сил на латиноамериканской политической арене, говоря не только о смене правительств в Боливии, Перу, Чили, Гондурасе, а также переизбрании президента Никарагуа, но и возможной смене лидеров в Колумбии и Бразилии в 2022 г.

ВОЗРОЖДЕНИЕ «БОЛЬШОЙ РОДИНЫ» И НОВЫЙ «ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ЛИДЕР»

Рассмотренные выше события отражают попытки правительства А. Фернандеса по углублению региональной интеграции и отстаивания национального суверенитета и объясняются в прессе амбициями президента стать новым «латиноамериканским лидером», подобно его предшественникам Р. Альфонсину и Н. Киршнеру.

Выстраивание отношений с государствами левого толка позволяет предположить намерение А. Фернандеса воссоздать «Большую Родину» (*исп. La Patria Grande*). Данная концепция трактуется как идея ухода от слепого следования политике США, поиска альтернативного пути развития региона и сохранения суверенитета формирующих его стран. Выдвинутое предложение активно поддерживается, в том числе, например, бывшим президентом Боливии Эво Моралесом (2006–2019), который предложил идею создания нового интеграционного регионального объединения Рунасур (*Runasur*)². Предполагается, что данное объединение должно прийти на смену Союзу южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, Unasur*), объединив социальные движения, коренные народы и представителей интеллигенции стран континента для борьбы за освобождение всей многонациональной Южной Америки. Сформированная группа из представителей Аргентины, Боливии,

Венесуэлы и Перу уже работает над определением основных принципов функционирования блока и его структуры, а также ведением переговоров с социальными организациями других потенциальных членов объединения (*Un nuevo bloque: qué es Runasur, la alianza que impulsa Evo Morales e incluye a la Argentina // La Nación. 2021, May³*). Однако в связи с тем, что блок явно унаследует социалистическую идеологию и антиамериканскую риторику, справедливы опасения, что с формированием данного союза Южная Америка может вновь расколоться на два лагеря – левый Рунасур и правый Просур.

Тем не менее эксперты приходят к выводу, что Аргентина может укрепить позицию в регионе, однако проблематично говорить о ее безоговорочном лидерстве даже при содействии какой-либо сверхдержавы. Причинами этого являются существующая на данный момент фрагментированность региона, региональная турбулентность, отсутствие эффективных форумов региональной координации, а также наличие серьезных экономических и социальных проблем внутри самого государства (*A. Fernández, Un improbable líder de América Latina // Financial Times. 2021, February 22⁴*). Реальность такова, что на данный момент никто из латиноамериканских президентов не способен одномоментно возглавлять регион и осуществлять процесс его интеграции, а возникающие политические инициативы не являются долгосрочными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо отметить отсутствие четкого целеполагания во внешней политике Аргентины, а также единой концепции внешнеполитического развития. В связи с этим аргентинская региональная политика представляется сложно реализуемой. Тем не менее, несмотря на приверженность А. Фернандеса идее формирования положительного образа Аргентины, очевидно, что приоритетом государства в этот период является региональная интеграция.

В сложившейся социальной, политической и экономической обстановке попытки углубления региональной интеграции видятся невозможными. Основным пунктом разногласий является идеологический фактор, приводящий к региональной поляризации. Путем развития региональной политики для Аргентины остаются поддержание и расширение торгово-экономических связей

¹URL: <https://elpais.com/mexico/2022-03-14/lopez-obrador-busca-recuperar-el-protagonismo-regional-con-el-anuncio-de-sus-primeros-viajes-por-latinoamerica.html>

²Название Runasur представляет соединение слова Runa (человек) из языка кечуа и аббревиатуры Unasur, подразумевающая идею «народного Unasur».

³URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/un-nuevo-bloque-que-es-runasur-la-alianza-que-impulsa-evo-morales-e-incluye-a-la-argentina-nid01052021/>

⁴URL: <https://www.cronista.com/financial-times/financial-times-alberto-fernandez-un-improbable-lider-de-latinoamerica/>

с латиноамериканскими странами, а также принятие позиции нейтралитета по спорным вопросам. Открытое сближение со странами левого толка может вызвать напряженность в отношениях с государствами правых режимов, которые обладают политическим весом в регионе. При этом аргентинское лидерство, скорее всего, может произойти

лишь со сменой правящего режима в Бразилии и продолжением «левого поворота» в Южной Америке, решением политического кризиса в Венесуэле и стабилизацией политической обстановки в других странах Латинской Америки, а также в случае улучшения социально-экономической ситуации в самой Аргентине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пупышева М. В. Приоритеты внешней политики современной Испании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 4(841). С. 88–97.
2. Прохоренко И. Л. Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. № 2. Т. 19. С. 177–186.
3. Encuesta electoral Argentina. Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica (CELAG). 2019, October 10. URL: <https://www.celag.org/clima-electoral-en-argentina-octubre-2019>
4. Política Exterior. Página oficial del Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto de Argentina. URL: <https://cancilleria.gob.ar/es/politica-exterior>
5. Хван М. С. Внешняя политика Бразилии в период президентства Жаира Болсонару // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11(79). С. 81–97.

REFERENCES

1. Pupyshova, M. V. (2020). Priorities of foreign policy of modern Spain. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(841), 88–97. (In Russ.)
2. Prokhorenko, I. L. (2019). Foreign policy thinking in Latin America: concepts, approaches and research directions. Vestnik RUDN. International Relations, 2(19), 177–186. (In Russ.)
3. Encuesta electoral Argentina (2019, October 10) // Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica (CELAG). <https://www.celag.org/clima-electoral-en-argentina-octubre-2019>.
4. Política Exterior // Página oficial del Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto de Argentina. <https://cancilleria.gob.ar/es/politica-exterior>
5. Khvan, M. S. (2020). Brazilian foreign policy under Jair Bolsonaro. Society: philosophy, history, culture, 11(79), 81–97. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянов Антон Игоревич

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой теории регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Трофимова Ирина Анатольевна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Emelianov Anton Igorevich

PhD (Political Science), Associate Professor, Head of the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Trofimova Irina Anatolievna

Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Political Communications of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 22.03.2022
одобрена после рецензирования 20.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 22.03.2022
approved after reviewing 20.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327:352(470+571)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_33

Субнациональный уровень внешней политики России: анализ внешних связей субнациональных акторов

Ф. Е. Золотарев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются связи субнациональных акторов во внешней политике России. Использование теории парадипломатии предоставляет возможность раскрыть их роль и место во внешней политике страны. Систематизируются и анализируются двусторонние связи российских субъектов федерации и крупных административных центров, в результате чего создается авторский набор данных по внешним связям. Использование смешанного метода, основанного на комбинировании количественных и качественных методов в исследовании, позволило автору определить вспомогательную роль субнациональных акторов в контексте внешней политики страны.

Ключевые слова: субнациональные акторы, внешняя политика, Россия, город, регион, парадипломатия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

Для цитирования: Золотарев Ф. Е. Субнациональный уровень внешней политики России: анализ внешних связей субнациональных акторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 33–42. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_33

Original article

Subnational Level of Russian Foreign Policy: Analysis of Subnational Units' External Relations

Fedor E. Zolotarev

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
fedor.zolotarev.ekb@gmail.com

Abstract. The study aims at international relations of subnational actors in a frame of the Russian foreign policy. Theory of paradiplomacy was used to explain a role of subnational units in a state foreign policy. There is a systematization and an analysis of bilateral relations of Russian federated states and administrative centres (cities) with foreign peers that are aggregated into the dataset. Employment of the mixed method, drawing on conjunction of qualitative and quantitative methods in research, led to define an auxiliary role of subnational actors for the state foreign policy.

Keywords: subnational actors, foreign policy, Russia, city, region, paradiplomacy

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and Sverdlovsk Oblast, project number 20-414-660001.

For citation: Zolotarev, F. E. (2022). Subnational level of Russian foreign policy: analysis of subnational units' external relations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 33–42. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_33

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика государства является пространством для действия большого числа разноуровневых акторов и агентов. Наряду с национальным, наднациональным уровнем существует субнациональный, который также важен для государства в условиях возросшей глобализации [Hudson, 2005; Лошкарёв, 2021]. Активное участие «государство-подобных» субъектов, может являться отражением политики страны на низовом уровне [Артеев, Лямцева, 2019; Акимов, 2021].

Установление и развитие внешних связей, заключение договоров и обмена делегациями обозначаются термином «парадипломатия», что часто отражает не только отношения равных по статусу акторов, но и асимметричные по уровню между субнациональным актором и государством [Михайленко, Вербицкая, 2018; Joenniemi, Sergunin 2014]. Здесь объектами изучения часто выступают административные территории государства, как, например, штаты, области, автономии. Отражение этого наблюдается не только в их международной деятельности, но и в особых отношениях с государственным центром [Pietrasiak et al., 2018; Tavarez, 2016].

Кроме субъектов государства качество субнациональных акторов определяют города. Их международная деятельность попадает под категорию парадипломатии, которая стала теоретической рамкой для описания и объяснения взаимодействия субнациональных акторов [Curtis, Acuto 2018; Leffel, 2018; Мухаметов, 2020; Золотарев, 2021]. Изучение связей городов и регионов содержит в себе исследовательский потенциал, который также может быть применим к пониманию внешней политики государства.

Цель данной статьи – попытаться установить, какое место занимают внешние связи российских субнациональных акторов во внешней политике страны. Эмпирической основой исследования выступают данные по заключенным международным связям 167 российских городов и регионов, представляющих субъекты федерации и их административные центры. Данные для анализа взяты с официальных сайтов городских администраций, региональных министерств и их профильных ведомств, Министерства иностранных дел Российской Федерации в открытом доступе.

Использование качественных методов в исследовании (например, анализ кейсов и их сравнение между собой) позволяет объяснить внутренние и внешние причины участия отдельного субнационального актора в международной политике. Однако фокус на изучении частных случаев парадипломатии недостаточен для понимания общей

картины связей на субнациональном уровне. В связи с этим используется *смешанный метод*, который зарекомендовал себя в социальных науках и который строится на основе применения количественных данных в качественном исследовании. Акцент делается не на подробном изучении каждого кейса в отдельности, а на поиске выделяющихся групповых особенностей (паттернов). В частности, использование методов описательной статистики, нечеткой логики и шкалирования позволяет достичь этой задачи [Buchmann, 2015; Вершинин, Вершинина, 2007; Дегтерев, 2015; Сморгунов, Шерстобитов 2018].

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части дается обоснование участия субнациональных акторов, представленных городами и регионами, их роли и места во внешней политике государства. Этот процесс объясняется при помощи набора теоретических подходов, получивших обобщенное наименование «парадипломатия». Во второй части представлен анализ международных связей российских городов и регионов. Международная деятельность субнациональных акторов объясняется с позиции выражения внешней политики государства на другом уровне, показывается связь дипломатии субнациональных акторов и внешней политики государства. В заключении статьи отражаются главные выводы относительно роли и места субнациональных акторов в контексте внешней политики государства.

ПАРАДИПЛОМАТИЯ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

К сегодняшнему дню в науке сформировались две точки зрения относительно деятельности субнациональных акторов. Представители первого подхода определяют международную деятельность городов и регионов в качестве дополнительного измерения внешней политики государства. Государство находится под воздействием постоянно меняющейся среды, что заставляет его перестраиваться и использовать дополнительный ресурс для обеспечения внешнеполитических интересов в экономической, торговой, гуманитарной и технологической сферах. Субнациональные акторы применяют на себя роль главных агентов, воплощающих государственную политику в ее невоенной, мягкой форме. Из этого следует приравнивание и употребление парадипломатии как инструмента мягкой силы государства [Pietrasiak et al., 2018].

Представители второго подхода отмечают, что парадипломатия субнациональных акторов

во многом автономна и развивалась как параллельное государственным отношениям течение [Tavarez, 2016; Акимов, 2021]. Опираясь на плодотворный опыт североамериканских штатов, деятельность которых носила обособленный от центрального правительства характер, исследователи фиксировали параллельный, а иногда и конфликтный потенциал международной деятельности городов и штатов. В частности, государство отдавало себе отчет о возможных издержках и проблемах из-за чересчур активной международной деятельности его субъекта. Так, вопрос о представительстве штатов Канады в Вашингтоне находится под вето центрального правительства Канады.

Обе точки зрения не столько противоречат друг другу, сколько по-разному расставляют акценты в контексте международной деятельности городов и регионов. Субнациональные акторы, безусловно, преследуют свои интересы в международном пространстве, однако стимулы и характер властных отношений между центральным и региональным правительством выражены в разных пропорциях, по-своему влияют на направления и области этой деятельности.

Регионы и города РФ занимают особое место в многообразии форм и проявлений парадипломатии субнациональных акторов. Эволюция федеративных отношений внутри российского государства претерпела кардинальные изменения от тенденций децентрализации в 1990-е годы к последовательной централизации и упорядочиванию связей федерального центра и внешних связей субъектов федерации после 2000 г. [Sharafutdinova, 2005; Pietrasiak et al., 2018].

Сегодня парадипломатия российских городов и регионов протекает в торгово-экономической и гуманитарной областях. Ей свойственны стремление к повышению торгового баланса, привлечению инвестиций и капитала, развитию языковых, культурных отношений в духе гуманизма и сотрудничества. Институционализация парадипломатии, курс на регулирование федеральными органами, постепенное исключение из нее политического компонента приходится на начало 2000-х годов [Артеев, Лямцева, 2019; Михайленко, Вербицкая, 2018]. Частные случаи международных и внешнеэкономических связей субъектов федерации и городов страны были подробно изучены: это Москва, Санкт-Петербург, Казань, Республика Коми, Свердловская область. Тем не менее ранее не предпринимались попытки комплексного рассмотрения и анализа международных контактов субнациональных акторов России и помещения их в контекст внешней политики государства.

ВНЕШНИЕ СВЯЗИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ

Деятельность российских городов и регионов на международной арене носит особый характер по сравнению с примерами из западных стран [Curtis, Acuto, 2018], и их вряд ли можно отнести к «либеральному контексту» (термин американского ученого Б. Леффеля) развития международных связей у субнациональных акторов [Leffel, 2018]. В частности, города и регионы России сталкиваются с рядом ограничений в политическом, экономическом и нормативном измерениях.

Так, российское законодательство допускает участие его субъектов в международных и внешнеэкономических связях¹. Аналогичная норма подтверждается для регионов и муниципалитетов, располагающихся на приграничных территориях, что создает правовую лакуну для не попадающих под определение субъекта федерации или располагающихся вне приграничных районов населенных пунктов: крупные города, например, Казань, Екатеринбург или Волгоград, располагаются во внутренних регионах, но при этом отмечаются активным международным сотрудничеством.

Опыт построения федеративного государства в России также сказался на практических возможностях его субъектов: в период с 1993 по 2021 год их количество вместе с пространственными показателями менялись пять раз. Номинальное равенство регионов по Конституции соседствует с неравными экономическими возможностями, отличающейся производственно-ресурсной базой и разным опытом ведения международной деятельности. Приоритет экономических и гуманитарных контактов является основополагающим в российской парадипломатии, в то время как сохраняющийся курс на укрепление вертикали власти выхолащивает любые самостоятельные политические инициативы.

Учет этих факторов позволяет понять контекст, который влияет на развитие и поддержание международных связей субнациональными акторами. На основании этого обратимся к анализу международных связей городов и субъектов Российской Федерации.

¹Правовые нормы содержатся в ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации; Федеральном законе от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»; Концепции внешней политики РФ 2016 г. в соответствии с Указом Президента России Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640; Федеральном законе от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества».

Методология

В качестве первичных источников данных использовались информационные ресурсы сайтов городской и региональной власти, федеральных министерств и подведомственных учреждений, которые отражают состояние международных связей. В отсутствие агрегированных и доступных баз данных по международным связям и контактам российских городов, эти источники обладают более точной репрезентативностью, чем использовавшиеся в других работах [Мухаметов, 2020]. Тем не менее они также подвержены определенному уровню искажения, неполноты и устареванию по ряду причин. Во-первых, децентрализованное и неперiodичное обновление информации на сайтах не всегда отражает актуальную информацию. Во-вторых, отсутствие общеобязательных стандартов к распространению информации о международной активности приводит к тому, что региональный и муниципальный орган власти сам принимает решение о публикации новости, события или документа.

Для анализа связей были отобраны 167 территориально-административных единиц: 85 субъектов РФ и 82 города на момент 2021 года. Три города носят статус города федерального значения, представляя собой отдельный субъект федерации, в то время как остальные представляют административный центр субъекта. Анализ этой выборки представляется наиболее репрезентативным по двум причинам. Во-первых, она позволяет охватить и лучше представить географию городов и регионов. Во-вторых, именно административные центры ввиду концентрации людских, информационных, властных, финансовых и торговых ресурсов имеют большее значение для региональной элиты субъекта федерации. Этот тип городов фокусирует на себе интерес зарубежных акторов и агентов, что также влечет за собой концентрацию политико-управленческого аппарата субъекта федерации, представительских институтов федерального уровня власти. Как результат, город получает внутренние и внешние стимулы для более активной интернационализации, что и определяет их выбор для последующего статистического анализа.

В качестве единицы анализа были выбраны двусторонние соглашения российских городов и регионов со своими зарубежными партнерами. Эти документы имеют различную форму (договоры, соглашения, протоколы о намерениях, меморандумы) и охватывают такие сферы, как гуманитарное, научное, торгово-экономическое, образовательное сотрудничество, намерения о поддержании обмена информацией и консультативном сотрудничестве. Они имеют как срочный, так и бессрочный

характер. Полученная информация была собрана в отдельный набор данных¹, которая включила в себя таблицу на 1912 строк по соглашениям между российскими и зарубежными городами в период с 1940-х годов, российскими и зарубежными регионами с 1980-х годов по 2021 год.

Вместе с этим справедливо будет отметить ряд проблем и ограничений, которые повлияли на процесс работы. Во-первых, отсутствие данных в открытом доступе, подверженность устареванию имеющейся информации, а также возможное противоречие между информационными источниками являются преградой и сложностью для проведения исследования. Во-вторых, отсутствие агрегированных наборов данных и репозиториев ведет к составлению каждым исследователем собственной базы. Возможные различия могут говорить не в пользу проведения приближенного к истине исследования. Следовательно, более эффективная коммуникация и, вероятно, коллаборация между учеными будут основой для появления новых, более точных исследований.

Результаты

Международные связи субнациональных акторов определяет несколько важных функций во внешней политике Российской Федерации. Во-первых, они выступают в качестве инструмента по реализации внешней политики страны на «низовом» уровне. Регионы и города следуют в фарватере текущей внешнеполитической повестки, обозначаемой государством. Во-вторых, связи на субнациональном уровне создают дополнительный дипломатический канал между государствами. Он приобретает отдельную значимость, поскольку позволяет сохранить контакты, продолжить передачу информации между сторонами и компенсировать возможные потери от динамично меняющихся отношений.

Связи как дополнительный инструмент. Местные и региональные власти наращивают число двусторонних соглашений и договоров, придавая достигнутому договоренностям формализованный вид. Со своей стороны государство создавало контекст, который благоприятствовал расширению сотрудничества с внешним миром. Действовавший в первой половине 1990-х годов курс на выстраивание постсоветской Россией новой внешней политики положительно сказался на динамике развития международных контактов. Города и регионы России стали важными вспомогательными агентами по укреплению двусторонних связей

¹Доступна на репозитории Harvard Dataverse. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/7WEHSN>

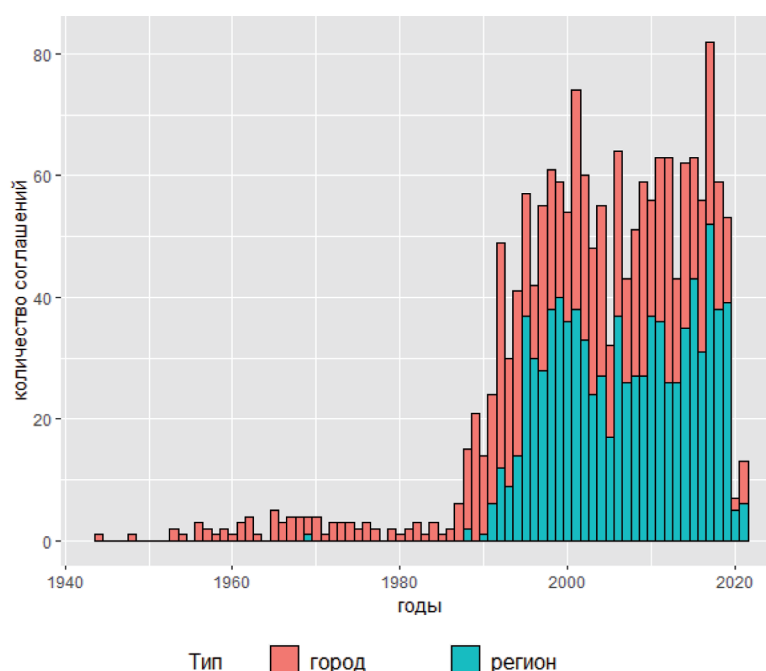

Рис. 1. Динамика заключения международных соглашений российских городов и регионов с зарубежными¹

¹График создан на основе авторского набора данных по заключенным соглашениям между российскими и зарубежными городами и субъектами федерации при помощи программного обеспечения RStudio.

страны на субнациональном уровне. Нередко эти связи получали статус побратимских или партнерских, что является исключительным и отсутствует в практике между государствами.

Резкий рост связей субнациональных акторов приходится на этап преобразований в самом СССР и выступает как следствие нового политического курса в период М. С. Горбачева. Города и регионы страны активно вовлекались в международное сотрудничество. В первые годы после распада Советского Союза эти процессы зачастую отражали прагматические цели: слом и трансформация национальной экономики толкали регионы на поиск партнеров извне. Многим регионам пришлось решать появляющиеся внутренние экономические, социальные проблемы самостоятельно, активно изыскивая ресурсы и возможности за пределами государства [Михайленко, Вербицкая, 2018; Артеев, Лямцева, 2019]. Как результат, отдельные субъекты федерации уже в период 1990-х годов заключили множество соглашений как с зарубежными регионами, так и с другими государствами по различным областям сотрудничества [Sharafutdinova, 2005].

Опыт штатов США и провинций Канады, а также опыт длительного развития европейского интеграционного проекта принимались во внимание при развитии международного

сотрудничества российскими городами и регионами. Так, парадипломатия российских регионов прошла путь от разрозненных и вынужденных опираться на собственные силы субъектов федерации в 1990-е годы к скоординированной политике по развитию международных и внешнеэкономических связей, что закреплялось в российском законодательстве [Артеев, Лямцева, 2019; Михайленко, Вербицкая, 2018].

Соглашения на уровне городов и регионов также отражают «географию предпочтений» государства. Фактически европейский и североамериканский вектор стал основным направлением для выстраивания сотрудничества в первое десятилетие российского государства. Это впоследствии было уравновешено развитием межрегиональных и межмуниципальных связей с бывшими республиками Советского Союза и странами Азии после 2000-х годов.

Заметными лидерами по числу связей выступают Китай (251) и Белоруссия (235). Шестерку стран, регионы и города которых имеют большее количество связей на субнациональном уровне с Россией, закрывают Украина (104), Казахстан (102), Германия (92) и США (69) (см. рис. 2).

Рост числа заключенных договоров среди регионов и городов говорит о том, что субнациональный уровень международной политики по-своему

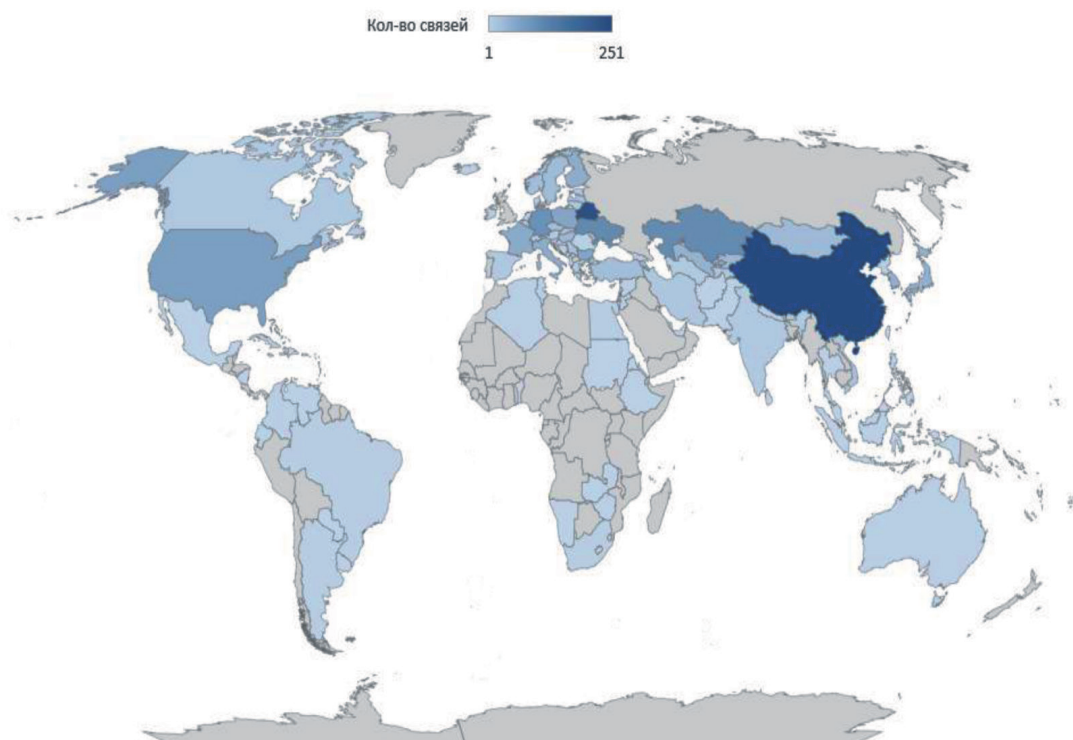

Рис. 2. Страны, с которыми у субнациональных акторов России имеются заключенные соглашения*

*Степень насыщенности отображает распределение связей российских городов и регионов с зарубежными партнерами конкретной страны.

важен для государства, которое повышает эффективность двусторонних отношений при помощи парадипломатии своих субъектов. В отдельных случаях это становится важным дополнением для контекста межгосударственных отношений: расширение связей на субнациональном уровне совпадает с линией стратегических интересов России на двусторонней и многосторонней основе. В частности, интеграционные проекты по линии Союзного государства России и Беларуси¹, Содружества независимых государств (СНГ)² и развития стратегического партнерства с Китаем³ имеют не только нормативно-правовой фундамент, но и сопровождаются высокими показателями по заключенным соглашениям между регионами и городами обозначенных стран.

Связи как канал поддержания отношений. Связи субнациональных акторов выполняют

коммуникативную функцию. Они не только связывают общественность разных стран, но также опосредованно влияют на взаимодействие между государствами. Большая доля соглашений между городами и регионами России и стран Евро-Атлантического региона сохраняют преемственность и придерживаются целей, заложенных в период выстраивания отношений между Советским Союзом и странами Европы и Северной Америки. Сегодня они продолжают связывать гражданские общества между собой даже в условиях осложненного диалога между Россией и странами Запада.

В отдельных субрегионах уровень связей существенно выше, что позволяет сохранять коммуникацию даже в условиях стремительных изменений. В частности, северо-западное измерение зарекомендовало себя не только как отдельное пространство соперничества между Россией и странами Европы. Форматы еврорегионов и городов-побратимов, будучи по-разному воспринимаемые российской и европейской властью, продолжают выполнять роль канала связей, выстраивания позитивного образа для зарубежной общественности [Joenniemi, Sergunin, 2014].

Влияние многостороннего подхода к дипломатии и его отражение во внешней политике России можно проследить и в географии международных

¹ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 21 февраля 1995 г.

² Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ от 10.10.2008 г.; Решение о роли Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ в развитии межрегионального сотрудничества государств – участников СНГ от 10.10.2014 г.; Конвенция о межрегиональном сотрудничестве государств – участников СНГ от 16.09.2016 г.

³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16.07. 2001 г.

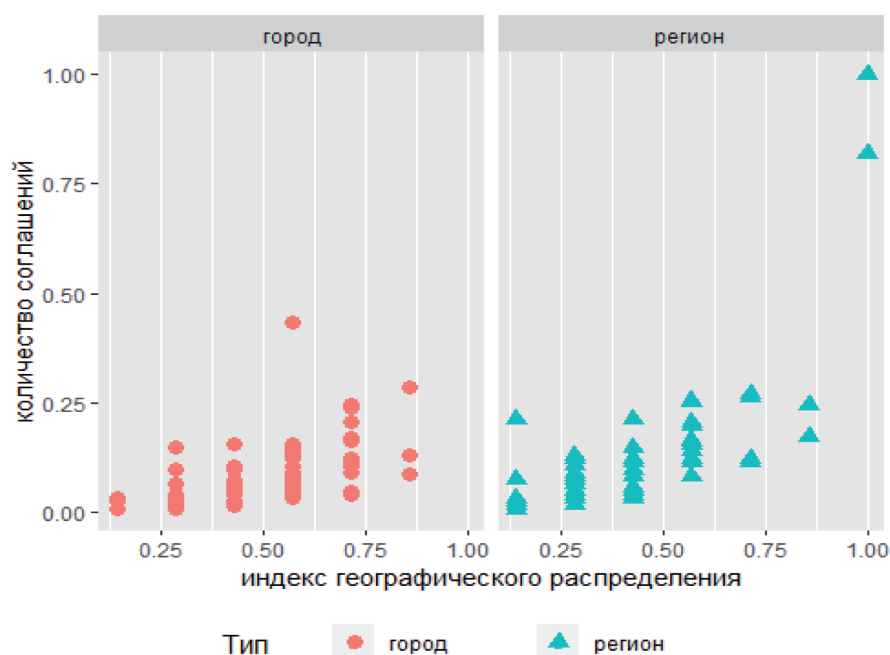

Рис. 3. Полигон распределения показателей по количеству соглашений и индексу географического распределения городов и регионов

связей городов и регионов. Диверсификация контактов отражается на субнациональном уровне: города и регионы избирательно выстраивают сотрудничество с представителями зарубежных стран и макрорегионов. В свою очередь, на государственном уровне они имеют приоритет и ранжирование. Опираясь на концепцию внешней политики России, мы можем проследить, какие из городов и регионов имеют большую географическую представленность. Кроме количественных показателей по заключенным соглашениям, это позволяет лучше понять степень важности в международной кооперации, которой придают значение субнациональные акторы.

В соответствии с Концепцией внешней политики России 2016 года¹ были выделены семь главных приоритетных направлений. Такими направлениями являются отношения со странами Содружества независимых государств (1), Евро-Атлантического (2), Арктического (3), Азиатско-Тихоокеанского (4), Ближневосточного регионов (5), Латинской Америки (6) и Африки (7). Соответственно, город и регион, который имеет хотя бы одного партнера из выделенных приоритетных направлений, будет иметь наивысший показатель.

Обозначим его в качестве переменной и назовем *индексом географического распределения*. Для

этого используем метод нечеткой логики и шкалирования, под которыми понимается такая форма операционализации категорий в общественных и гуманитарных науках, благодаря которой удастся точнее представить качественные характеристики объекта [Вершинин, Вершинина, 2007; Сморгун, Шерстобитов, 2018]. Представим переменную с помощью нечеткой логики в виде шкалы, где диапазон значений [0 ; 1] по оси абсцисс отражает уровень географического разнообразия: значение «0» говорит об отсутствии данных или информации по связям субнационального актора, а значение «1» говорит о том, что среди связей представлены все региональные направления.

Показатель количества соглашений аналогично был выражен в виде шкалы [0 ; 1] и отложен на оси координат. Значение показателя отражает пропорционально представленную зависимость между числом соглашений и расположением точки на оси (чем больше количество соглашений, тем ближе к «1»). Полученные результаты отражают распределение регионов и городов по отношению к количеству международных соглашений и географическому разнообразию (см. рис. 3).

В среднем российский регион имеет большее количество связей с зарубежными партнерами, чем город. При этом показательны данные двух акторов, Москвы и Санкт-Петербурга. Вместе с Севастополем они образуют подгруппу городов федерального значения, одновременно сочетая

¹Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>

в себе атрибуты города и региона. Огромное количество связей Москвы и Санкт-Петербурга, приходящееся на эти два города-региона, говорит об их особом положении в российской системе по ряду исторических, функциональных, географических и социально-экономических причин. Оба являются крупными агломерационными центрами в европейской части России, через них проходят логистические воздушные, наземные и морские маршруты высокого транспортного потока.

Обратная ситуация в результатах относительно индекса географического распределения. Значение среднего арифметического в 1,2 раза и медианы в два раза больше у города, чем у региона. Разрыв между ними мог бы быть выше, если причислить Москву и Санкт-Петербург, которые и так отображаются в качестве аномалий на полигоне, к группе городов (см. рис. 3). Все это позволяет сделать вывод о более значимой роли, которую города играют на субнациональном уровне в контексте международных отношений Российской Федерации. Более широкая география международных контактов среди городов может объясняться рядом причин. Во-первых, для городов отсутствует строгая нормативно-правовая рамка (по сравнению с субъектами федерации), регламентирующая и предписывающая действовать в соответствии с внешнеполитическим курсом страны. Во-вторых, количественно в мире городов больше, чем регионов, в то время как формат сетевых отношений и международных городских организаций благоприятствует городским властям участвовать в них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение субнационального уровня внешней политики является перспективной областью, которая представлена множеством заслуживающих анализа процессов и событий. Исследование связей регионов и городов является важным сюжетом, в котором раскрываются не получившие ранее внимания процессы и взаимоотношения разных акторов и агентов.

Города и регионы одновременно участвуют в международных процессах, имея диспаритеты с государством в статусе, количестве ресурсов, правовом положении, что сказывается на

их возможностях. В отличие от регионов города выступают более активными и «глобальными» акторами – это подтверждается показателями по количеству заключенных соглашений и географическому распределению партнеров. Причинами такого положения стоит назвать стремление к сбережению культурных контактов, сохранению преемственности связей на уровне гражданских обществ. Регионы, будучи включенными в систему власти страны, более скованы в вопросах осуществления международной деятельности.

Связи субнациональных акторов также дополняют и углубляют представление о внешней политике страны. Международные связи субнациональных акторов встраиваются в контекст внешней политики российского государства. Наблюдаются корреляции между внешнеполитическими интересами страны и достигнутыми результатами по развитию двусторонних отношений на субнациональном уровне. За тридцать лет парадипломатической деятельности российских городов и регионов заметны тенденции в диверсификации международных контактов. Ранее преобладающее положение стран Европы и Северной Америки в качестве основных партнеров компенсируется появлением линий сотрудничества со странами Содружества независимых государств, странами Восточной Азии. Тенденцией последних лет остается наращивание взаимодействия с Китаем и Белоруссией, что также сигнализирует об особом отношении российского руководства к партнерству именно с этими двумя государствами.

Применение смешанного метода анализа и построение моделей, основанных на количественных данных при помощи программного обеспечения, позволило глубже посмотреть на текущие международные процессы. В случае с городами и регионами это позволило системно взглянуть на накопленный опыт международной деятельности на субнациональном уровне. Безусловно, кейс-метод и дополняющий его компаративный метод важны и ценны для понимания специфики отдельного объекта исследования. Однако эклектичный подход в отношении методов позволил преодолеть скованность и по-новому рассмотреть процессы в описываемой области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hudson V. M. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. 2005. № 1(1). P. 1–30.
2. Лошкарёв И. Д. Проблема уровней анализа в теории международных отношений: на пути к онтологическим обязательствам? // Сравнительная политика. 2021. № 4. Т. 12. С. 5–18.

3. Артеев С. П., Лямцева Л. В. Международные связи российских регионов: генезис и институализация (на примере Республики Коми) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 82–87.
4. Акимов, Ю. Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // Сравнительная политика. 2021. № 3. Т. 12. С. 33–41.
5. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 141–157.
6. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy // Problems of Post-Communism. 2014. № 6(61). P. 18–33.
7. Pietrasiak M. et al. Paradiplomacy in Asia / M. Pietrasiak, G. Bywalec, T. Kaminski, D. Mierzejewski, M. Slowikowski. Case studies of China, India and Russia. Lodz: Lodz University Press. 2018.
8. Tavaréz R. Paradiplomacy: City and States as Global Players. Oxford: Oxford University Press. 2016.
9. Curtis S., Acuto M. The Foreign Policy of Cities // The RUSI Journal. 2018. № 6. Т. 163. P. 8–17.
10. Leffel B. Animus of the Underling: Theorizing City Diplomacy in a World Society // The Hague Journal of Diplomacy. 2018. № 13. P. 502–522.
11. Мухаметов Р. С. Факторы международной активности российских городов // Вестник Московского государственного института международных отношений (Университет). 2020. № 6(13). С. 153–174.
12. Золотарев Ф. Е. Город Екатеринбург как глобальный актор в современных международных отношениях // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. № 2(15). С. 71–81.
13. Buchmann T. Concepts of Descriptive Network Analysis = Concepts of Descriptive Network Analysis // The Evolution of Innovation Networks. 2015. P. 55–69.
14. Вершинин М. И., Вершинина Л. П. Применение нечеткой логики в гуманитарных исследованиях // Библиосфера. 2007. № 4. С. 43–47.
15. Дегтерев Д. А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. № 2(41). Т. 13. С. 35–54.
16. Сморгун Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети. Теория и методы анализа. М.: Аспект Пресс, 2018.
17. Sharafutdinova, G. Opportunities and Limits of Self-Creation and Identity Politics: Tatarstan's Paradiplomatic Project / Matsuzato K. // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries Slavic Research Center, Hokkaido University. 2005. P. 387–408.

REFERENCES

1. Hudson, V. M. (2005). Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations. Foreign Policy Analysis, 1(1), 1–30.
2. Loshkariov, I. D. (2021). The Problem of Levels of Analysis in the Theory of International Relations: on the Way Towards Ontological Obligations? Comparative Politics Russia, 4(12), 5–18. (In Russ.)
3. Arteev, S. P., Lyamtseva, L. V. (2019). International Relations of Russian Regions: Genesis and Institutionalization (on the Example of the Komi Republic). Tomsk State University Journal, 445, 82–87. (In Russ.)
4. Akimov, Y. G. (2021). International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations. Comparative Politics Russia, 3(12), 33–41. (In Russ.)
5. Mikhailenko, E. B., Verbitskaya, T. V. (2018). Formation and development of the paradiplomatic activity of the Sverdlovsk region (1991 – present time). Bulletin of Perm University. Political Science, 1, 141–157. (In Russ.)
6. Joenniemi, P., Sergunin, A. (2014). Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy. Problems of Post-Communism, 6(61), 18–33.
7. Pietrasiak, M. et al. (2018). Paradiplomacy in Asia. Case studies of China, India and Russia / M. Pietrasiak, G. Bywalec, T. Kaminski, D. Mierzejewski, M. Slowikowski. Lodz University Press.
8. Tavaréz, R. (2016). Paradiplomacy: City and States as Global Players. Oxford: Oxford University Press.
9. Curtis, S., Acuto, M. (2018). The Foreign Policy of Cities. The RUSI Journal, 6(163), 8–17.
10. Leffel B. (2018). Animus of the Underling: Theorizing City Diplomacy in a World Society. The Hague Journal of Diplomacy, 13, 502–522.
11. Mukhametov, R. S. (2020). Factors of International Activity of Russian Cities: The Results of the Empirical Analysis. MGIMO Review of International Relations, 6(13), 153–174. (In Russ.)
12. Zolotarev, F. E. (2021). City of Yekaterinburg as a Global Actor in the Modern International Relations. Bulletin of Perm University. Political Science, 2(15), 71–81. (In Russ.)
13. Buchmann, T. (2015). Concepts of Descriptive Network Analysis. The Evolution of Innovation Networks (pp. 55–69). (In Russ.)
14. Vershinin, M. I., Vershinina, L. P. (2007). Application of Fuzzy Logic in Humanities Research. Biblosphere, 4, 43–47.
15. Degterev, D. (2015). Quantitative Methods in International Studies in Russia and abroad. International Trends, 2(41), 35–54. (Vol. 13). (In Russ.)

16. Smorgunov, L. V., Sherstobitov, A. S. (2018). Politicheskie seti. Teoriya i metody analiza. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
17. Sharafutdinova, G. (2005). Opportunities and Limits of Self-Creation and Identity Politics: Tatarstan's Paradiplomatic Project. In Matsuzato K. (Ed.). Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries Slavic Research Center (pp. 387–408). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотарев Федор Евгеньевич

аспирант-исследователь Центра изучения Германии и Европы
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zolotarev Fedor Evgenievich

PhD Fellow of the Centre for German and European Studies,
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 18.03.2022
одобрена после рецензирования 16.04.2022
принята к публикации 20.04.2022

The article was submitted 18.03.2022
approved after reviewing 16.04.2022
accepted for publication 20.04.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_43

История повторяется? Новая геополитическая блоковая структура создается в Индо-Тихоокеанском регионе

С. Г. Киселев¹, А. Б. Опокин²

¹Московский государственный лингвистический университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ksg56@mail.ru

²Государственный университет управления, Москва, Россия, alopokin@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс создания новой блоковой структуры в Индо-Тихоокеанском макрорегионе с участием США, Великобритании, Австралии, проводится сравнительный анализ с процессом создания североатлантической блоковой структуры. Автором делается вывод о наличии исторических параллелей в характеристике данных процессов. Создание AUKUS представляется новым этапом в трансформации глобальной геополитической модели и изменения глобального статус-кво.

Ключевые слова: новая блоковая структура, НАТО, AUKUS, QUAD, трансформация геополитической модели, геодиверсификация, геополитическая конкуренция, междиверсификационное противоборство, англосаксонская геодиверсификация, столкновение интересов цивилизаций, геополитические вызовы, геодиверсификационные вызовы

Для цитирования: Киселев С. Г., Опокин А. Б. История повторяется? Новая геополитическая блоковая структура создается в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 43–47. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_43

Original article

Is History Repeating Itself? A New Geopolitical Block Structure is Being Created in the Indo-Pacific Region

Sergey G. Kiselev¹, Alexey B. Opokin²

¹Moscow State Linguistic University, Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia ksg56@mail.ru

²State University of Management, Moscow, Russia, alopokin@yandex.ru

Abstracts. The article examines the process of creating a new block structure in the Indo-Pacific macroregion with the participation of the United States, Great Britain, Australia, and conducts a comparative analysis with the process of creating a North Atlantic block structure. The author concludes that there are historical parallels in the characteristics of these processes. The creation of AUKUS seems to be a new stage in the transformation of the global geopolitical model, a factor in changing the global status quo that has been developing for decades.

Keywords: new block structure, NATO, AUKUS, QUAD, transformation of the geopolitical model, geo-civilization, geopolitical competition, intercivilizational confrontation, Anglo-Saxon geo-civilization, clash of interests of civilizations, geopolitical challenges, geo-civilization challenges

For citation: Kiselev, S. G., Opokin, A. B. (2022). Is history repeating itself? A new geopolitical block structure is being created in the Indo-Pacific Region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 43–47. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_43

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования вопроса, поставленного в теме статьи, обусловлена запуском процесса формирования новой блоковой структуры в Индо-Тихоокеанском макрорегионе, имеющей не только региональное, но и глобальное значение, инициированного англосаксонскими странами – Великобританией, США и Австралией. В середине сентября 2021 г. было объявлено о создании блока AUKUS, ранее – пакта QUAD. Происходящее наталкивает на мысль о том, что наблюдается сходство с процессом создания атлантической блоковой системы в послевоенные годы (после Второй мировой войны). Исторические параллели напрашиваются и с точки зрения институционального алгоритма, и процессуальных сценариев, и первоначального состава, и идейной, гецивилизационной основы. Условно можно назвать данный проект «индо-тихоокеанским вариантом НАТО».

Автором применяются методы контекстно-исторического анализа международных процессов, сравнительного анализа, геополитического подхода к исследованию глобальных проблем и цивилизационно-культурный метод исследования процессов, связанных с межкультурным взаимодействием и межкультурными противоречиями, заложенными в обеих блоковых структурах.

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС И БЛОК AUKUS: АНГЛО-САКСОНСКОЕ НАЧАЛО

Как и 75 лет назад, речь идет о создании англо-саксонского союза. Тогда все началось со знаменитой речи У. Черчилля в колледже американского города Фултона, произнесенной в присутствии президента США Трумэна, послужившей началом формирования биполярной геополитической модели, создания военно-политических блоков и экономических союзов, символизирующих противостояние двух глобальных миросистем. В речи британского политика было заявлено о необходимости создания военно-политического союза англо-саксонских стран – Британии, США и Канады, с возможным присоединением других стран западной цивилизации. Теперь – в AUKUS вошли англо-саксонские Британия, США и Австралия, с вполне возможным, на наш взгляд, присоединением Канады и Новой Зеландии. Тогда, через несколько лет после фултоновской речи, был создан Евроатлантический союз – НАТО.

В канун создания НАТО был сформирован экономический союз западных европейских

стран – Организация Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР, 1948), а НАТО создан в 1949 г. Теперь, в канун создания AUKUS, был создан экономический союз, так называемый четырехсторонний диалог по безопасности, прежде всего, экономической безопасности – QUAD (США, Австралия, Индия и Япония) в 2017 г. Причем он был практически «заморожен» до объявления о создании AUKUS.

Новая блоковая структура создается не на пустом месте, а на определенной организационной основе, сложившейся в регионе и имеющей отношение к странам-организаторам. В этом плане следует отметить две союзнические структуры.

Во-первых, – это «5 глаз» (*Five Eyes*), полное название – *Five Eyes Intelligence Oversight and Review Council* (FIORC) – военно-политический разведывательный альянс пяти англо-саксонских государств (Австралия, Новая Зеландия, США, Великобритания и Канада), занимающийся геопространственной и электронной разведкой [Five Eyes, 2022].

Во-вторых, пятистороннее оборонительное соглашение FPDA (Британия, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур), согласно которому вышеперечисленные государства, к примеру, имеют систему единой военно-воздушной обороны и проводят ежегодные военно-морские и военно-воздушные учения¹. Как видим, и здесь наблюдается определенная параллель – в свое время НАТО в значительной степени строился на базе союзнического антигитлеровского военного блока времен Второй мировой войны (за исключением СССР, который состоял в данном союзе во время войны, но в фултоновской речи был объявлен врагом Запада).

Что касается руководящих документов, то устава AUKUS как такового, подобного Уставу НАТО, пока нет, но есть документ под названием Индо-Тихоокеанская стратегия США. Это достаточно «свежий» документ. Данная Стратегия принята в США через несколько месяцев после объявления о создании AUKUS, в феврале 2022 г. Видимо, ею и руководствуются организаторы, по крайней мере пока. Кстати, в ней указывается на укрепление связей и взаимодействия между Евроатлантическим и Индо-Тихоокеанским регионами в рамках формата AUKUS. В Стратегии подчеркивается, что «Индо-Тихоокеанский регион является самым динамичным регионом в мире» и что необходимо «более прочное закрепление Соединенных Штатов в ИТР»².

¹Оборонное соглашение пяти держав. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/11/oboronnoe-soglashenie-pyati-derzhav/>

²Перспективы сотрудничества: новая Индо-Тихоокеанская стратегия США. URL: <https://share.america.gov/ru>

ИНДО-ТИХООКЕАНСКИЙ ВОДОРАЗДЕЛ

Если сфера функционирования НАТО оформлена евро-атлантическим пространством, то сфера функционирования AUKUS – индо-тихоокеанским пространством, т. е. вновь океаническим водоразделом. Причем уже сейчас аналитики отмечают признаки формирования масштабного регионального мегарегиона – ИТР. Индо-Тихоокеанский макрорегион, по замыслу организаторов, на наш взгляд, должен выполнить роль противовеса растущей экономической и торговой экспансии Китая.

Для справки, в ИТР проживает более половины населения планеты, из них 58 % молодого населения мира. На макрорегион приходится порядка двух третей мирового ВВП и мировой торговли.

Становится все более заметным, что если раньше на слуху в качестве главного мирового динамично развивающегося торгово-экономического региона звучал Азиатско-Тихоокеанский регион, то теперь все чаще в аналитике упоминаются такие словосочетания, как ИТР, индо-тихоокеанский вектор международного сотрудничества, индо-тихоокеанский потенциал мировой торговли и т. п.

ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ AUKUS

Оба военно-политических блока, о которых идет речь, – и НАТО и AUKUS – имеют схожую геацивилизационную основу формирования. Что имеется в виду? В ст. 5 Устава НАТО говорится о том, что этот альянс создан для защиты интересов народов западной цивилизации [НАТО: Справочник 1995]. Такой же, по сути, предстает идейно-цивилизационная платформа нового блока. В опубликованном 16 сентября 2021 г. заявлении канцелярии премьер-министра Великобритании о создании AUKUS сказано, что Австралия, Великобритания и США договорилась о «знаковом партнерстве в области обороны и безопасности, которое будет защищать и отстаивать общие интересы в Индо-Тихоокеанском регионе»¹.

И хотя, как известно, в НАТО входит цивилизационно незападная Турция, это, скорее, исключение, подтверждающее правило. Турция нужна НАТО, как региональный натовский форпост. Как, впрочем, таким исключением может стать Япония, которая в апреле 2022 г. заявила о готовности присоединиться к AUKUS.

Уинстон Черчилль в своей знаменитой фолтоновской речи, давшей сигнал установлению

«железного занавеса» и призвавший к созданию военно-политического союза, который затем и был создан под названием Евроатлантический альянс (НАТО), предложил включить в него прежде всего англо-саксонские Великобританию, США и Канаду, а также Францию и призвал «привлекать для этого другие страны» [Черчилль, 2007], имея в виду государства западной цивилизации. Кстати, там же Черчилль назвал ядерное оружие «совместным достоянием США, Великобритании и Канады», акцентируя внимание опять же на их единой англо-саксонской фундаментально-ценностной цивилизационной основе.

Принцип прочности союзов, заключающийся в необходимости единой культурно-цивилизационной фундаментально-ценностной платформы, сформулировал 150 лет назад наш соотечественник Н. Я. Данилевский в труде «Россия и Европа» (1869), ставшим основополагающей работой мировой цивилизационной геополитики [Данилевский, 2003]. Похоже, организаторы новой блоковой структуры вновь придерживаются данного принципа как руководящего правила.

РЕАКЦИЯ РОССИИ И КИТАЯ НА СОЗДАНИЕ AUKUS И QUAD

Российская Федерация и КНР отнеслись к созданию новой блоковой структуры негативно. Глава МИД РФ Сергей Лавров, выступая в октябре 2021 г. на 29-й Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, заявил, что новый альянс между США, Великобританией и Австралией – AUKUS, а также четырехсторонний диалог по безопасности США, Японии, Индии и Австралии (Quad) направлены на размытие многолетних универсальных форматов сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, существующих под эгидой Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Новая индо-тихоокеанская стратегия в формате AUKUS, по словам российского министра иностранных дел, направлена на развал «системы, которая опиралась на необходимость уважать неделимость безопасности и открыто провозгласила своей целью сдерживание Китая»².

Создание AUKUS вызвало официальную обеспокоенность в Китайской Народной Республике (*Ответ Китая на создание блока AUKUS, 2022*). А на неофициальном уровне прозвучала весьма резкая критика. К примеру, Ша Цзукан, бывший заместитель Генерального секретаря ООН по экономическим и социальным вопросам, выступая в Пекине

¹Ответ Китая на создание блока AUKUS. URL: https://www.guancha.cn/military-affairs/2020_10_22_568884.shtml

²Лавров: создаваемые США альянсы AUKUS и Quad размывают форматы сотрудничества в АТР. URL: <https://news.mail.ru/politics/48184534>

на заседании неправительственной Китайской ассоциации по контролю над вооружениями и разоружению (China Arms Control and Disarmament Association), комментируя создание AUKUS и предоставление Соединенными Штатами Америки Австралии атомных подводных лодок, заявил, что «настало время пересмотреть принятое КНР еще в середине 1960-х годов обязательство использовать ядерное оружие только в качестве ответной меры» из-за создания США новых военных союзов в АТР и увеличения своего военного присутствия рядом с Китаем¹.

Значимость процесса формирования новой блоковой структуры для обеспечения национальной безопасности как России, так и КНР, подчеркивает сообщение о том, что Президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин обсудили «проблему создания новых альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе» в ходе встречи в Пекине в феврале 2022 г. В Совместном заявлении РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии указывается, что «Россия и Китай всерьез обеспокоены созданием США, Великобританией и Австралией объединения AUKUS, которое предусматривает углубление сотрудничества между его участниками в сферах, затрагивающих стратегическую стабильность»².

По мнению аналитиков, новая блоковая структура направлена против Китая и его растущей мощи. Этой позиции придерживается большинство экспертов. Однако не будем забывать об интересах национальной безопасности России на Дальнем Востоке, в евразийском пространстве [Kiselev et al., 2019], о «стратегии Анаконды», о «стратегии звеньев одной цепи» Генри Киссинджера, направленных на окружение России как геополитического центра сетью военных баз государствами – союзниками США (такими, например, как Япония, Южная Корея) и другими элементами силы.

Несколько слов о перспективах. В ответ на создание НАТО и ОЭСР были созданы две

межгосударственные организации: военно-политический блок Организация Варшавского Договора (ОВД) и экономический союз – Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Складывающаяся геостратегическая ситуация в ИТР буквально диктует вопрос: будет ли, согласно вышеуказанной аналогии, создан военно-политический блок – антипод AUKUS (к примеру, с участием Китая и России)? Ответить на данный вопрос сейчас крайне сложно. Можно лишь сформулировать аналитическую гипотезу, первый сценарий которой, учитывая геостратегию Китая, исключающую участие в военно-политических блоках, отрицает такую возможность. Однако второй сценарий, учитывающий новые геополитические реалии трансформирующегося миропорядка, и в том числе создание рассматриваемой новой блоковой структуры в ИТР, способной кардинально изменить стратегический баланс сил, как в ИТР, так и глобальном масштабе, предполагает возможное создание такого военно-политического союза, противостоящего Соединенным Штатам Америки и возглавляемым им военно-политическим альянсам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель проведенного исследования заключалась в определении значимости создания новой блоковой структуры AUKUS и QUAD для формирующегося нового мирового порядка, состояния национальной и международной безопасности.

В результате исследования получены следующие выводы. Новая блоковая структура, включающая организации AUKUS и QUAD, способна изменить стратегический баланс сил, а это ключевое понятие, отражающее устойчивость системы мирового порядка. Создание новой блоковой структуры представляет собой серьезный вызов состоянию международной безопасности, функционированию уже сложившихся международных организаций, таких, например, как АСЕАН, БРИКС (теперь Индия и Китай могут стать, при определенном стечении обстоятельств, не столько партнерами, сколько геополитическими конкурентами) и других. Данный вызов диктует необходимость формирования адекватных ответов [Киселев, 2003].

¹URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/chinas-response-to-the-creation-of-the-aucus-block>

²Путин и Си Цзиньпин выступили с заявлением по международным проблемам. URL: <https://rg.ru/2022/02/06/putin-i-si-czinpin-vystupili-s-zaiavleniem-po-mezhdunarodnym-problemam.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Five Eyes Intelligence Oversight and Review Council (FIORC). URL: www.dni.gov.
2. НАТО: Справочник. Брюссель. Бюро информации и печати НАТО, 1995.
3. Черчилль У. Мускулы мира. Речь в Вестминстерском колледже, г. Фултон, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г. // Геополитика. Классические школы геополитики. Современная российская геополитика. Хрестоматия. Сер. «Хрестоматия» / сост. Б. А. Исаев. СПб. : Питер, 2007. С. 163–170. ISBN 5-94807-016-6
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Известия, 2003.

5. Kiselev S. G. et al. The Eurasian Economic Union (EEU): The International Legal Status and Political Role in the Context of Globalization and Regionalization / S. G. Kiselev, T. A. Yashkova, R. A. Yavchunovskaya, I. B. Kabytkina, D. F. Gurinovich, A. B. Opokin // International Journal of Management and Business Research. 2019. Issue 4. Vol. 9. P. 198–203.
6. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М. : Известия, 2003.

REFERENCES

1. Five Eyes Intelligence Oversight and Review Council (FIORC). URL: www.dni.gov.
2. NATO: Spravochnik = NATO: Handbook (1995). Bryussel': Byuro informacii i pechati NATO.
3. Churchill, U. (2007). Muskuly mira. Rech' v Vestminsterskom kolledzhe, g. Fulton, shtat Missuri, SShA, 5 marta 1946 g. = The muscles of the world. Speech at Westminster College, Fulton, Missouri, USA, March 5, 1946 (pp. 163–170). Geopolitika. Klassicheskie shkoly geopolitiki. Sovremennaya rossijskaya geopolitika. Hrestomatiya. Ser. «Hrestomatiya». Saint-Peterburg: Piter. (In Russ.)
4. Danilevskij, N. Ya. (2003). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow: Izvestiya. (In Russ.)
5. Kiselev, S. G. et al. (2019). The Eurasian Economic Union (EEU): The International Legal Status and Political Role in the Context of Globalization and Regionalization / S. G. Kiselev, T. A. Yashkova, R. A. Yavchunovskaya, I. B. Kabytkina, D. F. Gurinovich, A. B. Opokin. International Journal of Management and Business Research, 4(9), 198–203. (In Russ.)
6. Kiselev, S. G. (2003). Osnovnoj instinkt civilizacij i geopoliticheskie vyzovy Rossii = The basic instinct of civilizations and the geopolitical challenges of Russia. Moscow : Izvestiya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселев Сергей Георгиевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Опокин Алексей Борисович

старший преподаватель кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kiselev Sergey Georgievich

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University, Professor at the Department of International Security and Foreign Policy of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Opokin Alexey Borisovich

Senior Lecturer of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management

Статья поступила в редакцию 20.03.2022
одобрена после рецензирования 16.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 20.03.2022
approved after reviewing 16.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327

DOI DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_48

Спортивная политика как инструмент воздействия на современное общество

Е. Д. Леонтьев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
edl24@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты закономерности оказания влияния спортивной политики на различные стороны жизни современного общества, попытки использовать методы политического давления на руководство как внутри страны, так и на международной арене. Автором подробно проанализированы всевозможные способы использования спорта в интересах мобилизации населения на поддержку самых различных акций, предпринимаемых государственными структурами, в том числе организацию бойкота крупных международных спортивных соревнований, а также в качестве одного из эффективных инструментов «мягкой силы» государства.

Ключевые слова: спорт, спортивная политика, профессиональный спорт, массовый спорт, физическая культура и спорт, здоровый образ жизни, спортивные соревнования, международные соревнования, Олимпийские игры, бойкот

Для цитирования: Леонтьев Е. Д. Спортивная политика как инструмент воздействия на современное общество // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 48–53. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_48

Original article

Sports Policy as a Tool of Influence on Modern Society

Evgeniy D. Leontyev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
edl24@mail.ru

Abstract. The article deals with the influence of sports policy on various aspects of the life of modern society, the use of sports as an effective tool of political influence both within the country and in the international arena. The author describes in detail the various ways of putting pressure on government structures with the help of sports, the use of sports in the interests of mobilizing the population to support a variety of actions taken by state structures, as well as one of the elements of the “soft power” of the state.

Keywords: sports, sports policy, professional sports, mass sports, physical culture and sports, healthy lifestyle, sports competitions, international competitions, Olympic Games, boycott

For citation: Leontyev, E. D. (2022). Sports policy as a tool of influence on modern society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 48–53. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_48

ВВЕДЕНИЕ

Спорт в настоящее время в жизнедеятельности любого общества выполняет целый ряд важных функций: социальных, политических, экономических, культурных. Сюда относятся и насаждение здорового образа жизни, и воспитание мужества, выдержки, патриотизма, гордости за свою страну. Особенно роль и значение спорта в целом и спортивной политики, в частности, в оказании влияния на процессы, происходящие в обществе, возрастают в условиях резкого обострения информационного противоборства как на международной арене, так и внутри самих стран, что несомненно касается проводимой спортивной политики и Российской Федерацией.

РОЛЬ СПОРТА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В современном глобализирующемся мире спорт представляет собой общественное явление, имеющее отношение к значительным по численности группам населения практически во всех странах мира. К важнейшей функции, которую успешно выполняет спорт в социальной и политической жизни современного общества, относится, прежде всего, пропаганда здорового образа жизни. По данным социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), граждане Российской Федерации очень ответственно относятся к здоровому образу жизни, большинство россиян (70 %) занимаются спортом для укрепления своего здоровья¹.

Однако этой функцией роль и значение спорта не ограничиваются. Проведение в рамках страны престижного международного соревнования, так же, как и особенно победа выдающихся спортсменов или национальной команды на этих соревнованиях существенным образом поднимают волну патриотизма среди основной массы граждан страны, служат сплочению всей нации. Достигнутые в ходе подобных соревнований результаты позволяют политической элите страны эффективно использовать спорт в качестве действенного инструмента политического влияния на общество [Meunaud, 1966].

В рамках изучения политической составляющей спорта часть исследователей придерживается мнения, что понятие «спортивная политика» адекватно термину «социальная политика в области спорта» [Исаев, 2002, с. 14]. С этой

точки зрения спортивная политика может рассматриваться как одно из направлений социальной политики. Спортивная политика оказывает свое воздействие на массы населения в первую очередь через политические партии, различные общественные и спортивные организации, которые в свои программы включают вопросы, касающиеся организации и вовлечения населения регулярным занятием как оздоровительным спортом, так и профессиональным.

В своей деятельности по оказанию влияния на государственные органы, опираясь на возможности средств спортивной политики, политические партии и общественные организации используют следующие три способа. К первому из них относится проведение спортивных мероприятий самого различного плана в целях демонстрации протестных настроений отдельных групп населения, недовольных решениями руководства страны по конкретному вопросу или в целом осуществляемой политической линией. Попытки оказания давления на руководство государства в решении различных социальных или политических вопросов в той или иной форме и степени имеют место практически в период подготовки и проведения любых крупных спортивных соревнований, особенно международного плана. Подобные попытки имели место в период подготовки к проведению зимней Олимпиады в Сочи в 2014 г., когда значительные расходы на строительство спортивных объектов Олимпиады искусственно связывались с низким жизненным уровнем населения России и обвинениями организаторов в якобы нецелевом расходовании средств и имевших место случаях коррупции (*dw.com*, 31.05.2013).

Во-вторых, призывы к организации и проведению бойкота различных международных спортивных соревнований, в первую очередь международного уровня. Подобные попытки, к глубокому сожалению, предпринимались неоднократно с момента самого возрождения П. Кубертенем олимпийского движения и Олимпийских игр в 1896 г. [Гик, Гупало, 2014]. Самой масштабной в этом отношении явилась организация западными государствами во главе с США бойкота летних Олимпийских игр в Москве в 1980 г., которые в качестве формального повода использовали отправку частей 40-й армии Советских вооруженных сил в Афганистан в декабре 1979 г.

Попытки организации бойкота крупных международных спортивных мероприятий в качестве средства политического давления не прекращаются и в Новейшей истории. Не явились в этом отношении исключением и зимние Олимпийские

¹Опрос показал отношение россиян к занятию спортом // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20191113/1560877330.html>

игры в Сочи, где в качестве повода к попытке организации бойкота послужило принятие Государственной Думой закона о запрете гей-пропаганды, а также о якобы имевшей место «оккупации российскими воинскими формированиями части грузинской территории» (В. Э. Багдасарян. *Олимпиада и политика: идеологический ракурс* // *Центр научной и политической мысли и идеологии*. 2014¹). Но, несмотря на всю мощь развернувшейся антироссийской пропаганды, сорвать подготовку и проведение сочинской Олимпиады организаторам бойкота не удалось: зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи и по представительству руководителей государств-участников, и по самому проведению, по оценкам спортсменов и гостей, явились самыми лучшими за всю послевоенную историю проведения зимних Олимпиад.

Попытка организации бойкота со стороны представителей американского конгресса была предпринята и в 2018 г. в связи с проведением в Российской Федерации чемпионата мира по футболу (*REGNUM*, 15.08.2008). В качестве повода к организованной ими политической акции на сей раз была предпринята попытка использовать ситуацию, связанную с включением Республики Крым и Севастополя в состав России. И сегодня методы оказания политического давления на руководство отдельных государств с использованием стратегии организации бойкота крупных международных спортивных соревнований, не потеряли свою актуальность. В преддверии проведения зимних Олимпийских игр в Китае в 2022 г. США и ряд их союзников заявили о дипломатическом бойкоте – отказе посылать в Пекин на открытие Олимпиады свои дипломатические и официальные делегации, мотивируя свои действия якобы имеющим место притеснениями уйгуров в Синьдзян-Уйгурском автономном районе (М. Коваленко. *США заплатят за ошибочные действия. Китай пообещал ответить на дипломатический бойкот Олимпиады 2022* // *Коммерсант*, 07.12.2021).

В-третьих, накануне и ходе проведения крупных международных соревнований, как правило, существенным образом активизируют свою деятельность криминальные группировки самой различной направленности, пытающиеся использовать данные мероприятия в своих преступных целях – оказания давления на правительства государств-участников, с угрозами проведения террористических актов. Подобная попытка была предпринята и в преддверии Олимпиады в Сочи со стороны международной террористической

организации «Имарат Кавказ», руководимой Д. Умаровым (Д. Козлов. *Доку Умаров угрожает терактами во время Олимпиады в Сочи* // *Коммерсант*, 16.12.2013).

Что касается внутривнутриполитических проблем деятельности государства, то спортивная политика оказывает влияние в первую очередь на социальные процессы, происходящие в жизни общества. Члены политических партий, спортивных и других общественных организаций, принимая участие в спортивной деятельности, в состоянии мобилизовать население на поддержку самых различных шагов, предпринимаемых определенными государственными органами [Kroscow, 1984].

Во-первых, высокие результаты, достигнутые спортсменами в ходе соревнований, в значительной мере служат определенным показателем успешной государственной спортивной политики и, таким образом, экстраполируются на весь политический курс страны [Наумов, 2017]. Всё это способствует тому, чтобы отодвинуть на второй план и определенным образом затушевать возникающие на данный период времени социальные проблемы в жизни различных слоев населения.

Во-вторых, показанные спортсменами на соревнованиях высокие достижения в значительной мере служат повышению международного рейтинга государства. Мы имели возможность воочию в этом убедиться, анализируя результаты, достигнутые российскими спортсменами на зимней Олимпиаде в Сочи в 2014 г. и российскими футболистами на чемпионате мира в 2018 г.

В-третьих, спортивные соревнования объединяют болельщиков и сплачивают значительные группы населения вокруг идеи поддержки своей команды, могут в определенной степени представить собой основу для разработки национальной идеи в целом, т. е. «быть идеальным вместилищем любой идеологии» [Щепинов, 2010, с. 123]. По данным ВЦИОМ, всплеск рейтинга Президента Российской Федерации В. В. Путина пришелся на период, связанный с успехами, достигнутыми нашими спортсменами на зимней Олимпиаде в Сочи в феврале 2014 г. и присоединением Крыма в марте этого же года (*Рейтинг Путина достиг максимума за три года, сообщает ВЦИОМ* // *ria.ru*. 10:43 13.03.2014).

В-четвертых, спортивные соревнования международного уровня, в которых, как правило, участвуют профессиональные спортсмены, в немалой степени оказывают влияние на всё остальное население, побуждая его к занятиям физической культурой и массовым спортом. Так, в период после Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. и чемпионата мира по футболу в 2018 г., число граждан

¹URL: <http://rusrand.ru/analytics/olimpiada-i-politika-ideologicheskij-rakurs>

Российской Федерации, желающих приобщиться к занятиям физической культурой и спортом, существенно возросло. Как указал в этой связи на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта В. В. Путин: «За последние 10 лет число тех, кто выбрал спорт как образ жизни, как досуг, возросло с 17 до почти 40 % и превысило 54 млн человек» (К. Завражкин, К. Латухина. Путин поручил принять новую стратегию развития физкультуры и спорта // *Российская газета*, 27.03.2019).

СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Спорт как один из инструментов «мягкой силы» в интересах решения политических проблем может быть использован в следующих случаях:

- оказания опосредованного или непосредственного давления на национальные олимпийские комитеты и Международный олимпийский комитет;
- попыток экстраполировать рекордные результаты, достигнутые отечественными спортсменами на международных соревнованиях, на достижения в экономике и других областях деятельности государства и тем самым способствовать повышению его имиджа на международной арене;
- стремления укрепить сплоченность населения в решении самых различных вопросов, мобилизовать его на поддержку достижения национальных целей;
- привлечения известных спортсменов к проведению информационно-пропагандистских кампаний как внутри страны, так и за ее пределами, способствующих укреплению репутации руководства страны и проводимой им политической линии.

В настоящее время невозможно решать задачи, связанные с развитием физической культуры и спорта в стране, без соответствующего финансирования со стороны государства, что особенно важно в условиях перехода Российской Федерации к рыночной системе ведения народного хозяйства и в связи с этим изменением системы экономической деятельности спортивных общественных организаций, необходимости привлечения финансовых средств частных лиц, спонсоров в лице представителей крупного бизнеса. «Со спортом связана целая бизнес-индустрия, – отметил Президент РФ В. В. Путин и поручил разобраться, чтобы «часть доходов, формирующихся вокруг профессионального спорта, целевым образом направлялась бы на развитие массового спорта, на воспитание новых звезд» (К. Завражкин, К. Латухина. Путин поручил принять новую стратегию развития физкультуры

и спорта // *Российская газета*, 27.03.2019). В этой связи В. В. Путин дал поручение кабинету министров разработать «Стратегию развития физической культуры и спорта до 2030 года», которая была доложена на заседании правительства 24 ноября 2020 г. и утверждена Председателем Правительства М. Мишустиним (*Мишустин утвердил стратегию развития физкультуры и спорта в РФ до 2030 года* // *tass.ru*. 28.11.2020).

Стремление использовать спорт для решения различных политических задач характерно не только для государства, но также и для политических партий и общественных организаций [Истон, 1997]. Членство в данных организациях сулит определенные выгоды не только самим спортсменам и тренерам, но и обществу в целом. Спортивные мероприятия самых различных направлений используются активным образом для реализации своих политических целей и задач политтехнологиями всех уровней. К ним относится в первую очередь использование фанатских групп и объединений в различных политических акциях, особенно деструктивного характера. Наглядным подтверждением может служить использование футбольных фанатских группировок в ходе событий на так называемом «Майдане» на Украине в первом полугодии 2014 г., где они выступали в качестве основной дестабилизирующей силы, зачинщиков нарушения правопорядка и уличных столкновений (*Участие украинских ультрас на Евромайдане. Первый этап*. shurman1922.livejournal.com/50019.html). Практика вербовки футбольных болельщиков для пополнения рядов различных неонацистских организаций широко распространена в некоторых странах Западной Европы [Пальцев и др., 2017].

Процесс подготовки спортивных соревнований европейского и тем более мирового уровня позволяет правительствам государств, добившихся такого права на проведение подобных мероприятий, в значительной степени отвлечь население страны, по крайней мере на определенное время, от существующих социальных и экономических проблем. Особенно большим подспорьем как для правящих политических партий, так и их лидеров являются существенные спортивные результаты, достигнутые как национальными командами, так и отдельными спортсменами, в подготовке и проведении избирательных кампаний.

Возможности по использованию спорта в качестве эффективного инструмента «мягкой силы» способствует также тесная связь организаторов спортивной деятельности со многими средствами массовой информации как внутри страны, так и за рубежом, что позволяет им оказывать влияние и манипулировать общественным мнением

в выгодном для себя свете. Информационные технологии, которыми располагают в настоящее время средства массовой информации, дают возможность возвысить престиж любого государства, его достижения во внутренней и внешнеполитической областях и, наоборот, распространением всевозможных фейков нанести существенный ущерб репутации любой страны [Güldenpfennig, 1981]. И в этом смысле концентрирование внимания общественности на успехах, достигнутых как отдельными спортсменами, так и национальными командами на крупных международных соревнованиях, позволяет представить их как величайшее достижение всей государственной политики руководства страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С вступлением в XXI век, характеризующийся резким обострением информационного противоборства, в качестве инструмента воздействия

на массовое сознание населения всё в большей мере стали использоваться спорт и соответствующая ему спортивная политика. Спортивная политика стала касаться не только вопросов, непосредственно связанных с проведением различного рода и уровня спортивных соревнований, привлечением населения к регулярным занятиям физической культурой, пропагандой здорового образа жизни, но и в значительной степени проблем социализации, воспитания патриотизма, гордости за свою страну. Достиженные спортсменами страны выдающиеся результаты на соревнованиях мирового уровня умело экстраполируются государственным пропагандистским аппаратом на всю проводимую им внутреннюю политику, систему ценностей и идеалов, тиражируются средствами массовой информации, специализирующимися в работе с зарубежной аудиторией, в направлении укрепления международного имиджа и репутации государства на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meynaud J. Sport et politique. Paris, 1966.
2. Исаев А. А. Спортивная политика России. М. : Советский спорт, 2002.
3. Гик Е. Я., Гупало Е. История Олимпийских игр. М. : ЭКСМО, 2014.
4. Krockow C. Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports // Beitrage einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 1984. Bd. 206. S. 24–33.
5. Наумов А. О. К вопросу о перспективах спортивной дипломатии России (на примере популяризации борьбы самбо) // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 57–58.
6. Щепинов А. О. Политический потенциал спорта в современной России // Среднерусский вестник общественных наук. Политология: актуальные аспекты. 2010. № 3. С. 121–126.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. II. М. : Мысль, 1997. С. 630–642.
8. Пальцев А. И. [и др.]. Радикальный фанатизм как угроза безопасности футбольным соревнованиям: опыт противодействия и способы локализации / А. И. Пальцев, С. М. Баскаков, С. А. Иванов, С. А. Чалых // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 8. С. 1562–1574.
9. Güldenpfennig S. Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1981.

REFERENCES

1. Meynaud, J. (1966) Sport et politique. Paris : Payot.
2. Isayev, A. A. (2002). Sportivnaya politika Rossii = Sports policy of Russia. Moscow: Soviet sports. (In Russ.)
3. Gik, E., Gupalo, E. (2014). Istoriya Olimpiyskikh igr. Seriya: Sport v detalyakh = The history of the Olympic Games. Series: Sport in detail. Moscow: EKSMO. (In Russ.)
4. Krockow, C. (1984). Gesellschaftliche und politische Funktionen des Sports. Beitrage einer Fachtagung: Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung, 206, 24–33.
5. Naumov, A. O. (2017). K voprosu o perspektivakh sportivnoy diplomatii Rossii (na primere populyarizatsii borby sambo) = To the question of the prospects of sports diplomacy in Russia (on the example of the popularization of sambo wrestling). State Administration. Electronic bulletin, 62, 57–58. (In Russ.)
6. Shchepinov, A. O. (2010). Politicheskiy potentsial sporta v sovremennoy Rossii = The political potential of sports in modern Russia. Central Russian Vestnik of Social Sciences. Political science: current aspects, 3, 121–126. (In Russ.)

7. Iston, D. (1997). Kategorii sistemnogo analiza politiki = Categories of system policy analysis. Anthology of World political thought (vol. II, pp. 630–642): in 5 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
8. Paltsev, A. I. et al. (2017). Radikalnyy fanatizm kak ugroza bezopasnosti futbolnym sorevnovaniyam: opyt protivodeystviya i sposoby lokalizatsii = Radical fanaticism as a security threat to football competitions: counteraction experience and localization methods. National interests: priorities and security, 8(13), 1562–1574. (In Russ.)
9. Güldenpfennig, S. (1981). Internationale Sportbeziehungen zwischen Entspannung und Konfrontation: der Festfall 1980. Sport. Arbeit. Gesellschaft, 18. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонтьев Евгений Денисович

аспирант кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leontiev Evgeniy Denisovich

PhD Student of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Socio-Political
Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 25.02.2022
одобрена после рецензирования 01.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 25.02.2022
approved after reviewing 01.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 32.001

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_54

Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ

Б. А. Прокудин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
probor@bk.ru

Аннотация. В этой статье предпринята попытка охарактеризовать концепции общественного идеала, разработанные в рамках русской социально-политической мысли различных идеологических направлений XIX в. В период Великих реформ русскими мыслителями начинают вырабатываться концепции общественного идеала, которые становятся системообразующим элементом для создания целостных социально-политических учений. С помощью историко-политологического анализа автором рассмотрены основные «типы» социальных идеалов либерализма, консерватизма и радикализма.

Ключевые слова: русская социально-политическая мысль, либерализм, консерватизм, радикализм, политические идеологии

Для цитирования: Прокудин Б. А. Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 54–61. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_54

Original article

The Social Ideal in the Socio-Political Thought of Russia During The Period of Great Reforms

Boris A. Prokudin

Lomonosov State University, Moscow, Russia
probor@bk.ru

Abstract. This article attempts to characterize the concepts of the social ideal developed within the framework of Russian socio-political thought of various ideological directions of the XIX century. During the period of Great Reforms, Russian thinkers begin to develop concepts of the social ideal, which become the system-forming element for the creation of holistic socio-political teachings. With the help of historical and political analysis, the author considers the main “types” of social ideals of liberalism, conservatism and radicalism.

Keywords: Russian socio-political thought, liberalism, conservatism, radicalism, political ideologies

For citation: Prokudin, B. A. (2022). The social ideal in the socio-political thought of Russia during the period of Great Reforms. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 54–61. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_54

ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что период с начала подготовки Великих реформ до конца столетия является отдельным этапом в процессе формирования общественного идеала в русской мысли. С этого времени мы можем говорить о том, что в работах видных деятелей разных направлений русской мысли, чаще всего представленных в журнальных полемических статьях, формулируются модели идеального устройства, определяются средства достижения провозглашаемого общественного идеала и выявляются движущие силы, которые могут позволить проект этого общественного идеала осуществить. В этот период в России возникают «зародыши» идеологий политических партий, сыгравших важнейшую роль в исторических событиях начала XX в.

ЛИБЕРАЛИЗМ

Либерализм второй половины XIX в. называют «классическим». Благодаря общественной деятельности и трудам представителей «государственной школы», прежде всего, К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, отечественный либерализм сформировался как целостное учение. Кроме них в числе видных представителей либерального направления этого времени следует назвать М. М. Стасюлевича, А. Д. Градовского, А. Н. Пыпина и К. К. Арсеньева. Тема общественного идеала оказалась в центре внимания либеральных мыслителей в 1860–1880-е годы.

В связи с низким уровнем образования в России XIX века одной из отличительных черт русского либерализма было недоверие к демократии, которая представляет собой, по преимуществу, «господство черни». Поэтому миссию выработки общественного идеала в период Великих реформ либералы возлагали прежде всего на дворянство, ближе к концу века – на «русскую национальную интеллигенцию», включавшую уже многочисленных представителей образованных разночинцев.

Нередко у отдельных представителей либерального движения с такими взглядами соединялось крайнее недоверие и даже пренебрежение «к верованиям и понятиям народной массы», не проявившей, с их точки зрения, должного стремления к ценностям европейской цивилизации после отмены крепостного права. Например, в статье «Народность и прогресс» (1882) В. И. Герье, сетуя на патриархальную составляющую русской жизни, говорил, что народ в большинстве своем представляет собой «пассивный материал, над которым <...> приходится много работать, но который сам помогает

<...> очень мало и не принимает до сих пор никакой определенной формы» [Герье, 1882, с. 244].

Особое отторжение вызывали у либералов идеи русской самобытности. В споре с западниками, начавшемся еще в 1830-е годы, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский и другие славянофилы противопоставляли простой народ европеизированным дворянам, отвергали идеи Просвещения и впервые стали говорить, что Россия имеет собственный путь развития, не повторяя этапов развития западноевропейских стран. Источник русской самобытности они видели в православии, и в своих сочинениях пытались доказать, что миссия России состоит в том, чтобы привести человечество к истинной христианской вере. Именно идею о «национальной самостоятельности» и русской самобытности большинство либеральных мыслителей воспринимали как наиболее пагубную и противоречащую прогрессу, возможному только по европейскому образцу. «Таблица умножения и Ньютоновы законы тяготения, – писал либерал В. А. Гольцев, – не наши русские приобретения, но никто не предложит вновь доходить до них своим умом, как доходил до сотворения мира один из главных представителей нашей самобытности, знаменитый Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин» [Гольцев, 1891, с. 62].

В центре социально-политической проблематики либеральной публицистики находится тема человека и творческих способностей личности, как главного действующего лица «исторической жизни» [Кавелин, 1989а, с. 22]. А важнейшим признаком личности либеральные мыслители считали свободу, обусловленную как внутренними, так и внешними, социальными факторами. Поэтому в политической мысли они были последовательными защитниками свободы человека.

Однако позиция в отношении свободы личности в рамках общественного идеала имела свои слабости и противоречия. Так, полагая, что абсолютная свобода чревата анархией, и крайний индивидуализм в своем отрицании любой власти так же плох, как и поглощение человека обществом, либералы искали компромисса. Как писал Чичерин: «Задача состоит в гармоническом соглашении тех двух противоположных элементов, из которых складывается общежитие: личности и общества. Это та идея, которая составляет конечную цель общественного развития; идеал представляет ту или другую форму осуществления этой идеи. Поэтому не может быть идеалом ни чистый индивидуализм, отрицающий всякую общественную власть <...> ни социализм, всецело поглощающий лицо в обществе» [Чичерин, 1998, с. 77–78]. И это «гармоничное соглашение» может быть реализовано

только в рамках правового государства. Поэтому в общественном идеале либералов появлялись идеи конституционного устройства.

Впрочем, отношение либералов к вопросу о своевременности конституции для России не было однозначным. Наиболее резко сомнение в целесообразности модернизации политической системы в 1950–1960-х годах высказывал Кавелин, уверенный, что ограничение самодержавия неизбежно приведет к революции, а конституционный порядок в отсутствие для него социальной базы неизменно окажется сословно-олигархическим. Кроме того, общество, по мнению Кавелина, «должно сперва переродиться, чтобы политические гарантии не обратились в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие» [Кавелин, 1989б, с. 153]. Реализацию принципа приоритета права либералы связывали с идеей сильного монархического государства, стоящего выше сословных интересов. «Теоретическое воплощение идея “сильного государства” получила в концепциях “мужицкого царства” Кавелина, “правовой монархии” Чичерина» [Чиркова, 2002, с. 40].

Либеральные мыслители верили в исторический прогресс, они полагали, что создание идеального (или близкого к идеалу) общества в реальном мире вполне возможно. И утверждение общественного идеала они понимали как результат деятельности активных людей.

Желание либеральных мыслителей подчеркнуть конкретность и практическую достижимость своего общественного идеала стало причиной большой дискуссии в начале 1880-х годов. Поводом к ее началу послужила Пушкинская речь Достоевского, где он утверждал, что «идеал гражданского устройства <...> есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц» [Достоевский, 1984, с. 165]. Наиболее активно в дискуссию вступили Градовский и Кавелин. Так, Градовский, оппонировав Достоевскому, утверждал, что «общественное совершенство людей зависит от совершенства общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» (А. Д. Градовский. *Голос*, № 174, 1880). В то же время Кавелин высказал еще более радикальную мысль, что «нравственность и общественные идеи, идеалы личные и идеалы общественные не имеют между собою ничего общего, и что из их смешения может произойти только путаница и хаос». Так, «нравственность» – это «факт чисто личный», поэтому «гражданские идеи зарождаются отнюдь не из нравственного самосовершенствования людей, а из практической, реальной необходимости устроить их сожителство в обществе так, чтоб всем и каждому

из них было по возможности безопасно, спокойно, свободно и вообще хорошо жить и заниматься своим делом» [Кавелин, 1880, с. 454].

Наконец, отметим важную особенность общественного идеала в либеральной мысли, состоявшую в том, что «гражданские идеи», о которых говорил Кавелин, его соратники рассматривали как идеи универсальные. «Истинный идеал, – писал Чичерин, – не может быть национальным. Понятие о наилучшем устройстве человеческого общежития вырабатывается общим сознанием человечества» [Чичерин, 1998, с. 62].

Таким образом, ключевыми чертами общественного идеала в понимании либеральных мыслителей можно назвать его достижимость, умопостигаемость и универсальность.

КОНСЕРВАТИЗМ

Вторая половина XIX века – время расцвета консервативной мысли в России. Среди наиболее ярких представителей консервативного направления необходимо назвать представителей позднего славянофильства И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина; «почвенников» Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова; авторов панславистских концепций Н. Я. Данилевского, В. И. Ламанского; идеолога византизма К. Н. Леонтьева; консервативного публициста М. Н. Каткова и автора концепции монархической государственности Л. А. Тихомирова. Русский пореформенный консерватизм XIX в. был неоднороден, однако наиболее общие черты общественного идеала у консерваторов второй половины XIX в. схожие.

Консервативные мыслители сущность и особенности общественного идеала, в отличие от либералов, рассматривали исключительно в этической или религиозной плоскости. Они были убеждены, что общественный идеал не является плодом интеллектуальной деятельности людей, не создается творческой элитой общества, которая рационально осмысливает потребности конкретного социума в конкретный исторический период. По мнению консерваторов, общественный идеал представляет собой реальность духовного порядка, которую невозможно постигнуть на рациональном уровне. И главное, идеал укоренен в народной почве.

Полемизируя с либеральными публицистами, убежденными, что единственный путь развития России – «в европейском просвещении», Достоевский писал: «Вы спросите: какие же могут быть у нас свои общественные и гражданские идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданские, и наши общественные идеалы – лучше ваших европейских,

крепче ваших и даже – о ужас! – либеральнее ваших! Да, либеральнее, потому что исходят прямо из организма народа нашего, а не лакейски безличная пересадка с Запада» [Достоевский, 1984, с. 169].

По Достоевскому, общественный идеал не создается путем рационального конструирования, он органично вырастает из духовной и материальной жизни русского народа. Интеллигенция в свою очередь может лишь выразить народный идеал, а никак не навязать народу свой «книжный» или «пересаженный с Запада».

Интеллигенцию, увлеченную рассудочными проектами переустройства общества и пытающуюся навязать народу «книжные» идеалы, критиковали все представители консервативной мысли. В работе «Как надо понимать сближение с народом» (1880) Леонтьев писал, что интеллигенция только может «навредить народу» своей просветительской деятельностью, «приучив к европейству» [Леонтьев, 1881, с. 8–9]. Критика оторванности интеллигенции от народной почвы была одной из любимых тем Каткова, который писал, что «наша интеллигенция имеет поверхностный, подражательный и космополитический характер; она не принадлежит своему народу и, оставляя его во тьме, сама остается без почвы» [Катков, 2009, с. 309].

Таким образом, задача образованного класса, по мнению консерваторов, состояла не в конструировании общественного идеала своим умом или по западным образцам, а в определении «народных начал», из которых состоит этот идеал, и поиску такой формы устройства общества, которая наиболее полно соответствовала бы «народным началам». Они были убеждены, что общественный идеал должен иметь национальный характер, поскольку «общечеловеческой цивилизации, – как писал Н. Я. Данилевский, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота» [Данилевский, 1991, с. 124].

А. А. Ширинянц, в работах которого представлен наиболее полный концептуальный анализ консервативной политической культуры русской интеллигенции XIX в., пишет, что самую последовательную систему ценностей и установок, ориентирующуюся на «народные начала» русского общества, во второй половине XIX в. представили так называемые почвенники Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов [Ширинянц 2002].

Одной из основных черт русского национального характера почвенники видели в отсутствие потребности заниматься политикой и бороться за свои политические права. Впервые эта идея была высказана К. С. Аксаковым в записке «О внутреннем состоянии России» (1855). По его мнению,

русский народ – есть народ, не стремящийся к государственной власти, не имеющий в себе зародышей «народного властолюбия», т. е. демократии [Аксаков, 2012, с. 54]. Но признавая неограниченную государственную власть, народ, по мысли Аксакова, стремится удержать за собой независимость духовной и хозяйственной жизни. Таким образом, власть в русском понимании является не врагом, а другом и защитником свободы, свободы духовной. Эту идею разделяли почвенники, а «всепримиримость» русской души они считали основой для бесконфликтного согласования интересов различных классов и сословий российского общества, их будущего единства.

Если в центре социально-политического творчества либералов стояла проблема человека как главного действующего лица «исторической жизни», то консервативные мыслители в большей степени апеллировали к интересам социального и национального целого, государственного блага. И если либеральные мыслители очень по-разному смотрели на перспективу конституционного правления в России, то консерваторы никогда не сомневались в необходимости самодержавной власти. Однако вопрос, какую роль государство должно играть в жизни народа, уже разрушал видимое их единство мнений.

Например, И. С. Аксаков, следуя в рассмотрении самодержавия как формы правления за братом, К. С. Аксаковым, называл современное ему бюрократическое правление «тиранией». «Действие самодержавия, – писал он, – простирается только на государство: вот его область. Но что лежит вне этой области (в нравственном смысле), лежит вне круга самодержавия. Если самодержавие переступает эти пределы, вторгаясь в сферу церковную и частную, вторгаясь в область личной совести и личной свободы человека, то оно переходит в уродство, становится узурпацией, тиранией. Так оно и есть в России со времен Петра» [Аксаков, 2002, с. 898].

Другой представитель славянофильства А. И. Кошелев в работе «Конституция, самодержавие и земская дума» (1862) предложил своеобразный «консервативный» конституционный проект, в соответствии с которым предполагался созыв земской думы в качестве совещательного органа. Славянофилов, сторонников «земского государства», критиковали монархисты М. Н. Катков, В. П. Мещерский, уверенные, что истинным выражением национального единства служит централизованная монархия, опирающаяся на доверие народа.

Главная идея, лежащая в основе позитивной программы преобразований, предложенной идеологами почвенничества, заключалась в «сближении образованных классов с народом». Она была сформулирована Достоевским в статье «Два

лагеря теоретиков» (1862). И чаемый Достоевским общественный идеал включал просвещение (грамотность) народа, уничтожение сословных перегородок, а также «нравственные преобразования как народа, так и самих образованных слоев» [Достоевский, 1980, с. 20]. «Перекликаясь с идеей “воспитания общества”, выдвинутой славянофилами, программа почвенников отличается от последней тем, что в ней не преобладает религиозное, “православное” начало» [Ширинянц, 2002, с. 159]. В отличие, скажем, от консервативной программы К. Н. Леонтьева, призывавшего, наоборот, отказаться от народного образования и «подморозить» Россию, славянофилы и почвенники хотели существенного изменения общественной жизни.

Как бы там ни было, любые реформы и преобразования, предложенные консервативными мыслителями, должны быть мирными, постепенными и соответствовать национальным традициям. Разрабатывая варианты общественного идеала, консерваторы стремились реабилитировать и актуализировать лучшие проявления традиционного устройства общества, в основе которого лежали, с их точки зрения, вечные духовные ценности и выработанные веками принципы общежития.

РАДИКАЛИЗМ

Третьим важнейшим направлением общественной мысли второй половины XIX в. был радикализм, который проявил себя в целом ряде социально-политических направлений. Установки радикализма были выражены в творчестве Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, которых называли «радикальными разночинцами», «революционными демократами», «нигилистами». Радикализм исповедался в эмигрантских печатных органах А. И. Герцена и Н. П. Огарева, а также в изданиях идеологов «революционного народничества» П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева. Наконец, в творчестве представителей легального народничества, прежде всего, Н. К. Михайловского.

Общий смысл русского социально-политического радикализма состоял в отрицании политических реалий России того времени и, в первую очередь, крепостничества. Но будучи едиными в критике самодержавного государства, его политических, социальных и экономических институтов, представители русского пореформенного радикализма имели разные представления в отношении перспектив общественного переустройства. Здесь важно сделать уточнение, что такие крупные мыслители и публицисты, как Чернышевский, Добролюбов и Писарев, считавшие себя материалистами, позитивистами,

разумными эгоистами, утилитаристами, а в своих работах выступавшие сторонниками коллективных форм труда, общинного землевладения и освобождения женщин, по цензурным соображениям не имели возможности высказывать свои представления об общественном идеале открыто и в их полноте. Поэтому, говоря о положительной программе русского радикализма, можно утверждать, что она была выражена идеологами народничества.

Основы народнической теории были заложены Герценом в статьях конца 1840 – начала 1850-х гг., в которых была разработана теория русского крестьянского социализма. Основная идея Герцена состояла в том, что социальной базой русской революции должно стать крестьянство. Герцен полагал, что русский народ легче других может принять социалистические идеи потому, что уже несколько столетий живет общинным хозяйством, в котором реализованы идеалы коллективизма, равенства и самоуправления. Вера в возможность крестьянского социализма и социальной революции, а также «идеализация» народа стали характерными чертами народнического мировоззрения. История народничества – большой период в истории России с момента появления теории Герцена до запрещения большевиками партии социалистов-революционеров в начале 1920-х гг.

Герцену принадлежит лидирующая роль в становлении народнической идеологии, но, создав теорию крестьянского социализма, сам он выступал против насильственной революции. Разработкой общественного идеала «революционного народничества» в большей степени занимались пребывавшие в эмиграции П. Л. Лавров, М. А. Бакунин и П. Н. Ткачев в 1870-е годы, рассчитывавшие на построенное нового справедливого общества после будущей крестьянской революции.

Несмотря на свойственную народникам идеализацию устоев народной жизни, вопрос, какую роль народ волен играть в процессе выработки общественного идеала, не имел единого ответа. Одно из главных положений анархистской теории Бакунина состояло в том, что народу нельзя навязывать ту или иную систему отношений, нужно создать ему условия для выявления его естественной жизни, естественной организации. Лавров же полагал, что основная роль в выработке общественного идеала принадлежит критически мыслящим личностям, интеллигенции. Он и его сторонники, будучи позитивистами, старались исходить из принципов строгой научности, в соответствии с этим они видели в общественном идеале не бесконечное стремление к абсолюту и универсальную норму поведения (как либералы), не духовную реальность (подобно консерваторам), а проект реально осуществимого общественного устройства, преимущества которого

научно доказаны. По мнению П. Л. Лаврова, подготовка к социальной революции должна осуществляться посредством длительной пропаганды социалистических идей в народе силами интеллигенции. П. Л. Лавров не исключал возможности стихийного бунта народных масс, к которому призывал М. А. Бакунин, или заговора, о котором говорил П. Н. Ткачев, но сомневался, что бунт и заговор без «развития знаний» приведут к социализму.

Наиболее четко об идеале будущего общества высказывался Лавров еще в работе «Исторические письма» (1868–1869), определяя, что можно считать прогрессивным развитием. Его «краткая формула» прогресса такова: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости» [Лавров, 2010, с. 81]. Как и все народники, П. Л. Лавров указывал на сельскую общину как на прообраз социалистического общества, считая ее идеальным типом общественного устройства, основанного на принципе справедливости и солидарности.

Как у мыслителей либерального и консервативного направлений русской социально-политической мысли второй половины XIX века, вопрос роли государства в жизни народа разрушал единство мнений в стане русских радикалов. Большинству народников идеальное будущее представлялось безгосударственным. В обществе, основанном на всеобщей солидарности, коллективной собственности и совместном труде, не нужна будет власть, основанная на принуждении.

Наиболее последовательную критику государства высказывал в своих работах Бакунин. По его мнению, без разрушения государства вообще невозможен никакой общественный прогресс. В качестве универсального принципа построения безгосударственного общества Бакунин предлагал федерацию свободных общин, которая должна была возникнуть на руинах централизованных государств. Однако с Бакуниным был не согласен П. Н. Ткачев, признававший анархию лишь «желательным “идеалом” отдаленного будущего». Он считал, что «анархия без предварительного практического осуществления

идей братства и равенства <...> лишь “хищническая борьба человека с человеком” ... “хаос противоречивых интересов” ... “господство индивидуализма, царство алчного, своекорыстного эгоизма”» [Ткачев, 2010, с. 459].

П. Н. Ткачев утверждал, что «цель революции должна заключаться в захвате политической власти, в создании революционного государства» [Ткачев, 2010, с. 459–460]. Но параллельно с революционно-разрушительной деятельностью должна идти революционно-устроительная деятельность, суть которой состоит в создании «органов народного представительства» [там же], которые должны санкционировать реформаторскую деятельность.

В 1880-е годы в народническом движении произошли изменения, часть его участников перешли на более умеренные позиции. Сложилось так называемое легальное народничество, которое представляли Н. К. Михайловский, П. П. Червинский, И. И. Каблиц и др. Печатаясь в России, они не обсуждали вопросов революции, однако продолжали утверждать выгоды общинного землевладения и коллективных форм труда.

Таким образом, радикальным отрицанием всего «отжившего» народники стремились разбить «основания старого порядка», построенного, по их мнению, на лжи и насилии. Этому порядку они противопоставляли идеал социалистического общества, прообраз которого они видели в крестьянской общине, существующей на принципах солидарности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, во второй половине XIX века в работах видных деятелей либерального, консервативного и радикального направлений русской мысли формулируются модели идеального устройства, определяются средства достижения провозглашаемого общественного идеала и выявляются движущие силы, которые могут позволить осуществить проект этого общественного идеала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герье В. Народность и прогресс // Русская мысль. 1882. № 4. Отд. 1. С. 217–255.
2. Гольцев В. А. Идеалы и действительность // Вопросы философии и психологии. 1891. № 3 (год II, кн. 7). С. 57–68.
3. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Наш умственный строй. М. : Правда, 1989а. С. 11–68.
4. Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука, 1998.
5. Кавелин К. Д. Дворянство и освобождение крестьян // Наш умственный строй. М. : Правда, 1989б. С. 124–158.
6. Чиркова Н. А. Общественный идеал в русской философской публицистике пореформенного периода (60–80 годы XIX века): дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2002.

7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя на 1880 г. // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XXVI. Л. : Наука, 1984. С. 129–175.
8. Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому // Вестник Европы. 1880. № 11. С. 431–456.
9. Леонтьев К. Н. Как надо понимать сближение с народом. М. : Типография Е. И. Погодиной, 1881.
10. Катков М. Н. «Русский народ» и Петербургская интеллигенция» (ответ Кавелину) // Идеология охранительства. М. : Институт русской цивилизации, 2009. С. 305–310.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.
12. Ширинянц А. А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002.
13. Аксаков К. С. Записка К. С. Аксакова «о внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы. Хрестоматия. М. : Изд-во Московского университета, 2012. С. 56–79.
14. Аксаков И. С. Самодержавие не есть религиозная истина // Отчего так нелегко живется в России? Серия: Из истории отечественной философской жизни. М. : Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 897–900.
15. Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков. (По поводу «Дня» и кой-чего другого) // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XX. Л. : Наука, 1980. С. 5–23.
16. Лавров П. Л. Исторические письма // Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 41–297.
17. Ткачев П. Н. «Набат» (Программа журнала) // Избранное. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 453–467.

REFERENCES

1. Ger'e, V. (1882). Narodnost' i progress = Nationality and progress. Russkaya mysl', 4(1), 217–255. (In Russ.)
2. Gol'cev, V. A. (1891). Idealy i dejstvitel'nost' = Ideals and reality. Voprosy filosofii i psihologii, 3, 57–68. (In Russ.)
3. Kavelin, K. D. (1989a). Vzgl'yad na yuridicheskij byt drevnej Rossii = A look at the legal life of ancient Russia. Our mental structure (pp. 11–68). Moscow: Pravda. (In Russ.)
4. CHicherin, B. N. (1998). Filosofiya prava = Philosophy of law. St. Petersburg : Nauka.
5. Kavelin, K. D. (1989b). Dvoryanstvo i osvobozhdenie krest'yan = Nobility and the liberation of the peasants. Our mental structure (pp. 124–158). Moscow : Pravda. (In Russ.)
6. Chirkova, N. A. (2002). Obshchestvennyj ideal v russkoj filosofskoj publicistike poreformennogo perioda (60–80 rody XIX veka) = The social ideal in Russian philosophical journalism of the post-reform period (60–80 births of the XIX century): PhD in Philosophy. St. Petersburg. (In Russ.)
7. Dostoevskij, F. M. (1984). Dnevnik pisatelya na 1880 g. = Writer's diary for 1880. Polnoe sobranie sochinenij (vol. XXVI, pp. 129–175): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
8. Kavelin, K. D. (1880). Pis'mo F.M. Dostoevskomu = Letter to F. M. Dostoevsky. Vestnik Evropy, 11, 431–456. (In Russ.)
9. Leont'ev, K. N. (1881). Kak nado ponimat' sblizhenie s narodom = How to understand the rapprochement with the people. Moscow : Tipografiya E. I. Pogodinoj.
10. Katkov, M. N. (2009). «Russkij narod» i Peterburgskaya intelligenciya» (otvet Kavelinu) = “Russian people” and the Petersburg intelligentsia” (answer to Kavelin). Ideologiya ohranitel'stva (pp. 305–310). Moscow : Institut russkoj civilizacii. (In Russ.)
11. Danilevskij, N. YA. (1991). Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moscow : Kniga. (In Russ.)
12. SHirinyanc, A. A. (2002). Vne vlasti i naroda. Politicheskaya kul'tura intelligencii Rossii XIX – nachala XX veka = Out of power and people. Political culture of the intelligentsia of Russia in the 19th – early 20th century. Moscow : Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
13. Aksakov, K. S. (2012). Zapiska K. S. Aksakova «o vnutrennem sostojanii rossii», predstavlenaja gosudarju imperatoru Aleksandru II v 1855 g. = Note by K. S. Aksakov “on the internal state of Russia”, presented to the sovereign Emperor Alexander I in 1855. Russkaya social'no-politicheskaya mysl': 1850–1860-e gody (pp. 56–79). Hrestomatiya. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
14. Aksakov, I. S. (2002). Samoderzhavie ne est' religioznaya istina = Autocracy is not a religious truth. Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii? (pp. 897–900). Seriya: Iz istorii otechestvennoj filosofskoj zhizni. Moscow : ROSSPEN. (In Russ.)
15. Dostoevskij, F. M. (1980). Dva lagerya teoretikov. (Po povodu «Dnya» i koj-chego drugogo) = Two camps of theorists (pp. 5–23). Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah T. XX. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
16. Lavrov, P. L. (2010). Istoricheskie pis'ma = Historical letters. Izbrannye trudy (pp. 41–297). Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
17. Tkachev, P. N. (2010). Nabat (Programma zhurnala) = Nabat (Magazine program) (pp. 453–467). Izbrannoe. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокудин Борис Александрович

кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prokudin Boris Aleksandrovich

PhD (Political Science), Associate Prof. of the Department of the History of Social and Political Doctrines
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 23.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 23.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327

DOI DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_62

Политические методы предупреждения конфликтов в полиэтническом обществе современной России

Ю. В. Синчук

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sinchukjv@mail.ru

Аннотация. В Российской Федерации на всех этапах исторического развития актуальны проблемы межнациональных отношений, что обусловлено историческими условиями и спецификой демографии государства. В современных реалиях данная проблематика приобретает ключевое значение. Исследование политических мер предупреждения конфликтов на почве этнических разногласий является предметом настоящей статьи. Особое внимание было уделено типологии конфликтов и методам их предупреждения.

Ключевые слова: этничность, федерализм, этнополитический конфликт, этнические группы, предупреждение конфликта, сепаратизм

Для цитирования: Синчук Ю. В. Политические методы предупреждения конфликтов в полиэтническом обществе современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 62–68. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_62

Original article

Political Methods of Conflict Prevention in the Multiethnic Society of Modern Russia

Yuriy V. Sinchuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sinchukjv@mail.ru

Abstract. In the Russian Federation at all stages of historical development the problems of interethnic relations are relevant, which is due to historical conditions and the specifics of the demography of the state. In modern realities, this issue is of key importance. The study of political measures to prevent conflicts based on ethnic differences is the subject of this article. Special attention is paid to the typology, ways and analysis.

Keywords: ethnicity, federalism, ethnopolitical conflict, ethnic groups, conflict prevention, separatism

For citation: Sinchuk, Y. V. (2022). Political methods of conflict prevention in the multiethnic society of modern Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 62–68. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_62

ВВЕДЕНИЕ

Для более точного определения возможностей предупреждения конфликтов при помощи политических методов целесообразно было бы для начала обратиться непосредственно к Конституции Российской Федерации. Первая статья Конституции РФ определяет, что Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹. Далее говорится о том, что Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации. Республики, согласно Конституции, имеют свою конституцию и законодательство. Края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа имеют свои уставы и законодательство. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации². При этом разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти ее субъектов осуществляется Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий³. Основной Закон не дает субъектам права выхода из состава Федерации.

В настоящее время развернулась бурная дискуссия по вопросам, посвященным федерализму в Российской Федерации. Федерализм для России – явление относительно новое, которое развивается и находится только лишь в процессе становления. Некоторые политические механизмы, позволяющие избегать, в том числе и этнополитических конфликтов, заложены уже в самом принципе федерализма и могут быть развиты в нормативной базе, посвященной установлению статусов субъектов и разграничений полномочий между центром и субъектами.

С этнополитической точки зрения в первую очередь важно, что федеративное устройство Российской Федерации позволяет регулировать отношения между центральной властью и республиками

(в нашем случае аналогами территориальных автономий). Республики обладают определенным институтом власти, встроенным в систему государственных отношений, что дает им ряд преимуществ в сфере артикулирования интересов титульного народа республики. С другой стороны, в случае конфликта большая организованность местной власти хотя и позволяет вести двусторонние переговоры (что не всегда возможно в других ситуациях, когда элита национального меньшинства не сформирована, постоянно сменяется или нелегитимна), но при этом таит в себе большую опасность, так как местная элита получает возможность довольно громко заявлять о своих экономических и политических требованиях (о большей степени власти, контроле над ресурсами).

Юридически переход от унитаризма к федерализму был оформлен при принятии 31 марта 1992 г. Федеративного договора, который в какой-то степени стал учредительным документом Федерации. Этот же период был отмечен острой борьбой между официальной властью и национальной элитой на местах, касающейся государственного устройства республик, их политического статуса и распределения властных полномочий. Две республики – Татарстан и Чечня – отказались подписывать Федеративный договор. Чтобы избежать эскалации конфликта после долгих обсуждений, было решено предложить руководству республик заключить двусторонний договор о распределении и взаимном делегировании полномочий и предметов ведения.

В случае с Татарстаном конфликт удалось трансформировать и вернуть в правовое, цивилизованное русло. В результате, заключив подобный договор, Татарстан стал первопроходцем и открыл дорогу подписанию подобных договоров другими субъектами федерации. К сожалению, ситуация с Чечней сложилась не столько удачно. Но оба этих примера показывают нам, что заключение договоров о распределении полномочий, которые подписали уже десятки субъектов федерации, при правильном применении является одним из действенных политических методов предупреждения конфликтов [Баранов, Исаев 2008].

На данном этапе это не подразумевает отказа от Федеративного договора и не говорит о его ненужности, наоборот, конституционно-договорную основу федеральных отношений следует сохранять. Конституция РФ и Федеративный договор защищают существующий конституционный строй, а договоры с национальными республиками могут значительно упростить проведение национальной политики в этой сфере и предотвратить разгорание этнополитических конфликтов. Данный тип федерализма следует развивать поэтапно, добиваясь при

¹Конституция Российской Федерации, ст. 1. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

²Конституция Российской Федерации, ст. 5. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

³Там же, ст. 11.

этом большей степени интеграции государственной и правовой систем [Бабич, Павлова 2012].

Необходимо отметить, что договоры могут подчеркнуть асимметричный характер федерации, т. е. разным субъектам федерации будут отводиться разные полномочия в соответствии с экономической, политической и социальной развитостью региона. Этот процесс имеет положительные черты, потому как позволяет учесть специфику субъекта федерации и разграничить полномочия таким образом, чтобы обеспечить оптимальное функционирование политических институтов как федерального, так и местного уровней. Исторически разные регионы развиваются неравномерно, состояние общества также может различаться, поэтому подобный подход представляется оправданным.

В будущем представляется необходимым принятие федеральных законов, заключение договоров и соглашений, конкретизирующих принципы организации и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ в целях укрепления общероссийской государственности и повышения самостоятельности субъектов РФ.

Проведение национальной политики в регионах с компактным расселением народов, не имеющих своего территориального образования на данном этапе представляется более сложным, так как механизм представительства этнических интересов в России еще не сложился, что сказывается и на положении национальных групп, не имеющих собственной территории, и на тех, кто живет за пределами своих национально-культурных образований [Белозёров, Синчук, Потапов 2014].

В настоящее время для всех этих категорий разрабатывается концепция национально-культурных автономий (НКА) – нетерриториальных общественных организаций, позволяющих представителям национальных меньшинств взаимодействовать с местными, региональными или федеральными властями, защищать свою культуру и язык.

Эти нетерриториальные автономии, как и территориальные, могут быть использованы как политический инструмент предотвращения и урегулирования конфликтов этнического характера. Необходимо отметить значимость сохранения культуры и языка народов, проживающих на территории России. Дело в том, что НКА как общественные организации имеют право открывать негосударственные образовательные учреждения, где преподают историю и язык народа, устраивать культурные мероприятия, но их возможности ограничены, для сохранения и воспроизведения этнических ценностей этого недостаточно. В связи с этим представляется разумным организовать факультативные часы

в государственных школах для изучения этих предметов. Так, например, в московских школах преподают москвоведение, в некоторых других регионах в программе есть краеведение. В национальных республиках или районах компактного населения какого-либо народа можно ввести подобные предметы, которые помогли бы детям представителей национальных меньшинств узнать больше о культуре своего народа, а детям других национальностей, которые выразили бы желание посещать такие занятия, узнать о культуре народа, с которым они соседствуют, что способствовало бы культурной интеграции обоих народов.

Хотелось бы отдельно отметить положение коренных малочисленных народов¹. России, так как они считаются наиболее социально уязвимыми. Конечно, вряд ли они могут представлять для государства угрозу сепаратизма, но тем не менее их положение и отношение государства к таким народам влияет на этнополитическое настроение в обществе, кроме того, Конституция РФ гарантирует права подобных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. В постановлении Государственной Думы от 26 мая 1995 г. «О кризисном положении экономики и культуры малочисленных коренных (аборигенных) народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» предлагается рассмотреть вопрос о создании системы договорных отношений Правительства РФ с территориальными объединениями общин коренных народов².

Следующая группа меньшинств, которую ввиду специфики стоит рассматривать отдельно, – это диаспоры народов, имеющих свое территориальное образование (государство), где они являются титульной нацией, за пределами Российской Федерации (например, азербайджанцы, армяне). Специфичность данной категории меньшинств заключается в том, что отношения с ними неизбежно сказываются на отношениях с государствами, из которых они родом, и наоборот. Это значит, что при разработке

¹В Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» коренные малочисленные народы рассматриваются как народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации не более 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (ст.1) В России к коренным малочисленным народам, согласно Единому перечню коренных малочисленных народов РФ, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255, отнесены 63 народа.

²Постановление Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации от 26 мая 1995 года «О кризисном положении экономики и культуры малочисленных коренных (аборигенных) народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901109811>

направлений внутренней национальной политики в отношении данных меньшинств государственные деятели должны учитывать и внешнюю политику. То же самое относится и к совершенно особенной категории меньшинств, вопросы взаимоотношений с которыми в данный момент вызывают большие противоречия – иммигрантские группы. И в случае с диаспорами, и в случае с иммигрантскими группами необходимо помнить, что даже если представители этих меньшинств не являются гражданами Российской Федерации, базовые, личные права таких людей всё равно должны быть обеспечены. Это в большей степени необходимо подчеркнуть именно когда речь идет об иммигрантах.

От успешного выстраивания четких принципов решения конфликтных ситуаций, касающихся данных категорий меньшинств, и обеспечения их прав зависит не только образ России как демократического и правового государства в рамках мирового сообщества, но и авторитет России в поддержке российских меньшинств, проживающих в других странах [Синчук 2010].

В качестве политических методов предупреждения конфликтов могут выступать такие методы, как развитие отношений с государствами, из которых прибывают представители определенной нации или приехали их предки, урегулирование с ними спорных вопросов касательно двойного гражданства, высылки нелегальных иммигрантов, решение визовых вопросов, контроль над потоком иммигрантов [Соколовский 1997].

К сожалению, в своей истории России приходилось сталкиваться с таким сложным явлением, как сепаратизм, поэтому в данной работе рассматриваются методы предотвращения этнополитических конфликтов при наличии сепаратистских настроений. Напомним, что речь идет именно о предотвращении конфликтов, их предупреждении, поэтому применение военной силы, которое в некоторых случаях может быть необходимым, здесь не рассматривается, так как этот метод разрешения конфликтов является одним из последних. Силowymi средствами решаются другие задачи, мы же уделяем основное внимание настроениям национальных меньшинств. Конфликты не возникают моментально на пустом месте. Для разрешения этнополитического конфликта необходимо знать причину его возникновения, что изменило отношение одного народа к другому или отношения народа к государству, в котором он проживает.

Необходимо отметить момент, когда у народа появляются сепаратистские настроения, а затем и сепаратистские требования. Обычно этому предшествуют активизация этнического сознания

народности, смена психологических установок, институционализация движения, выделение определенной элиты, которая берет на себя руководство этим движением, начинает мобилизацию и устраивает пропагандистские акции [Денисова, Радовель, 2000]. Для того чтобы не упустить момент, когда ситуация заходит слишком далеко, необходимо организовать действенную систему этнологического мониторинга. При Институте антропологии и этнологии РАН в 1993 г. была создана сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, которая существует и по сей день. В 1999 г. она была зарегистрирована Министерством юстиции РФ как региональная общественная организация. К сожалению, сфера возможностей подобной организации сильно ограничена, потому что ее доклады не получают широкого распространения и не заставляют власти к ним прислушаться. Но в дальнейшем следует всячески поддерживать такие инициативы, помогающие органам власти отреагировать в нужный момент.

Когда приходится иметь дело с сепаратизмом, превентивными мерами можно считать следующие: обеспечение прав населения, проведение социально-экономической политики; при наличии неудовлетворенности населения необходимо признание со стороны государства обоснованности заявленной этнической группой неудовлетворенности и скорейшее начало конструктивного диалога. Если речь идет о сложных регионах с уже зарегистрированными сепаратистскими настроениями, сюда можно отнести такие меры, как установление контроля над рынком оружия, борьба с организованной преступностью и бандитскими формированиями, меры предупреждения террористических проявлений [там же]. Мерами, которые можно считать общими для всех вышеперечисленных категорий национальных групп, являются:

- обеспечение прав национальных меньшинств;

- социальная политика (часто первые претензии людей относятся именно к социальной и экономической сферам, а уже национальная элита для достижения своих целей пытается придать им налет этничности. Людям, обеспеченным всем необходимым, нет нужды вступать в борьбу против государства, под какими бы лозунгами это ни происходило);

- обеспечение занятости молодого мужского населения (это можно отнести и к социальной политике, и к мере предупреждения сепаратизма);

- включение в общероссийские рыночные отношения (особенно важно для национально-территориальных образований и территорий компактного расселения какого-либо народа);

- регулирование межреспубликанских и межэтнических отношений (культурный и экономический диалог);
- противостояние насильственной унификации;
- политический и правовой компромисс.

Некоторые из этих требований могли бы выполняться Ассамблеей народов России, созданной по инициативе авторов Концепции национальной политики РФ. На современном этапе деятельность этой организации интересна лишь в рамках проведения различных культурных мероприятий, что, несомненно, важно, но согласно самой Концепции, Ассамблея могла бы налаживать диалог между органами государственной власти и национальными общностями, участвовать в законотворческом процессе и осуществлять миротворческую деятельность.

В Концепции национальной политики также предполагалось расширение полномочий и повышение роли Министерства Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям, но вместо этого Миннац был упразднен, а его функции были распределены между МВД (миграционная служба), МИДом (работа с соотечественниками за рубежом) и Минэкономразвития (региональная политика). Этот шаг был сделан в рамках централизации и выстраивания вертикали власти; согласно исследованиям, проведенным в этой работе, в сфере национальной политики ввиду разнообразия и неоднородности этнического состава населения и его участия в политическом процессе, существование подобного органа необходимо.

Таким образом, можно прийти к выводу, что политические методы предупреждения этнополитических конфликтов зависят от категории национальных групп. В Российской Федерации в силу исторических и других причин этнические группы разнятся по своей численности, проживают компактно или дисперсно, имеют свои территориальные образования в рамках России или же за ее пределами или не имеют, обладают различной культурой и в разной степени развиты экономически. Конфликты с национальными республиками можно улаживать в рамках федерализма с помощью разграничения властных полномочий; договорная система предусматривается и для коренных малочисленных народов; для компактно расселенных народов, не имеющих своего территориального образования и для дисперсно расселенных народов разрабатывается концепция национально-культурной автономии (нетерриториальной автономии); при урегулировании отношений с диаспорами и иммигрантскими группами необходимо учитывать отношения с государствами, откуда они приехали, регулировать вопросы гражданства, а

также обеспечивать таким людям независимо от их гражданства личные права.

Существует множество политических механизмов предупреждения этнополитических конфликтов. Если приводить эти механизмы в действие, когда это необходимо, удастся избежать множества конфликтов даже в таком полиэтническом обществе, какое наблюдается в современной России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрена этничность как феномен; проанализированы причины этнических конфликтов и факторы, с ними связанные. Было выяснено, что конфликтов, к которым приводили бы одни только этнические факторы, практически не существует. Часто этничность используется различными группами как средство борьбы за государственную власть. Но несмотря на то, что использование лозунгов и политических мифов, построенных на этнических ценностях, разжигание межнациональной розни на самом деле может использоваться как инструмент влияния на этническую общность с целью достижения элитой своих целей, но не все конфликты из разряда этнополитических можно объяснить этими факторами. Часто к конфликтам приводит целый ряд факторов, среди которых может быть даже случайное стечение обстоятельств, не относящееся непосредственно к проблемам этничности. Очень часто к этническим конфликтам приводят проблемы социального характера, а также ущемление личных, гражданских и политических прав меньшинств, отсутствие у них возможности артикулировать свои интересы и участвовать в политическом процессе.

С учетом проведенного анализа становится понятно, что даже в локальном этнополитическом конфликте зачастую скрываются борьба за власть, за ресурсы, политические, социальные, экономические проблемы. При анализе конфликта необходимо учитывать все аспекты, при этом не отказывая этническому конфликту в его собственно этнической сущности, а это можно сделать только при системном подходе.

В этнополитической конфликтологии значительную роль как на теоретическом, так и на практическом уровне играет типология конфликтов. От точности в идентификации конфликта зависит успешность разработки курса по его разрешению; если тип конфликта изначально определен неверно, принимаемые меры по его урегулированию, будучи ошибочными, могут даже носить контрпродуктивный характер. Именно поэтому в основе типологии конфликтов лежат различные параметры, позволяющие подойти к изучению конфликтов со

всех сторон, не упуская из виду тот изменяющийся социально-политический контекст, в рамках которого конфликт получил развитие.

Несмотря на разнообразие классификаций, в реальности границы между конфликтами различных типов часто размыты, что стоит принимать во внимание при использовании какой-либо классификации для анализа имеющегося конфликта. Любой конфликт может одновременно носить черты, присущие, казалось бы, разным типам конфликта, например, если конфликт кажется культурноязыковым, это абсолютно не исключает возможности, что помимо этого он обладает также чертами социально-экономического или этнотерриториального. Тем не менее классификации позволяют довольно точно определить причины, формы и стадии конфликта, что необходимо для работы по его разрешению.

Политические методы предупреждения этнополитических конфликтов зависят от категории национальных групп. В Российской Федерации в силу исторических и других причин этнические группы разнятся по своей численности, проживают компактно или дисперсно, имеют свои территориальные образования в рамках России или же за ее пределами или не имеют, обладают различной культурой и в разной степени развиты экономически.

Особенно хочется выделить постконфликтное миростроительство, которое должно проводиться после урегулирования конфликтов. Если основной момент спора не решен, то конфликт может разгореться вновь. Чтобы этого не произошло, нужно обязательно проводить постконфликтную работу для воссоздания нормальной жизни. Если в регионе велись боевые действия, они могли нарушить инфраструктуру региона, разрушить места проживания людей, лишить их мест работы и так далее. Важны мероприятия по социальной и психологической реабилитации людей. Этим тоже может заниматься так называемая третья сторона через международные и неправительственные государства, хотя, конечно, и само государство, на территории которого произошел конфликт, должно уделить особое внимание подобному региону, вернуть отношения с ним в цивилизованное русло.

Существует множество политических механизмов предупреждения этнополитических конфликтов. Если приводить эти механизмы в действие, когда это необходимо, удастся избежать множества конфликтов даже в таком полиэтническом обществе, какое наблюдается в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов Н. А., Исаев Б. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб. : Питер, 2008.
2. Бабич М. А., Павлова Л. Н. Государственные и муниципальные финансы. М. : Юнити, 2012.
3. Белозёров В. К., Синчук Ю. В., Потапов А. С. Конфликтология: теория и практика. Ч. 1. Научно-теоретическая база конфликтологии. М. : МГЛУ, 2014.
4. Синчук Ю. В. Основные направления совершенствования военной безопасности России (политологический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 604. С. 119–130.
5. Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты: монография. М., 1997.
6. Денисова Г. С. Радовель М. Р. Этносоциология. Ростов н/Д : ЦВВР, 2000.

REFERENCES

1. Baranov, N. A., Isaev, B. A. (2008). Political relations and the political process in modern Russia. St. Petersburg: Peter.
2. Babich, M. A., Pavlova, L. N. (2012). State and municipal finances. Moscow: Unity. (In Russ.)
3. Belozorov, V. K., Sinchuk, Yu. V., Potapov, A. S. (2014). Conflictology: theory and practice. Vol. 1 Scientific and theoretical basis of conflictology. Moscow: MSLU. (In Russ.)
4. Sinchuk, Yu. V. (2020). The main directions of improving the military security of Russia (political science aspect). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 604, 119–130. Moscow. (In Russ.)
5. Sokolovsky, S. V. (1997). Minority rights: anthropological, sociological, and international legal aspects. Moscow. (In Russ.)
6. Denisova, G. S., Radovel, M. R. (2000). Ethnosociology. Rostov n/A: Publishing house of LLC CVVR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синчук Юрий Владимирович

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sinchuk Yuriy Vladimirovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor,
Head of the Department of Theory and History of International Relations,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 18.03.2022
одобрена после рецензирования 15.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 18.03.2022
approved after reviewing 15.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК_323.226

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_69

Саботаж, сетевые сплетни и скрытые угрозы: как политизируется протест против мер по борьбе с коронавирусом в России

И. С. Стахеев

*Томский государственный университет, факультет исторических и политических наук, Томск, Россия
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики
и оптики, Санкт-Петербург, Россия
stahееv@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается феномен дискурсивного сопротивления российской государственной политике вакцинации со стороны граждан, объединившихся на этой почве в неформальные группы и сформировавших политический протестный дискурс в социальных медиа.

Ключевые слова: дискурсивные практики, инфраполитика, оружие слабых, понятие политического

Для цитирования: Стахеев И. С. Саботаж, сетевые сплетни и скрытые угрозы: как политизируется протест против мер по борьбе с коронавирусом в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 69–74. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_69

Original article

Sabotage, Online Gossip, and Hidden Threats: How the Protest Against Coronavirus Measures is Politized in Russia

Ilya S. Stakheev

*Tomsk State University, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk, Russia
ITMO University, Saint Petersburg, Russia
stahееv@gmail.com*

Abstract. Analysis of the phenomenon of discursive resistance to the Russian vaccination state policy by citizens who united on this basis into informal groups and formed a political protest discourse in social media.

Keywords: discursive practices, infrapolitics, weapon of the weak, the political

For citation: Stakheev, I. (2022). Sabotage, online gossip and hidden threats: how protests against coronavirus measures is politicized in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 69–74. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_69

ВВЕДЕНИЕ

Упорство жителей России, которые не хотят вакцинироваться в условиях эпидемии Covid-19 и критической избыточной смертности, ставит в тупик публицистов, ученых и государственных менеджеров. Даже по официальным данным Министерства здравоохранения РФ, по состоянию на октябрь 2021 г. привилось лишь 43 млн человек¹, что не составляет половины взрослого населения. Более того, в процессе введения новых государственных мер стимулирования вакцинации в стране выработались ответные меры сопротивления со стороны определенной части жителей страны, которых в медиа называют «антиваксеры».

Любопытно уже то, что во многих других вопросах мнения этих людей могут быть диаметрально противоположны, однако тема скепсиса относительно вакцинации смогла дать им общую платформу для объединения и организации. Еще более любопытен и показателен сетевой характер этого объединения: в нем нет четко выраженного организационного ядра, ни одна из медиа-площадок, которые представляют их взгляды, не является доминирующей, а «лидеры мнений», которые также транслируют подобные взгляды, скорее не ведут за собой, а сами следуют за дискурсом.

Мы не будем касаться глобальной проблемы недоверия власти и представителей российского общества, а также реальных причин этого социального, а потенциально – и политического сопротивления. Цель нашей работы – предложить объяснение того, каким образом произошло объединение жителей России в сеть сопротивления государственным мерам, показать, какие дискурсивные практики сопротивления были выработаны, какие смыслы в них были представлены и почему это явление уже можно назвать политической протестной коммуникацией. Для этого мы рассмотрим дискурсивные практики в рамках теоретических концепций «оружия слабых» и «инфраполитики» Джеймса Скотта, а также обратимся к дискурс-анализу Мишеля Фуко.

ИНФРАПОЛИТИКА И «ОРУЖИЕ СЛАБЫХ»: БОРЬБА ЗА ДИСКУРС

Американский антрополог Джеймс Скотт в своих исследованиях того, каким образом сельское население Юго-Восточной Азии взаимодействует с властями, продемонстрировал, как «оружие слабых» работает в этом регионе [Scott, 2009]. Каким

образом, по Скотту, работает власть? Прежде всего она реализуется на трех уровнях господства: материальном, статусном и идеологическом. На уровне материального господства власть осуществляется через налоги, а также возможное изъятие ресурсов и использование труда. На статусном уровне власть выстраивает практики дискриминации и унижения, закрепляя за собой существенно больший объем прав. На идеологическом – происходит дискурсивное закрепление нормальности такой ситуации через различные институты.

Кроме того, Скотт разделяет общество на «сильные» и «слабые» группы [Scott, 1984]: тех, у кого власть, и тех, кто считает, что обделен властью. В условиях явного доминирования у «сильных» есть все средства для сохранения своего главенствующего положения: законодательное присутствие для статусного господства, силовые средства для материального господства, институциональные возможности для идеологии – на этом моменте важно заострить внимание. Власть всегда будет пытаться контролировать публичный дискурс. Она производит свою собственную символическую систему различений, которая состоит как из буквальных смыслов, так и респектабельных намеков – всё это составляет дискурсивную гегемонию, или, как сказал бы другой важный исследователь дискурса Мишель Фуко – дисциплинарный контроль. «Дисциплина – это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил» [Foucault, 1971].

У «слабых» в такой ситуации есть только два пути – радикальный и скрытый. Радикальный – это восстания, митинги, демонстрации, петиции. Скрытый путь начинается с борьбы на идеологическом, дискурсивном уровне и подразумевает символические формы сопротивления, который он и назвал «оружием слабых»: памфлеты, анекдоты, карикатуры и другие символические формы, при помощи которых происходит отрицание властного дискурса и разрушение дискурсивной гегемонии. Подобного рода проявления протестной контркультуры он называет «скрытые послания» (hidden transcripts) [Scott, 1993].

Скотт также выделяет набор практик, которые получили репрезентацию в скрытых посланиях – его он и назвал «инфраполитика». Что входит в этот набор практик? Здесь протестующие предлагают свои варианты сопротивления на всех трех уровнях господства: материальному доминированию соответствуют саботаж, мелкое воровство, анонимное сопротивление и избегание сотрудничества, статусному – трансляция агрессии или презрения по отношению

¹В Минздраве рассказали, сколько россиян привилось от COVID-19/ URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/14/n_16690069.shtml

к господствующим, идеологическому – появление сюжетов о возмездии, сплетен, слухов и т.д.

Конечно, есть соблазн объяснить существование подобных сюжетов, сплетен и слухов «конспирологическим мышлением», но такой когнитивный стиль объяснения действительности не появляется сам собой. Он – следствие, с одной стороны, недостатка достоверной и последовательной информации по вопросу, с другой – результат неосмотрительного действия властей, привыкших действовать по шаблону и не считаясь с мнением и восприятием рисков новой проблемы, которое возникло у жителей. Генезис конспирологических теорий, касающихся вакцинации, подробно рассмотрен в работе исследовательницы Андреа Китта из Университета Восточной Каролины [Kitta, 2019]. Мы не будем подробно останавливаться на их содержании, лишь констатируем, что возникновение подобных объяснительных моделей – это лишь одна из инфраполитических практик.

То, что в случае ситуации сопротивления государственным мерам по вакцинации от Covid-19 сообщество противников этих мер демонстрирует практики инфраполитики, говорит нам, что это сообщество уже произвело самоидентификацию и определило себя как «слабых». На это есть объективные причины: примеры радикальных форм сопротивления в недавней политической истории России закончились для сопротивляющихся плачевно. Любая организация, любая официальная площадка несут в такой ситуации несоразмерные риски санкций со стороны власти. К тому же, в России подобного рода практики хорошо известны еще со времен СССР – Алексей Юрчак охарактеризовал их «вненаходимость как образ жизни». Уже тогда советский человек находил возможность выстроить свои сети тайного сопротивления действительности: музыкальные тусовки, археологические кружки и т.д. [Юрчак, 2014].

Сейчас же сетевой характер объединения людей для реализации подобных практик продемонстрировал новый уровень развития. Во-первых, это позволяют современные технологии и уровень проникновения Интернета, особенно мобильного, в России. Роль технологий подчеркивает, например, Мануэль Кастельс, противопоставляя сетевую организацию современного общества иерархической. Сеть, по Кастельсу, «представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации» [Кастельс, 1999]. В таких условиях выстроить гегемонию, которая бы охватила все узлы сети, просто невозможно.

Во-вторых, сетевой характер отвечает условиям анонимности скрытых посланий. В-третьих, даже если российским правоохранительным

органам удастся кого-то конкретного привлечь к ответственности, это не помогает пресечь распространение в целом в силу самого характера сетевой структуры, ее ризоморфности (по определению Жюль Делеза): «Любая ризома включает в себя линии сегментарности, согласно которым она страдифицирована, территориализована... но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает» [Делез, Гваттари, 2010, с. 16].

САБОТАЖ, СЛУХИ И МЕМЫ: АРСЕНАЛ «ОРУЖИЯ СЛАБЫХ»

Предложенные Джеймсом Скоттом варианты репрезентации этой протестной коммуникации представлены на всех уровнях сопротивления господству. Если посмотреть на материальный уровень, то в дискурсе противников мер по вакцинации присутствуют рассказы о том, что врачи могут по просьбе тем или иным способом утилизировать ампулы с вакциной, ничего не вкалывая и выписать сертификат – достаточно об этом лишь попросить. Впрочем, это довольно рискованная практика, на которую обратили внимание правоохранительные органы¹.

Гораздо больше распространены «скрытые сообщения» на уровне статусного доминирования. Здесь можно встретить как развитие уже давно известной идеи про «новый мировой порядок» и сопротивление ему, так и выражения недоверия российской власти. Представители российской власти в таких текстах часто представляются как «агенты мировых элит», а сама вакцинация – «зачисткой для золотого миллиарда». Уже выработался целый субкультурный язык, состоящий из аббревиатур и уничижительных иносказательных эпитетов для сторонников вакцинации, самой кампании по вакцинации, названий вакцин: «шмурдяк», «вакциноцид», «ковидиоты», «Бигфарма», «ковид-аусвайс».

Важным маркером того, что этот протест действительно серьезен, по крайней мере, на дискурсивном уровне, является идеологическая идентификация происходящего со Второй мировой войной и задействование нарративных структур, связанных с этим событием: обозначение мер как фашистских, идентификация QR-кода с аусвайсом, характеристика всего происходящего как «Третьей ментальной войны», задействование визуальных образов из советской пропаганды времен Второй мировой войны².

¹Десятки сожженных ампул с вакциной от COVID-19 нашли возле российской больницы. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/16/nashli/>

²URL: https://vk.com/wall-91280223_295367

Довольно примечателен факт неконсистентности тех нарративных структур, которые противники вакцинных мер используют: они могут противоречить друг другу содержательно, однако используются наравне друг с другом. В этом, как ни странно, противники государственных мер используют попытки российских властей создать идеологическое наполнение политики из культурно-исторических отсылок к прошлому, в которых, при их дальнейшем развитии, есть явные смысловые конфликты. Например, воззвания к сопротивлению «Новому мировому порядку», за которым стоит «еврейский заговор», вполне могут соседствовать с отождествлением себя с подвергавшимися геноциду евреями в нацистской Германии. Самая заметная публичная акция – это выступление актера Егора Борова¹, который вышел с нашивкой на одежду звездой Давида, эмблемой, которой обозначали евреев в нацистской Германии, однако в сети можно найти сотни мемов с подобной тематикой и задействованием аналогии с Холокостом.

Впрочем, сетевой характер медиараспространения и быстрое обновление новостей не позволяют этим противоречиям быть как-то обозначенными в качестве проблемы для сопротивления на идеологическом уровне: похоже, в скрытом, «партизанском» применении «оружия слабых» для достижения необходимого эффекта все средства хороши.

ПОЛИТИЗАЦИЯ АНТИВАКЦИОННОГО ДИСКУРСА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ СВОИХ ПРАВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ И ВРАГОВ ДЛЯ БОРЬБЫ

В последний месяц был зафиксирован всплеск разнородных инцидентов, так или иначе характеризующихся как более явные формы протеста против государственных мер по вакцинации, особенно против введения QR-кодов. Это могли быть обращения в инстаграм-аккаунт губернатора², протесты против дистанционного обучения в школах³, одиночные пикеты⁴. Пока мы видим их только региональных столицах или районных центрах, но это объяснимо тем, что полномочия по введению подобных мер были переданы федеральными властями во введение глав регионов.

¹Боров надел желтую звезду и сравнил ковидные ограничения с Холокостом. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2021/06/23/n_16144568.shtml

²URL: <https://www.instagram.com/p/CWXH4hhlG80/c/17922888130974944/>

³Еще один город на Среднем Урале выступил против дистанта в школах. URL: <https://fedpress.ru/news/66/incidents/2872904>

⁴Пикеты против отмены сроков губернаторов и QR-кодов прошли в Новосибирске. URL: <https://tayga.info/173861>

Тем не менее уже видно, что скрытый протест становится более явным и из социального становится политическим. Джеймс Скотт называется это «сатурналией мощи» [Scott, 1993]. Он утверждает, что если властям не удастся тем или иным способом устранить причину скрытого протеста, практики инфраполитики станут все более явными, а содержание «скрытого послания» будет предъявлено гораздо более публично. Публичность этого предъявления лишь нарастает. Под вопрос властную гегемонию в решении вопросов вакцинации ставят даже структуры, которые всегда вступали с властями в кооперацию, например, православное движение «Сорок сороков»⁵.

Скотт считает рост публичности неповиновения опасным сигналом для власти: «...любой конкретный отказ подчиниться – это не просто крошечная брешь в символической стене; это неизбежно ставит под сомнение все другие действия, которые влечет за собой эта форма подчинения. Почему крепостной, который отказывается кланяться своему господину, должен продолжать поставлять зерно и работать? Единственный недостаток в подчинении может быть исправлен или оправдан с незначительными последствиями для системы господства. Однако единичный акт успешного общественного неподчинения пробивает гладкую поверхность кажущегося согласия, которое само по себе является видимым напоминанием о лежащих в основе властных отношениях» [там же].

Кроме того, в текстах обращений к губернаторам и во многих сообщениях в соцсетях последнего времени мы видим обращение к таким концептам, как гражданские права, конституционные права, свобода выбора, что выводит уровень борьбы за дискурс на новый уровень и сдвигает фуколяндские границы дисциплинированности. Ранее в этом дискурсивном поле доминировало государство, теперь же мы видим то, что Фуко назвал бы социальным присвоением дискурса [Foucault, 1970], когда протестующие присваивают себе право определять, что означают эти слова, отнимают его у группы «сильных». К тому же требования в текстах протестующих становятся более конкретными – кого необходимо уволить, какие законы нужно отменить, какие действия предпринять далее.

И, конечно, главный сигнал политизации происходящего – это идентификация образа врага, разделение на «своих» и «чужих». Согласно Карлу Шмитту, таким образом и производится «политическое»: политика – это не универсум, а поливерсум, и политика происходит лишь там, где есть друзья и враги. Причем, эти враги должны быть таковыми

⁵URL: <https://t.me/sorok40russia/23088>

на экзистенциальном уровне, они должны угрожать существованию твоей группы, «тебе и друзьям». И способность различения врага и действия по отношению к нему – это и есть начало политического [Шмитт, 1992].

Пока мы не можем сказать, что образ врага в дискурсивном поле очерчен ясно – на визуальном уровне это группы «врачи-вакцинаторы», «мировые элиты», «чиновники» и т. д. Однако уже

появляются и персональные упоминания, в частности, директора НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи академика Александра Гинзбурга, лидера партии ЛДПР Владимира Жириновского и т. д. Поэтому и по критерию Шмитта политизация протестной повестки противников вакцинации нарастает, что дает нам все основания утверждать, что протестный дискурс противников мер вакцинации вот-вот состоится в качестве политического.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Scott J. C. The art of not being governed: an anarchist history of upland southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. P. 9–13.
2. Scott J. C. Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1984. P. 183–223.
3. Foucault M. L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au College de France prononcee le 2 decembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
4. Scott, J. C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993. P. 202–220.
5. Kitta A. The Kiss of Death: Contamination, Contagion, and Folklore. Logan, Utah: Utah State University Pres. 2019. P. 3–25.
6. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
7. Кагельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург ; М. : У-Фактория : Астрель, 2010. С. 14–15.
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. Т. 1. С. 37–67.

REFERENCES

1. Scott, J. C. (2009). The art of not being governed: an anarchist history of upland southeast Asia (pp. 9–13). New Haven: Yale University Press.
2. Scott, J. C. (1984). Weapons of the week: everyday forms of peasant resistance (pp. 183–223). New Haven: Yale University Press.
3. Foucault, M. (1971). L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au College de France prononcee le 2 decembre 1970. Paris: Gallimard.
4. Scott, J. C. (1993). Domination and the art of resistance: hidden transcripts (pp. 202–220). New Haven: Yale University Press.
5. Kitta, A. (2019). The Kiss of Death: Contamination, Contagion, and Folklore (pp. 3–25). Logan, Utah: Utah State University Press.
6. Yurchack, A. (2014). Eto bylo navsegda, poka ne konchilos' = Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation (In-Formation). Moscow: New literary observer. (in Russ.)
7. Castells, M. (1999). Stanovlenie obschestva setevykh struktur = The rise of the network society (pp. 494–505). The information age: economy, society and culture. Moscow: Academia. (in Russ.)
8. Deleuze, G., Guattari F. (2010). Tysyacha plato: capitalism i schizophrenia = A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia (pp. 14–15). Moscow. Astrel. (In Russ.)
9. Schmitt, C. (1992). Ponyatie politicheskogo = The concept of the political. Sociology Questions, 1(1), 37–67. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стахеев Илья Сергеевич

аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, преподаватель Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stakheev Ilya Sergeevich

PhD Student, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University
Lecturer, Institute of International Development and Partnership, Center for Science Communication,
ITMO University (Saint Petersburg)

Статья поступила в редакцию 11.03.2022
одобрена после рецензирования 13.04.2022
принята к публикации 05.05.2022

The article was submitted 11.03.2022
approved after reviewing 13.04.2022
accepted for publication 05.05.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_75

Развитие международного сотрудничества городов в современных условиях

М. Б. Суданц

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Marat5085238@gmail.com.*

Аннотация. Современные международные отношения характеризуются активизацией деятельности нетрадиционных акторов. Города многих стран координируют свои действия и сотрудничают в интересах решения проблем, затрагивающих не только проживающих в них, но значимых для всего человечества. Города начинают играть значимую роль в международных отношениях, выстраивают связи между собой и развивают международную деятельность. В результате сотрудничество и связи городов мира становятся неотъемлемым компонентом современных международных отношений.

Ключевые слова: международные отношения, города, международные связи и сотрудничество городов, городская политика, городские объединения

Для цитирования: Суданц М. Б. Развитие международного сотрудничества городов в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 75–80. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_75

Original article

Development of International City Cooperation in Modern Conditions

Marat B. Sudants

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Marat5085238@gmail.com*

Abstract. Modern international relations are characterized by the increased activity of non-traditional actors. Cities in many countries coordinate their actions and cooperate in the interests of solving problems that affect not only those who live in them but are significant for all mankind. Cities are beginning to play a significant role in international relations, building links with each other and developing international activities. As a result, cooperation and communication between the cities of the world is becoming an integral component of modern international relations.

Keywords: international relations, cities, international relations and city cooperation, city policy, city associations

For citation: Sudants, M. B. (2022). Development of international city cooperation in modern conditions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 75–80. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_75

ВВЕДЕНИЕ

Международная деятельность городов и их сотрудничество привлекают всё большее внимание политологов и исследователей других отраслей современной науки. Сложившаяся ситуация объясняется уже тем обстоятельством, что в городах проживает около половины населения планеты. Немаловажно привести и следующие статистические данные: население, проживающее в городах с высокой плотностью (не менее 50 тыс. жителей), за последние 40 лет более чем удвоилось, увеличившись с 1,5 млрд жителей в 1975 г. до 3,5 млрд в 2015 г. По некоторым прогнозам к 2050 г. эта цифра достигнет 5 млрд человек и составит почти 55 % населения земли [Cities in the World: A New Perspective on Urbanisation, 2021]. Таким образом, международная политическая коммуникация так или иначе будет строиться с вовлечением в нее городских образований и городского населения.

В соответствии с принятой в настоящее время классификацией по степени урбанизации выделяют три категории территории: города, поселки и полуплотные районы и сельские районы. При этом почти половина населения мира (48 %) проживает в городах, четверть – в сельской местности (24 %), остальные живут в городах и полуплотных районах (28 %) [там же]. Получается, что город, ввиду увеличения населения, становится естественным центром притяжения гражданского общества, распространяющим свою активность и на сферу международных отношений. Именно в городах обсуждаются и решаются разнообразные глобальные проблемы, которые затрагивают будущее всего человечества. Ситуация побуждает городские объединения к участию в разнообразных международных организациях, представляющих их потребности и интересы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ И СОТРУДНИЧЕСТВО ГОРОДОВ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

С учетом изложенного целесообразно обратиться к изучению содержания международных связей и сотрудничества городских образований в современном мире.

Представляется обоснованным мнение руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы Г. Л. Мурадова о том, что в современной политической науке отсутствует должное осмысление понятия международного субгосударственного сотрудничества, и это «чревато не только организационными и функциональными, но и политическими

издержками» [Мурадов, Тымчик, 2009, с. 39]. Исследователь дает определение международной деятельности городов, характеризуя их как вовлечение «субгосударств (регионов) в мирохозяйственную и международную деятельность в случае оптимальной синхронизации интересов центра и регионов» [там же, с. 41]. С данным определением вполне можно согласиться. Особенно примечательным представляется и проведение параллелей между городом и регионом: ведь известно, что город Москва де-юре выступает как самостоятельный регион, субъект Российской Федерации.

В свою очередь западный исследователь С. Гонгадзе полагает, что международные связи городов есть то, что «города действуют в международных отношениях как акторы, политические единицы, которые коллективно преследуют заявленные или неявные цели – в вопросах, касающихся международных отношений» [Gongadze, 2019, с. 1]. Данное определение также видится весьма точным, особенно немаловажным является выделение городов как политических акторов международных отношений.

Западный политолог Д. Пейич предлагает своеобразный взгляд на международную деятельность городов. Такая их политическая активность отождествляется им с *глобальной городской политикой*, что означает сотрудничество городов в таких областях, как миграция, здравоохранение, экологическая устойчивость и экономическое развитие с участием в глобальных форумах [Pejić, 2020]. Определение Д. Пейича представляется самым всеобъемлющим из представленных и в данном исследовании будет браться в дальнейшем в качестве основного, поскольку глобальная городская политика отражает сущность деятельности городов в современных международных отношениях. Можно заключить, что осмысление международных связей и сотрудничества городов привлекает внимание исследователей из разных стран. Такое положение является закономерным вследствие роста городского населения, стремления и возможностей городов участвовать в решении общих и глобальных проблем.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОРОДОВ

С учетом складывающейся в мире ситуации города координируют свое международное сотрудничество, происходит и его институциональное оформление. В этой связи представляет интерес позиция А. Е. Прокопенко, констатировавшего, что «в новейшее время международные связи городов приобретают институционализированные, организационные формы». По данным

исследователя, создание еще в 1913 г. Международного союза местных властей ознаменовало рождение международного муниципального движения, поскольку данная организация взяла на себя функции, с одной стороны, по укреплению локальных административных учреждений, а с другой – по созданию и укреплению каналов диалога для организации международного взаимодействия муниципальных образований. Следует назвать и создание в 1957 году международной неправительственной организации, Всемирной федерации объединенных городов, которая сыграла существенную роль в развитии побратимских связей между городами и в укреплении мирных международных отношений. Деятельность организации была достаточно успешной: если в 1970 году она объединяла около 1 тыс. городов из более чем 50-и стран мира, то к 2000 году в нее входило уже более 3500 городов из 160 стран Европы, Азии, Африки и Америки. Исследователь также утверждает, что к началу XXI в. в данной организации состояло более 100 городов России, установивших дружественные связи с более чем 200 городами других стран [Прокопенко, 2009]. Приведенные данные позволяют заключить, что в современном мире города наращивают объем своих международных связей, превращаясь в полноценных негосударственных акторов международных отношений.

С учетом изложенного будет правомерно обратиться к основным действующим «городским» организациям современного мира, выявить и осмыслить их основные виды деятельности.

ПРОГРАММА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО НАСЕЛЕННЫМ ПУНКТАМ

В первую очередь заслуживает внимания Программа ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат). Целью ее реализации является содействие «устойчивому развитию населенных пунктов посредством разъяснительно-пропагандистской работы, выработки политики, наращивания потенциала, накопления знаний и укрепления партнерских связей между правительствами и гражданским обществом» [ООН-Хабитат, 2021]. На современном этапе программа реализуется в рамках следующих направлений: обеспечение людей подходящим, основанным на потребностях, жильем, поддержка устойчивого развития населенных пунктов в урбанизирующемся мире и повышение потенциала институционального развития. В полномочия ООН-Хабитат также входит оказание необходимой

поддержки в реализации целей и ориентиров в области развития.

В настоящее время в рамках программы имеет смысл рассмотреть подробнее две кампании: Глобальную кампанию в области управления городским хозяйством и Глобальную кампанию по обеспечению гарантий владения жильем.

Глобальная кампания в области управления городским хозяйством направлена на «повышение местного потенциала для рационального городского управления – оперативного, эффективного реагирования на городские проблемы демократически избранными и подотчетными местными органами власти, действующими в сотрудничестве с гражданским обществом». Целью кампании является исправление недочетов в области управления и реализации экологической политики, снижение уровня бедности, а также борьба со связанными с ней социальной изоляцией и недостаточным экономическим ростом. Как отмечается на официальном сайте ООН-Хабитат, «кампания делает упор на достижении инклюзивности, удовлетворении потребностей социально исключенной городской бедноты и на содействии участию женщин в принятии решений на всех уровнях» [там же]. В современных политических условиях названные вопросы являются одними из самых животрепещущих. Как известно, немало городов обладают гетто и трущобами с проживающими в них маргинализированными слоями населения, которые усугубляют криминальную обстановку в этих населенных пунктах [Nashashibi, 2008].

Глобальная кампания по обеспечению гарантий владения жильем, как следует уже из самого названия, направлена на обеспечение правовых гарантий проживания. Одновременно ее целью является и поддержка осуществления стратегий в области жилья, содействующих интересам бедного населения и росту роли женщин. Программа сфокусирована на реконструкции трущоб, сокращении уровня бедности, ликвидации последствий стихийных бедствий, обеспечении функционирования систем городского водоснабжения и канализации, а также мобилизации местных финансовых ресурсов для обеспечения жителей подходящим жильем. Известно, что проблема доступа к пресной воде в ряде регионов мира постоянно обостряется [Белозёров, 2009а]. Неудивительно, что к проблеме водоснабжения ранее обращался, будучи мэром Москвы, Ю. М. Лужков, стремясь побудить государственное руководство России к принятию соответствующих решений, в том числе внешнеполитического характера [Белозёров, 2009б]. В контексте же предыдущей кампании реализуемые в настоящее время мероприятия способствуют

решению проблемы бедности и социальных проблем, возникших в том числе и вследствие усиления миграционных процессов [Aleshkovski, 2017].

Немаловажно отметить, что в рамках ООН-Хабитат предусмотрены и специализированные программы, направленные на содействие городскому развитию. В частности, названные программы включают Программу обмена передовым опытом и методикой местного руководства, Программу устойчивого развития городов (по созданию потенциалов городского экологического планирования и управления с помощью методов расширения участия населения), Проект в области водоснабжения городов в Африке, Программу борьбы со стихийными бедствиями, «Программу локализации Повестки дня на XXI век», Центр по глобальному мониторингу и статистике городов [ООН-Хабитат, 2021].

ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ОБЪЕДИНЕННЫЕ ГОРОДА И МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ» (ОГМВ)

«Объединенные города и местные власти» (далее ОГМВ) выступает как зонтичная организация, объединяющая города, местные и региональные органы власти и муниципальные ассоциации по всему миру. Деятельность ОГМВ включает проведение встреч мэров и других местных и региональных лидеров, защиту интересов местных и региональных органов власти в ООН, а также организацию взаимного обучения лучшим практикам по вопросам местной политики.

В настоящее время Консультативный комитет ООН по местному самоуправлению представляет интересы 323 тыс. муниципалитетов, городов и регионов во всем мире. Основной целью комитета является представление интересов местного самоуправления в ООН, содействие диалогу между местными властными институтами и национальным правительством, а также организация обмена опытом.

По инициативе ОГМВ в Повестку дня ООН по устойчивому развитию включена «Цель 11 – Устойчивые города и населенные пункты». Объединяя более 240 тыс. муниципалитетов, регионов и мегаполисов из 140 стран, Организация представляет интересы более 70 % населения планеты.

Программа работы организации фокусируется на повышении роли и влияния местного самоуправления и его представительных органов в глобальных процессах демократического, эффективного, инновационного местного самоуправления, близкого к гражданину, обеспечении

эффективной и демократической организации глобальных процессов¹.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ «ПОРОДНЕННЫЕ ГОРОДА»

Международное движение породненных городов зародилось в годы Второй мировой войны. Так, хорошо известно, что еще в 1944 году английский Ковентри и советский Сталинград, подвергшиеся сильным разрушениям, приняли решение установить дружеские связи и использовать их для развития сотрудничества в интересах мира и благополучия граждан. Благородные цели породненных городов получили в последующий период широкое признание международной общественности, способствовали развитию гражданской инициативы в различных странах мира.

К целям Ассоциации относятся содействие укреплению двусторонних и многосторонних связей местных и региональных властей с партнерами в других странах для разработки взаимовыгодных проектов в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. В деятельности МАПГ участвуют более 180 городов России и стран СНГ.

В интересах достижения названных целей Ассоциация участвует в деятельности международных организаций, сотрудничает с национальными объединениями местных и региональных властей в интересах реализации стратегии глобального сотрудничества, развития межкультурного понимания, укрепления экономических и культурных связей. Для стимуляции экономического роста и улучшения качества жизни Ассоциация организует программы обмена передовым опытом и внедрением современных технологий, опытом демократического местного самоуправления, обеспечения устойчивого развития, а также привлечения граждан к активному участию в различных сферах городской жизни в целях укрепления доверия, взаимопонимания и дружбы между народами и государствами.

Ассоциация участвует в деятельности Всемирной организации объединенных городов и местных властей, поддерживает рабочие контакты с Конгрессом местных и региональных властей Европы. Осуществляет деловое сотрудничество с национальными объединениями местных и региональных властей Америки, Европы и Азии².

¹Всемирная организация «Объединенные Города и Местные Власти» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2021. URL: https://www.mid.ru/xxvvi-zasedanie-sgs/-/asset_publisher/xMiklwUb7UZk/content/id/4805878

²История возникновения Международной ассоциации «Породненные города» // Международная ассоциация «Породненные города». 2021. URL: <http://goroda-pobratimy.ru/about/istoriya-vozniknoveniya-mapg>

«МЭРЫ ЗА МИР»

24 июня 1982 г. на 2-й Специальной сессии ООН по разоружению, состоявшейся в Штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, мэр Хиросимы Такеши Араки призвал города всего мира выйти за рамки национальных границ и объединиться в солидарности, чтобы вместе добиваться отмены ядерного оружия. Впоследствии города Хиросима и Нагасаки учредили «Всемирную конференцию мэров за мир через междугородную солидарность» (ныне «Мэры за мир»).

Цели «Мэров за мир» заключаются в том, чтобы способствовать достижению прочного мира во всем мире, вызывая у граждан мира озабоченность по поводу полной отмены ядерного оружия посредством тесной солидарности между городами-членами, а также стремясь решить жизненно важные проблемы для человечества, такие как голод и нищета, тяжелое положение беженцев, нарушение прав человека и ухудшение состояния окружающей среды. Сегодня в организации состоят 165 стран, более 8 тыс. городов¹.

В настоящее время деятельность указанной организации имеет перспективы для развития не только в связи с опасностью применения ядерного оружия. Работа «Мэров за мир» актуализируется в силу того обстоятельства, что, как показывает практика, города, причем многонаселенные, могут оказаться в районах ведения интенсивных боевых действий, со всеми вытекающими негативными последствиями для проживающего в них населения.

¹Outline, Mission, Structure // Mayors for peace, 2021. URL: <http://www.mayorsforpeace.org/english/aboutus/index.html>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что в современном мире сложились необходимые предпосылки для развития сотрудничества и связей городов мира, становления их как относительно самостоятельных субъектов международных отношений.

Проведенный обзор выявил возрастающую значимость городов в современных международных отношениях как независимых акторов, образующих собственные сообщества, такие как сообщество мэров, сообщество городов-побратимов, ООН-ХАБИТАТ и др.

Участие городов в мировом политическом процессе обусловлено возросшей долей городского населения, и, как следствие, появлением потребности в выражении интересов городского сообщества в международных отношениях. Поскольку горожане в скором времени будут составлять большую часть населения планеты, именно их инициатива и политическая образованность [Белозёров, 2012] становятся основной движущей силой в изменении и корректировке курса мировой политической деятельности не только городских образований, но и международных организаций и государств в целом. Появление же институтов, в рамках которых города координируют свою деятельность и связи, представляет собой признание международным сообществом необходимости сотрудничества в решении городских проблем, выступает как способ реагирования на такие проблемы. Некоторые реализуемые программы показали свою эффективность, они способствуют решению городских проблем и представляют собой важный наднациональный проект.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cities in the World: A New Perspective on Urbanisation // OECD Library. 2021. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d0efcbda-en/index.html?itemId=/content/publication/d0efcbda-en>
2. Мурадов Г. Л., Тымчик В. Международные связи как фактор развития и имиджа Москвы // Управление мегаполисом. 2009. № 2 – 3. С. 39–46.
3. Gongadze S. The Emergent Role of Cities as Actors in International Relations // E-International Relations, 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/08/06/the-emergent-role-of-cities-as-actors-in-international-relations/>
4. Pejic D. Cities and International Relations // Oxford Bibliographies. 2020. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0283.xml>
5. Прокопенко А. Е. Международные связи городов // Власть. 2009. № 4. С. 58–60.
6. ООН-Хабитат. Официальный сайт. 2021. URL: <https://www.un.org/ru/ga/habitat/>
7. Nashashibi R. Ghetto cosmopolitanism // Making theory at the margins. 2008. № 2. Vol. 7. P. 62–66.
8. Белозёров В. К. Страсти по воде. Какие ресурсы будут наиболее востребованы? // Россия в глобальной политике. 2009а. № 3. С. 150–160.
9. Белозёров В. К. Проект Юрия Лужкова и перспективы водной политики России // Безопасность Евразии. 2009б. № 3. С. 456–459.
10. Aleshkovski I. A. Globalization of international migration: Social challenges and policy implication // RUDN Journal of Sociology. 2017. № 2. Vol. 17. P. 213–224.

11. Белозёров В. К. Почему москвичам нужно политическое образование? // Электронный научный журнал «Госрег». 2012. № 2. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/2number/articles2/Belozyorov2.pdf>

REFERENCES

1. Cities in the World : A New Perspective on Urbanisation (2021). OECD Library. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/d0efcbda-en/index.html?itemId=/content/publication/d0efcbda-en>
2. Muradov, G. L. Tymchik, V. (2009). International connections as the factor of development and image of Moscow. The megapolis govern, 2–3, 39–46. (In Russ.)
3. Gongadze, S. (2019). The Emergent Role of Cities as Actors in International Relations. E-International Relations. <https://www.e-ir.info/2019/08/06/the-emergent-role-of-cities-as-actors-in-international-relations/>
4. Pejic, D. (2020). Cities and International Relations. Oxford Bibliographies. <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0283.xml>
5. Prokopenko, A. E. (2009). International contacts of cities. Vlast', 4, 58–60. (In Russ.)
6. UN-Habitat. Official site (2021). <https://www.un.org/ru/ga/habitat/>
7. Nashashibi R. (2008). Ghetto cosmopolitanism. Making theory at the margins, 2(7), 62–66.
8. Belozorov, V. K. (2009a). Passion for water. What resources will be most in demand? Russia in Global Politics, 3, 150–160. (In Russ.)
9. Belozorov, V. K. (2009b). Yuri Luzhkov's project and prospects of Russia's water policy. Security of Eurasia, 3, 456–459. (In Russ.)
10. Aleshkovski, I. A. (2017). Globalization of international migration: Social challenges and policy implication. RUDN Journal of Sociology, 17(2), 213–224.
11. Belozorov, V. K. (2012). Why do Muscovites need political education? Gosreg, 2. <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/2number/articles2/Belozyorov2.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суданц Марат Борисович

соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sudants Marat Borisovich

PhD Student of the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 01.03.2022
одобрена после рецензирования 01.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 01.03.2022
approved after reviewing 01.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_81

О месте влияния в «триединой формуле власти»: теоретические и прикладные аспекты

П. А. Цыганков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

TsygankovPA@my.msu.ru

Аннотация. В статье показана несостоятельность утверждений о существовании противоположных моделей влияния, якобы свойственных России как «автократии», с одной стороны, и «мировым демократиям» (США и Западу) – с другой. Рассмотрены теоретические и прикладные аспекты категории «влияния». Анализ специальной литературы дополняется подробным разбором экспертных докладов, содержание которых может служить примером подхода многих западных специалистов по России к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: власть, сила, влияние, автократии, мировые демократии, информационное противоборство

Благодарности: Выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Цыганков П. А. О месте влияния в «триединой формуле власти»: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 81–91. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_81

Original article

On the Place of Influence in the “Triune Formula of Power”: Theoretical and Applied Aspects

Pavel A. Tsygankov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

TsygankovPA@my.msu.ru

Abstract. The article shows the inconsistency of the claims about the existence of opposite models of influence, allegedly characteristic of Russia as an “autocracy”, on the one hand, and “world democracies” (the United States and the West), on the other. Theoretical and applied aspects of the category “influence” are considered. The analysis of specialized literature is supplemented by a detailed analysis of expert opinions, the content of which can serve as an example of the approach of many Western experts on Russia to the problem under consideration.

Keywords: power, power, influence, autocracies, world democracies, information warfare

Acknowledgments: The article was written with the assistance of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”

For citation: Tsygankov, P. A. (2022). On the place of influence in the “Triune formula of power”: theoretical and applied aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 81–91. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_81

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемый в последние десятилетия переход к новому миропорядку происходит в условиях разнонаправленных тенденций в эволюции международных отношений.

Во-первых, сегодня уже мало у кого вызывает сомнение существование тенденции постепенного упадка глобальной либеральной империи и глобальной идеологии либерализма¹. Трудно отрицать и то, что данная тенденция сопровождается усилением сопротивления ей со стороны США и их союзников путем сдерживания развития поднимающихся «других». Речь идет, прежде всего, о Китае и России, которые предпринимают ответные действия, сближая свои позиции.

Во-вторых, на фоне движения к многополярности проступают и очертания раскола мира на глобальный Запад и глобальный Неазапад при одновременном формировании быстро развивающихся «неприсоединившихся» держав, крупнейшие из которых (Индия, Индонезия, Нигерия, Бразилия, Турция) стремятся играть собственную роль, и объективные основания для этого будут возрастать.

В-третьих, история показывает, что главным вопросом в подобных ситуациях является вопрос о том, как сохранить мир при изменении баланса сил. Сохранение мира в условиях перехода и сегодня остается центральным вопросом. Вместе с тем меняется представление о содержании как мира, так и войны. Существенное отличие современного состояния заключается в том, что главные стороны нынешней конфронтации убеждены в том, что, говоря словами 40-го президента США Р. Рейгана, «есть вещи поважнее, чем мир».

Другими словами, современная конфронтация гораздо ближе к описанному К. Клаузевицем состоянию войны, как совокупности средств (необязательно вооруженных), призванных заставить противника изменить себя, подчинившись вашей воле. В данном контексте неслучайно широкое распространение получил термин «война» с такими прилагательными, как «гибридная», «информационная», «нелинейная» и т. п. Важно отметить и то, что новые технологии дают противостоящим сторонам средства небывалого прежде информационного воздействия, цифровизация позволяет переносить

противостояние в виртуальную реальность, а совершенствование кибероружия несет в себе невиданную прежде угрозу нанесения неприемлемого ущерба. При этом ясно, что глобального замирения не будет, так как речь идет о борьбе за власть, силу и влияние в мировой политике, как средстве самосохранения наиболее мощных государств, втянутых в противостояние.

В таких условиях есть необходимость перехода от созерцательных оценок и отстраненно-«объективного» анализа обстановки к конкретным исследованиям того, что и кто за ней стоит, чем она опасна, прежде всего, для нашей страны, а не просто «для мира в целом», и какие усилия должны / могут быть предприняты для обеспечения ее безопасности и развития в области российской международной и внешней политики.

Цель статьи – показать несостоятельность утверждений о существовании противоположных моделей влияния, якобы свойственных России как «автократии», с одной стороны, и «мировым демократиям» (США и Западу) – с другой. В данной связи автор останавливается на теоретических и прикладных аспектах категории «влияния». Анализ специальной литературы дополняется подробным разбором экспертных докладов, содержание которых может служить примером подхода многих западных специалистов по России к рассматриваемой проблеме. Для наглядности основные положения докладов приведены в виде таблиц. Структурно статья состоит из трех разделов. Первый из них посвящен краткому исследованию вопроса о различиях и единстве в содержании терминов «власть», «сила» и «влияние». Во втором разделе рассматриваются трактовки методологического значения категории влияния. Наконец, в третьем разделе показано ее использование в современном политико-информационном противоборстве Запада против России на примере двух аналитических докладов, опубликованных сотрудниками военной школы МО Франции в 2017 и 2020 годах. В заключение делается вывод о неотрывности внешнеполитического влияния государства от его интересов и, соответственно, от властных и силовых отношений в мировой политике.

О РАЗЛИЧИЯХ И ЕДИНСТВЕ В СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНОВ «ВЛАСТЬ», «СИЛА» И «ВЛИЯНИЕ»

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что, хотя «власть» – это ключевое понятие всех рассуждений о политическом, ее содержание, во-первых, остается предметом дискуссий, а, во-вторых,

¹Значительный пласт литературы, посвященной вопросам деглобализации, в данной связи не случаен, как с точки зрения отражения самого факта этого нового исторического момента, так и с точки зрения стремления его содержательных характеристик. Во всяком случае, сегодня все более очевиден неоднозначный, не всеобъемлющий, не общехарактеризующий, не всеобъясняющий характер феномена «глобализации», как и небесспорность его либеральных трактовок (в основном линейных, объективистских и, чаще всего, завышено оптимистических).

применительно к международной политике имеет свою специфику.

В соответствии с «каноническим» определением, власть трактуется как способность обладающего ею субъекта добиться от других такого поведения, мыслей, идей, мнений, которые в другом случае не имели бы место (К. Маркс, М. Вебер, Р. Арон, Р. Даль и др.). Власть позволяет навязывать свою волю, устанавливая выгодные для себя отношения с другими, в том числе в противовес их интересам, и это делает ее основой политики.

Основные признаки власти, ее составляющие – это авторитет, который формирует легитимность; престиж, который определяет притягательность власти и стремление к ней; доминирование, позволяющее добиваться подчинения через соответствующие политические и экономические институты. Классическим стал и главный признак государственной власти, сформулированный М. Вебером – монополия на легитимное применение силы. Однако особенность международных отношений состоит в том, что в них нет единого центра власти, решения которого обладали бы, подобно тому, как это происходит во внутренней политике, обязательностью для всех действующих лиц, а также гарантированной возможностью легитимного насилия по отношению к тем, кто их не исполняет. С точки зрения Р. Арона, который был приверженцем веберовского подхода, в международных отношениях, отличающихся отсутствием монополии на легитимное использование силы и слабой ролью институтов в урегулировании споров, типичные проявления власти состоят в прямом принуждении или угрозе насилия. Поэтому он настаивал, что понятие власти (важное место в структуре которого занимает такой признак, как территория, и который тоже отличается собственной спецификой применительно к международным отношениям) больше подходит для внутривнутриполитических, чем для международных процессов. Для изучения последних уместнее, по его мнению, использовать понятие «мощь». Вместе с тем он считал, что государства «...хотят быть сильными не только для того, чтобы предотвратить агрессию и наслаждаться миром, а для того, чтобы их боялись, уважали или любили» [Aron, 1984, с. 279]. В конечном счете они хотят располагать властью как способностью навязывать свою волю соседям и соперникам, влиять на судьбу человечества, на развитие цивилизации [там же].

Французский ученый исходил из того, что государство может обладать как актуальной, так и потенциальной силой. *Потенциальная сила* – это та, которая присутствует «на бумаге»: она может существовать как совокупность человеческих,

моральных и материальных ресурсов, но оставаться не задействованной, не материализованной. В свою очередь *актуальная сила* также имеет два измерения. Во-первых, в военное время она сближается и практически соединяется с военной силой, но вместе с тем не совпадает с ней полностью, так как ход операций в военных действиях в значительной мере определяется не только модальностями вооруженной борьбы, но и иными – невоенными ресурсами. Во-вторых, в мирное время она еще более далека от военной силы, так как армия, флот и авиация, хотя и существуют, но не используются, являясь лишь инструментом внешней политики. Между потенциальной и актуальной силой находится *мобилизация*. Таким образом, использование силы зависит от мобилизации ресурсного потенциала на основе воли, способности и др. качеств политических акторов [там же, с. 58–80].

В любом случае указанная способность связана с ресурсами, среди которых различают материальные, человеческие и моральные, или социальные факторы. К первым относят природные (в том числе территориальные), экономические (включая технологические) и военные характеристики государства. Ко вторым – демографические (численность населения, его национально-этнический состав, возрастная структура и т. п.). К третьим – уже упомянутые авторитет, престиж, доминирование, связанные в числе прочего с культурой, «качеством» национальных лидеров, искусством дипломатии. Важнейшее место среди социальных ресурсов принадлежит информационным и организационным возможностям, которыми располагает государство [Хрусталева, 2019].

Существенная проблема, с которой сталкивается анализ политической власти, состоит в том, что окончательного, строгого, общепринятого, четкого разделения между властью, силой и влиянием не существует. Часто эти понятия рассматриваются как взаимозаменяемые, а во многих языках и обозначаются одним термином. Один из вариантов их разделения в ТМО исходит из того, что *власть* понимается как социальное отношение и не может быть абсолютной, при этом такое отношение является диалектическим, обоюдным, хотя и несимметричным. В свою очередь *сила* – это, в некотором смысле, средство (совокупность средств) применения власти и использования властных ресурсов, которые говорят о возможности такого применения.

Ссылка на ресурсы при определении силы не случайна. Она связана с двумя искушениями, касающимися анализа власти: а) с попытками выработать количественные показатели, позволяющие получать все более точную оценку средств реализации власти и находить таким образом

рациональную основу поведения участников МО; б) со стремлением выявить главный, конечный, или исходный детерминирующий фактор того или иного типа поведения. При этом в первом случае часто допускаемая ошибка связана не с невозможностью количественных измерений ресурсов силы (достижения современной науки во многом допускают «измерение» не только материальных, но и моральных ресурсов), а с переоценкой их значения, которое на самом деле носит довольно относительный характер. Точно так же не стоит отрицать рациональность на основе того, что в политике многое зависит от эмоций, страхов и других когнитивных особенностей лиц, принимающих решения. Контраргумент состоит в том, что «социальная рациональность», с которой имеет дело политика, не сводится к подобию математических расчетов, а имеет свою специфику, которую надо принимать во внимание, хотя не стоит и преувеличивать [Gutmann, 2012].

Во втором случае за определяющий фактор принимается либо *экономика* (марксистские и неолиберальные теории), либо *военная сила* (стратегические исследования), либо *пространственно-географические факторы* (так называемая формальная геополитика). На самом деле, как это ни парадоксально выглядит, с точки зрения властных возможностей размеры экономической силы государства не имеют первостепенного значения, поскольку другие государства оценивают ее с позиций потенциального применения. Иначе говоря, значение экономического фактора состоит не столько в экономических возможностях самих по себе, сколько в способности государства использовать этот ресурс в политических целях. Точно так же сведение силы к ее военному компоненту дает о ней лишь частичное представление. Оно соответствовало определенным историческим фазам, когда лучшим способом навязать свою волю другому было принуждение с помощью оружия. Ядерное оружие показало пределы применения военной силы. Однако желание принуждать других никуда не делось. Для этого пришлось искать разные способы. В результате стратегическими инструментами стали ценности и идеология, которые в последнее время заметно милитаризовались [Gutmann, 2012].

Вообще ни один отдельно взятый, даже очень важный фактор силы не является решающим при оценке власти участника МО. Оценка реальной власти предполагает необходимость принимать во внимание: 1) всю совокупность факторов; 2) способность преобразовывать один фактор в другой; 3) место, занимаемое государством в системе «властных отношений» на международной арене.

Признание невозможности учесть все измерения и способы применения силы и недостаточности аналитического потенциала категорий власти и силы заставляет обратиться к понятию «влияние». Однако, несмотря на все более частое использование, оно остается не менее многозначным и расплывчатым, чем понятия «власть» и «сила», а нередко и совпадающим с ними. В данной связи исследовательскую ценность приобретает, во-первых, совокупное применение тройственной формулы «власть-сила-влияние» при анализе особенностей каждой из ее составляющих и, во-вторых, возрастающее значение, которое приобретает в ней термин «влияние».

ТРАКТОВКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЛИЯНИЯ

Понятие «влияние» стало особенно активно использоваться в политическом дискурсе в последние десятилетия, главным образом, в связи с так называемыми цветными революциями, и получило более широкое развитие в свете «информационных войн». В ТМО оно достаточно долго не имело такого же распространения, как два других термина названной формулы. Вместе с тем уже в 1960-х годах. А. Уолферс указывал на различие между силой и влиянием международных акторов. По его мнению, сила – это способность актора изменить поведение других международных акторов путем принуждения. Влияние же – это его способность изменить указанное поведение посредством убеждения. При этом стоит обратить внимание, во-первых, на то, что он связывал влияние с целенаправленным воздействием, а во-вторых, подчеркивал, что между силой и влиянием имеется определенный континуум, т. е. их различия не абсолютны [Wolfers, 1962]. Последнее замечание тем более верно, что убеждение в международных отношениях не ограничивается только вербальной риторикой, примерами которой является то, как Украина жалуется Западу на «агрессию» России, страны НАТО «убеждают» друг друга в опасных военных приготовлениях Москвы, Байден допускает неприемлемые высказывания о Путине и т. п. Убеждение может включать и такие политические акции, как демонстрация силы, военные маневры, пограничные провокации и даже небольшие войны. Один из французских теоретиков внешней политики называет это «инструментами социализации» [Morin, 2013, с. 34–37]. В свою очередь, канадские специалисты говорят в таких случаях об «активной мягкой силе» [Nouvelle politique étrangère, 2016, с.144–146].

В данной связи стоит обратить внимание на эволюцию взглядов известного американского политолога Дж. Ная. В конце 1980-х годов он утверждал, что сила становится «менее осязаемой и менее применимой» [Най, 1989, с. 74], давая понять, что на смену ей приходит «убеждение», рассматриваемое как противоположность физическому воздействию. Политический контекст, в котором появилась данная концепция, характеризовался, с одной стороны, кризисом экономики СССР на конечном этапе его «перестройки и нового мышления» и явным истощением советских моральных и социальных ресурсов силы при сохраняющемся ядерном потенциале. Другая сторона состояла в том, что бремя затратной гонки вооружений, которое становилось тяжелым и для США, во многом утрачивало для них свой прежний смысл. Последовавший вскоре распад Советского Союза и декларации российских лидеров о стремлении «стать частью цивилизованного мира» способствовали укреплению мнения об эффективности применения «неосязаемой» силы, без отказа от одной из ее главных функций – влияния. В таком контексте уже в начале 1990-х годов появляется и получает широкой резонанс концепция «мягкой силы» [Nye, 2004]. Дж. Най определяет ее как «способность оказывать влияние на окружающих силой примера и убеждения, а не “жесткой силой” принуждения и угрозы расплаты» [Най Дж. мл., 2018а]. Правда, чаще он предпочитает подчеркивать, что «мягкая сила» – это, прежде всего, привлекательность и она работает по добровольному согласию. Вместе с тем он признает, что «мягкая сила» может быть эффективной только в сочетании с военной мощью и экономическими возможностями (*жесткой силой*). Как раз такое сочетание, которое он называет «умной силой», Дж. Най, вместе с Хилари Клинтон, рекомендовал использовать в мировой политике США при президенте Обаме [Най Дж., URL; Le sharp power: usage d'informations trompeuses à des fins hostiles. URL]¹. В последующем стало очевидным, что главная цель этой политики – сохранение и укрепление мирового доминирования США – администрацией Обамы не была достигнута, несмотря на применение «умной силы» в виде сочетания организации или поддержки «цветных революций», уничтожения ливийской государственности, финансирования антигосударственных групп в России и т. п.

¹Заметим, что в 2010 г. главной и фактически единственной угрозой США Дж. Най считал Китай. Указывая на военное измерение как на один из главных признаков сверхдержавности он утверждал, что КНР еще два или три десятилетия не заменит в этом качестве Америку. Тем самым он допускал ошибку «линейной проекции», в которой обвинял своих оппонентов, ибо не представлял, что уже гораздо раньше в качественном выражении военной силы США могут уступить не Китаю, а России.

Дж. Най, в отличие от Ф. Закарии, не разделяет идею об упадке американской силы и «постамериканском мире будущего» [Закария, 2009]. Вместе с тем он не может игнорировать возвышение Китая и укрепления позиций России в мировой политике. В результате он присоединяется к той части западного академического и экспертного сообщества (сегодня это, по сути, мейнстрим), которая, жертвуя остатками научной объективности, активно включается в антикитайскую и антироссийскую пропаганду на тему борьбы демократий против автократий². Так, Дж. Най поддерживает термин «резкая (или острая) сила», который изобрели в 2018 г. Кристофер Уокер и Джессика Людвиг из Национального фонда за демократию, понимающие под ним «новый тип влияния». С точки зрения Ная, данный термин – это аналог термина «информационная война», которая противоположна «мягкой силе», поэтому «острая сила является вариантом жесткой силы» [Най Дж., 2018б]. Вместе с тем он так же, как Уокер и Людвиг считает «острую силу» инструментом «автократий» (Китая и России) в их попытках дискредитировать и подорвать западные демократии. Най готов признать, что и США использовали информацию «в недружественных целях», однако относит подобные действия к периоду холодной войны. Он дает понять, что в наши дни Запад опирается на «мягкую силу» для распространения своего влияния. При этом Най предупреждает, что, реагируя на «острую силу» Китая или России, демократиям «важно соблюдать осторожность, чтобы не дискредитировать собственную мягкую силу». И тут же заявляет: «С армиями оплаченных троллей и бот-сетей, а также с такими каналами, как «RT» и «Спутник», российская разведка, после взлома почтовых серверов Национального комитета демократов и старших должностных лиц президентской кампании Клинтон, смогла нарушать новостные циклы из недели в неделю, направляя их в нужное для себя русло» [Най Дж. мл. 2018а]. Тем самым маститый политолог, не заботясь о доказательствах своих утверждений, использует «ложную информацию в недружественных целях», которую он сам определяет как «острую силу».

Принимать всерьез утверждения о том, что «демократии» (Запад) кардинально отличаются от «автократий» (Китая и России) тем, что первые основывают свою внешнюю политику на «мягкой силе», а вторые – на «острой», не приходится. История и современность полны примеров применения

²How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. By Joseph S. Nye Jr., January 24, 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

государствами самых разнообразных приемов отстаивания своих интересов. А последние годы и даже десятилетия показывают, что Запад использовал умышленный и сознательный обман гораздо чаще, чем кто-либо другой: от «пробирки К. Пауэла», до «отравления Литвиненко», «дела Скрипалей», «взорванных оружейных складов в Чехии» и, конечно, повсеместного «вмешательства России в выборы»... Различия между «мягкой» и «острой силой» (или информационной войной, по Наю) вновь исчезают так же, как и различия между силой и влиянием. Иначе говоря, влияние не удается отделить от силы и властных отношений.

Влияние возникает и действует как процесс мобилизации силы, позволяющий использовать соответствующие сложившейся обстановке ресурсы с целью изменить (или сохранить) мотивы и само поведение контрагента в выгодном для себя направлении. Иначе говоря, влияние, так же, как и сила, является одним из проявлений, граней или сторон многогранного феномена властных отношений. Данное понимание «влияния» соответствует и выводам социальной психологии, где оно «относится к процессам, с помощью которых отдельные лица и группы формируют, распространяют и изменяют свой образ мыслей и действий во время реальных или социальных взаимодействий» [Généralités sur la notion d'influence, URL]. Близкое понимание категории влияния встречается в отечественной политологической литературе [Обидина, 2020].

Противопоставить влияние властно-силовым отношениям не удастся, ибо такое противопоставление может носить только искусственный характер, за которым стоят политические (политико-идеологические) цели. Иначе говоря, такое противопоставление само по себе является не чем иным, как подтверждением неразрывности «триединой формулы», самостоятельность элементов которой может носить лишь относительный характер.

Данный вывод касается и попыток выделить среди существующих форм влияния две противоположные модели, одна из которых опирается исключительно на мягкую силу, а также на моральное превосходство и свойственна «мировым демократиям», а другая – на «резкую» и жесткую силу и присуща авторитарным режимам, в частности России.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА «ВЛИЯНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

Стремление представить конкретные доказательства коренного отличия форм и механизмов

(«рычагов») влияния, используемых Западом и Российской Федерацией, можно найти в аналитических докладах экспертов по России Института стратегических исследований Военного училища при Главном управлении международного развития и стратегии Министерства обороны Франции¹.

Первый из них «Стратегии и практики влияния России» [Marangé, 2017] претендует на то, чтобы «заложить основы размышлений об истоках и модальностях российского влияния», и во многом носит действительно характер общих рассуждений об использовании Россией средств «мягкой силы», публичной дипломатии и «гибридной войны» в конфронтации с западными странами и США. Автор стремится доказать кардинальную противоположность западного и российского внешнеполитического влияния – начиная с разного понимания самого термина и исторических оснований соответствующих стратегий и методов, до практики их реализации. В докладе подчеркивается, что для Запада основной метод влияния – это его привлекательность («мягкая сила»). Для России же – это часть ее военной стратегии. Автор утверждает: «хотя стратегии влияния России носят оборонительный характер, практические действия являются весьма наступательными». Автор настаивает, что российское восприятие внешних угроз и их трактовка не соответствуют реальности, вследствие чего Кремль считает, что находится во враждебном окружении (хотя на самом деле именно США и ЕС постоянно заявляют о подрывных действиях Москвы, а НАТО принимает все новые документы о «российской угрозе»). В докладе делается вывод, что в своей конфронтации с западными ценностями демократии и плюрализма Россия использует самые современные средства информации и коммуникации, однако ее стратегии влияния основаны на советском опыте подрывной деятельности и политической культуре холодной войны.

Второй доклад «Российские стратегии влияния в Южно-кавказском регионе» [Genté, 2020]

¹ L'Institut de recherche stratégique de l'École militaire (IRSEM) rattaché à la Direction générale des relations internationales et de la stratégie (DGRIS) du ministère de la Défense. Как следует из преамбулы к периодическому изданию IRSEM, Институт публикует как открытые исследовательские материалы, предназначенные для научного сообщества, так и доклады для внутреннего пользования Министерства обороны страны. Миссия Института – «стратегическая преемственность». Она состоит в том, чтобы способствовать воспитанию нового поколения исследователей, путем обучения на ежемесячных семинарах для докторантов и предоставления докторских и постдокторских грантов. Исследователи института также вносят свой вклад в высшее военное образование через свои публикации, участие в конференциях и присутствие в средствах массовой информации, а также в общественные дебаты по вопросам обороны и безопасности.

посвящен «подрывной деятельности» России в Азербайджане, Армении и Грузии¹. В нем утверждается, что, в отличие от западной «мягкой силы», российская стратегия влияния основана на военной мощи (жесткой власти), экономическом и финансовом давлении, манипулировании

¹Стоит отметить, что авторы названных докладов – сотрудники не какого-нибудь таблоида или третьестепенного интернет-издания. Так, Селин Маранже – доктор наук, специалист по России, Украине и странам Центральной Азии с солидным опытом преподавания в ведущих университетах Франции и США. В 2010 году защитила докторскую диссертацию в Парижском институте политических исследований (Science Po). До перехода в IRSEM преподавала в Колумбийском университете, в Science Po и в Гарвардском университете. Режис Жанте, в свою очередь, позиционируется как специалист по России и странам бывшего СССР с многолетним опытом работы в Тбилиси в качестве корреспондента Le Figaro и Radio France Internationale. Он автор трех книг, в том числе «Путин и Кавказ» (2014). В то же время о степени его компетентности в качестве эксперта по Кавказу говорит утверждение о завоевании Россией Азербайджана, Армении и Грузии в XIX в.

ценами на энергоносители и распространении недостоверной информации. В то же время в нем говорится, что Россия использует и косвенные механизмы влияния. Например, в Азербайджане самый большой рычаг российского влияния – это геополитическая поддержка правительства страны, которое так и не приняло западные политические ценности. Другим рычагом являются полмиллиона азербайджанских мигрантов, работающих в России, в связи с чем пятая часть населения страны зависит от российских денежных переводов, что усиливает зависимость Баку от Москвы.

В Армении, помимо использования Нагорно-Карабахского конфликта, о котором России «достаточно лишь упомянуть», рычагами влияния остаются также русский язык и СМИ. Мигранты из Армении, подобно их азербайджанским коллегам, а также их семьи «крайне восприимчивы к российскому влиянию. Они с удовольствием используют русский язык,

Таблица 1

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ ВЛИЯНИЯ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ IRSEM

	Запад	Россия
Что понимается под влиянием?	Влияние, способность достигать своих целей, не прибегая к подстрекательству, угрозе или военному и экономическому принуждению (soft power)	Влияние – комплекс враждебных действий, избегающих фронтальной атаки на противника. Это часть военной стратегии, ее инвариант
Исторические основы	1. Наивысшее измерение и универсальное значение ценностей и идеалов западной демократии 2. Привлекательность демократических ценностей и норм	1. Военные доктрины советского и царского времени (враждебность к внешнему миру) 2. Опыт и политическая культура холодной войны
Основная (стратегическая) цель	Защита и распространение ценностей и идеалов	1. Защита режима 2. Великодержавность
Концептуальные основы	1. Концепция «мягкой силы» 2. Четкое различие между гражданскими и военными формами	1. Soft power (до 2007) 2. «Доктрина Герасимова»
Средства	Публичная дипломатия и манипулирование мнениями	1.«Информационная война» 2.«Гибридные войны» 3. Экономическое давление
Методы, инструменты и «рычаги»	1. Использование привлекательности ценностей и норм западной демократии 2. Сознательное распространение их путем прямого внешнего воздействия	Военные операции Кибератаки Политическая, экономическая и военная дестабилизация... Отрицание западных ценностей Поддержка антизападных правительств СМИ Русский язык

Таблица 2

УРОВНИ, ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ВЛИЯНИЙ ЗАПАДА И РОССИИ, СОГЛАСНО IRSEM

Уровни	Цели влияния		Методы	
	Запад	Россия	Запад	Россия
Стратегический	Получение преимущества над противником с помощью ИКТ: 1. Привлечение на свою сторону партнеров: (white psy-ops) 2. Дискредитация противника (black psy-ops)	Дискредитация западных ценностей и утверждение «русского мира». Самопозиционирование как «осажденной крепости» «во враждебной среде» Дестабилизация ННГ	Дезинформация. Манипулирование информацией. Физические действия.	Ядерное сдерживание. Военное запугивание. Энергетический шантаж. Распространения своего дискурса и интерпретации мировых событий через СМИ (RT). Дезинформация (раздувание угрозы со стороны НАТО и США)
Оперативный	Информационная война (IW) -добиться преимуществ с помощью ИКТ: 1. Защита своих источников инфо 2. Разрушение или нанесение вреда источникам противника	1. Распространения своего дискурса и своей интерпретации мировых событий через СМИ (RT). 2. Дезинформация (раздувание угрозы со стороны НАТО и США)	2. Электронная война. 3. Psy-ops 4. Обман. 5. Атаки на физические инфо системы. 6. Атаки на виртуальные инфо системы	Операции по подрывной деятельности. Создание связанных с властью аналитических центров и фондов (СВОП, РСМД, Валдай, Русский мир...) Запрет демократических НПО
Тактический	1. Помеха влиянию или усилению противника 2. Обеспечение контроля и лояльности населения	1. Операциональная безопасность 2. Вмешательство в выборы 3. Проецирование власти за lim страны (Сирия, Украина, Закавказье)	Кибератаки. Защита компьютерных сетей, шпионаж и электронная слежка. Манипулирование СМИ. Пропаганда	Гибридные войны. Военное запугивание. Энергетический шантаж. Защита компьютерных сетей. Кибератаки. Вмешательство в выборы. Разведка. Пропаганда

слушают и читают российские СМИ, что является двумя инструментами, которые Москва использует в своей внешней политике» [Genté, 2020].

Что касается Грузии, то здесь Москва распространяет свое влияние через Б. Иванишвили – олигарха, который приобрел свои богатства в России. Поддерживаемый Иванишвили «Альянс патриотов Грузии» воплощает националистические и консервативные ценности, выступает за нейтралитет и отвергает усилия руководства страны по согласованию своей политики с НАТО. Второй рычаг российского влияния в Грузии – это православная церковь. Большинство из духовенства Грузинской

Церкви ближе к России, чем к Западу, отвергает западный либерализм, ценности индивидуализма и гедонизма. В-третьих, это опять-таки российские СМИ, которые прославляют и возвышают «прогрузинские» ценности, т. е. те, которые противоречат западным ценностям.

Таким образом, ключевая идея, которая проводится в цитируемых докладах IRSEM, состоит в том, что «мягкое влияние» Запада, основанное на привлекательности и открытости демократических идеалов, в корне противоположно влиянию России, которое гораздо ближе к «жесткой» силе и враждебным действиям.

Вместе с тем, признают авторы докладов, Россия заимствует западные методы *soft power* и публичной дипломатии. В свою очередь Запад не отказывается от информационных войн, сознательного распространения своих ценностей путем прямого внешнего воздействия на другие страны и т. п. Иначе говоря, заявление о полной противоположности методов российского и западного влияния расходится с описанными в докладе методами, которые используют стороны в своей внешней политике. Более подробно противоположность западной и российской моделей влияния, их уровней и целей, декларируемая в докладах IRSEM, показана в таблицах 1 и 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние зависит от искусства дипломатии, изобретательности. Оно связано с воздействием на сознание и потому включает в себя ссылки на авторитет, управление информацией, соблазн, доверие, обвинения, шантаж, призывы к разуму и, конечно, пропаганду. В то же время, как показывает вся практика международных отношений и особенно последние десятилетия мировой политики, влияние не ограничивается только «когнитивными процессами», не сводится и к тому, что называют иногда «моральной силой» [Gutmann, 2012]. В этом смысле влияние совпадает с властью – способностью контролировать поведение других. Оно опирается не только на идеи, и его цель – не только изменить сознание. Идеи используются как инструмент и эффективны, если подкреплены материальными (социальными) ресурсами. Поэтому способы международнополитического влияния могут быть разными, но они неотрывны от средств принуждения, в том числе и военно-силовых. Попытки выстроить «модели» влияния на основе противопоставления инструментов убеждения и принуждения, «мягкой силы» и «острой силы», политического и экономического давления, иначе говоря, попытки разорвать триединую формулу оказываются неудачными. Тем более, если указанные попытки «заряжены» на сдерживание России, а их целью является основанное на политико-идеологических аргументах стремление доказать агрессивность внешнеполитических мотивов и действий «вероятного противника».

Описанные в рассмотренных докладах якобы противоположные «модели влияния» в целом соответствуют установкам, решениям и практике современной политики Запада в отношении России. В значительной мере они отражают текущее состояние американской ТМО и разделяются

мейнстримом экспертного сообщества США и их союзников [Tsygankov A., Tsygankov P., Gonzales, URL].

Вместе с тем это не означает безраздельного доминирования во внешнеполитическом дискурсе Запада вышеописанных представлений о формах и методах российского влияния. Так, например, эксперты Института поддержки мира и управления конфликтами Национальной Академии обороны Австрии Ch. Bilbana и H. Grininger подробно проанализировали широко распространенное мнение о так называемой «доктрине Герасимова» как основе стратегии «гибридной войны», которую якобы ведет Россия для утверждения своего влияния в мире. Аналитики показали вымышленный характер «доктрины Герасимова», как и то, что придумавший ее в 2014 г. британский историк и публицист Марк Галетти публично отказался от ее реальности в начале 2018 г. Распространение идеи «гибридной войны» они объясняют тем, что она выполняет три главных функции: упрощение, привлечение внимания и легитимизация. Ее цель – напоминание союзникам по НАТО в Европе о необходимости усиления их вклада в сдерживание России [Bilbana, Grininger, URL]. Действительно, термин «гибридная война» вошел в употребление в среде военных теоретиков США и в многочисленных американских «фабриках мысли» с конца 1990-х гг. Он не имеет ничего общего с несуществующей «доктриной Герасимова», а возник в связи с анализом так называемых «гибридных угроз» [«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века, 2015].

В свою очередь, научный сотрудник Французского Института международных отношений (IFRI) Maxime Audinet отмечает, что утверждения, «будто Кремль избрал Трампа или определил исход голосования по Brexit очень проблематично: с одной стороны, рассматривать последствие российского влияния в отрыве от гораздо более широкой туманности «влиятелей» (другие СМИ, социальные сети, лица, творцы общественного мнения) невозможно, особенно во время избирательной кампании; с другой стороны, показывать пальцем на российскую пропаганду – это легкий выход для тех, кто хочет освободить себя от собственной политической ответственности» [Audinet, URL]. Одновременно автор подчеркивает отсутствие доктринальной жесткости и «очень прагматическое измерение в игре влияния России». Иначе говоря, M. Audinet признает, что главным мотивом политики влияния России выступают не антизападные установки и не мифические мотивы «гибридной войны», а интересы, остающиеся движущей силой политики любого государства. И с этим нельзя не согласиться, потому что отстаивание интересов безопасности, экономического развития, национальной чести

в противовес стратегии сдерживания составляет суть современных отношений России и Запада. С данной точки зрения, указанные отношения – это сфера властных взаимодействий. Влияние, как и сила, выступает их средством. Формы и механизмы влияния могут отличаться от страны к стране. В зависимости от обстоятельств они могут быть как

разными, так и примерно одинаковыми у одного и того же государства (или нескольких государств) по отношению к другим государствам (или одному и тому же государству). Однако особых, противоположных моделей влияния, «работающих» независимо от интересов государств как субъектов властных отношений, в мировой политике не существует.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aron R. Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann-Lévy, 1984.
2. Хрусталеv М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Аспект Пресс, 2019.
3. Wolfers A. Discord and collaboration. Baltimore, 1962.
4. Morin J.-F. La politique étrangère. Théoris, méthodes et références. Armand Colin, 2013.
5. Nouvelle politique étrangère / Sous de la direction de Ch. Mballa & N. Michaud ; préface de M. Robitaille. Presse de l'Université de Québec, 2016.
6. Най Дж. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 73–81.
7. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. Public Affairs. New York, 2004.
8. Най Дж. мл. Как «резкая» сила угрожает мягкой силе // Россия в глобальной политике. 29.01.2018а. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-rezkaya-sila-ugrozhaet-myagkoj-sile/>
9. Най Дж. О смещении сил в мире. URL : https://www.ted.com/talks/joseph_nye_global_power_shifts/transcript?language=ru#t-850309
10. Le sharp power : usage d'informations trompeuses à des fins hostiles. URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/le-tour-du-monde-des-idees/le-tour-du-monde-des-idees-du-vendredi-01-juin-2018>
11. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М. : Европа, 2009.
12. Най Дж. Мягкая и острая сила Китая // Аналитический интернет-журнал Власть. 08.01.2018б. URL: <https://vlast.kz/project-syndicate/26338-magkaa-i-ostraa-sila-kitaa.html>
13. Généralités sur la notion d'influence. Publié dans Influence, engagement et dissonance. URL: <https://www.psychologie-sociale.com/index.php/fr/theories/influence/9-generalites-sur-la-notion-d-influence>
14. Обидина Ю. С. Концепция политической власти – теоретический и методологический аспекты // Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов: монография / под общ. ред. М. И. Рыхтика, А. Н. Фортунатова. Н.-Новгород : Изд-во ННГУ, 2020. С. 12–23.
15. Marangé C. Les Stratégies et les Pratiques d'influence de la Russie // Études de l'IRSEM. Mars 2017. N 49.
16. Genté R. Russian strategies of influence in the South Caucasus region // Études de l'IRSEM. May 25, 2020.
17. Gutmann F. La puissance n'est plus ce qu'elle était. 23.05.2012. URL: <https://www.diploweb.com/La-puissance-n-est-plus-ce-qu-elle.html>
18. Tsygankov A. P., Tsygankov P. A., Gonzales H. Putin's "Global Hybrid War": U.S. Experts, Russia, and the Atlantic Council. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/putins-global-hybrid-war/>
19. Bilbana Ch., Grininger H. Labelling Hybrid Warfare: The "Gerasimov Doctrine" in Think Tank Discourse. URL: https://www.academia.edu/44424163/Labelling_Hybrid_Warfare_The_Gerasimov_Doctrine_in_Think_Tank_Discourse
20. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в. / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Московского университета, 2015.
21. Audinet M. La Russie n'est pas la cause, mais l'aiguillon des populismes. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/lifri-medias/russie-nest-cause-laiguillon-populismes>

REFERENCES

1. Aron, R. (1984). Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann-Lévy.
2. Hrustalev, M. A. (2019). Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza = The analysis of international situations and political expertise. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
3. Wolfers, A. (1962). Discord and Collaboration. Baltimore.
4. Morin, J.-F. (2013). La politique étrangère. Théories, méthodes et références. Armand Colin.
5. Mballa, Ch., Michaud N. (2016). Nouvelle politique étrangère, préface de M. Robitaille. Presse de l'Université de Québec.
6. Nye, J. (1989). Vzaimozavisimost' i izmenjajushhajasja mezhdunarodnaja politika = Interdependence and changing international politics. World economy and international relations, 12, 73–81. (In Russ.)

7. Nye, J. (2014). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs. New York.
8. Nye, J. Jr. (2018a). How «sharp» Force threatens soft power. Russia in global affairs. <https://globalaffairs.ru/articles/kak-rezkaya-sila-ugrozhaet-myagkoj-sile/>
9. Joseph Nye on the shifting forces in the world. https://www.ted.com/talks/joseph_nye_global_power_shifts/transcript?language=ru#t-850309
10. Zakarija, F. (2009). *Postamerikanskij mir budushhego = The post-American world of the Future*. Moscow : Evropa (In Russ.)
11. Le sharp power : usage d'informations trompeuses à des fins hostiles. <https://www.franceculture.fr/emissions/le-tour-du-monde-des-idees/le-tour-du-monde-des-idees-du-vendredi-01-juin-2018> (In French)
12. Nye, J. (2018b). *Mjagkaja i ostraja sila Kitaja = China's Soft and Sharp Power*. *Analiticheskij internet-zhurnal Vlast'*. <https://vlast.kz/project-syndicate/26338-magkaa-i-ostraa-sila-kitaa.html> (In Russ.)
13. Généralités sur la notion d'influence. Publié dans *Influence, engagement et dissonance*. <https://www.psychologie-sociale.com/index.php/fr/theories/influence/9-generalites-sur-la-notion-d-influence>
14. Obidina, Ju. S. (2020). *Koncepcija politicheskij vlasti – teoreticheskij i metodologicheskij aspekty = The concept of political power – theoretical and methodological aspects*. In M. I. Ryhtik, N. Fortunatov (eds.), *Vlast' v HHI veke. Sociokul'turnye aspekty politicheskijh processov* (pp. 12 – 23): monografija. Nizhni Novgorod: Izd. NNGU. (In Russ.)
15. Marangé C. *Les Stratégies et les Pratiques d'influence de la Russie*. Études de l'IRSEM, 49. Mars 2017.
16. Régis Genté (2020). *Russian strategies of influence in the South Caucasus region*. Études de l'IRSEM.
17. Gutmann F. *La puissance n'est plus ce qu'elle était*. 23.05.2012. <https://www.diploweb.com/La-puissance-n-est-plus-ce-qu-elle.html>
18. Tsygankov, A. P., Tsygankov, P. A., Gonzales, H. *Putin's "Global Hybrid War": U.S. Experts, Russia, and the Atlantic Council*. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/putins-global-hybrid-war/>
19. Bilbana, Ch., Grininger, H. *Labelling Hybrid Warfare: The "Gerasimov Doctrine" in Think Tank Discourse*. https://www.academia.edu/44424163/Labelling_Hybrid_Warfare_The_Gerasimov_Doctrine_in_Think_Tank_Discourse
20. Tsygankov, P. A. (Ed.). (2015). *«Gibridnye vojny» v haotizirujushhemsja mire XXI veka = «Hybrid wars» in the chaotic world of the XXI century*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
21. Maxime Audinet. *La Russie n'est pas la cause, mais l'aiguillon des populismes*. <https://www.ifri.org/fr/espace-media/lifri-medias/russie-nest-cause-laiguillon-populismes>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыганков Павел Афанасьевич

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsygankov Pavel Afanasievich

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor, Program of International Relations and Integration Processes, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 20.03.2022
одобрена после рецензирования 25.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 20.03.2022
approved after reviewing 25.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 72.036

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_92

История развития модернизма в советской архитектуре: 1950–1960-е годы

И. П. Азерникова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Azernikova.i@rggu.ru

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный, но набирающий популярность феномен архитектуры советского модернизма. Автор исследует возникновение и рост интереса к этому явлению среди современных исследователей различных отраслей наук. Сделан акцент на интернационализме и культурной преемственности между довоенной архитектурой 1920-х и советским модернизмом 1960-х гг.

Ключевые слова: история архитектуры, советский модернизм, оттепель, модернизм в архитектуре, интернационализм в архитектуре, борьба с излишествами

Для цитирования: Азерникова И. П. История развития модернизма в советской архитектуре: 1950–1960-е годы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 92–98. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_91

Original article

The History of the Development of Modernism in Soviet Architecture: 1950–1960s

Irina P. Azernikova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Azernikova.i@rggu.ru

Abstract. The article is devoted to such a little-studied but gaining popularity phenomenon as the architecture of Soviet modernism. The author explores the emergence and growth of interest in this phenomenon among modern researchers of various branches of humanitarian knowledge. Emphasis is placed on internationalism and cultural continuity between the pre-war architecture of the 1920s and Soviet modernism of the 1960s.

Keywords: history of architecture, Soviet modernism, thaw, modernism in architecture, internationalism in architecture, the fight against excesses

For citation: Azernikova, I. P. (2022). The history of the development of Modernism in Soviet architecture: 1950–1960s. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 92–98. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_92

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с преемственностью архитектурных стилей советская архитектура традиционно делится на три периода: авангардный период 1920-х гг., сталинский неоклассический период или сталинский ампи́р (с середины 1930–1950-х гг.) и советский модернизм (с середины 1950 до 1980-х гг.). Исследования, посвященные каждому из этих периодов, имеют очень разные темы и проблематику, и на данный период нет единого всеобъемлющего научного труда по истории советской архитектуры. До недавнего времени исследователи имели тенденцию подчеркивать разрыв и отсутствие преемственности между первым, вторым и третьим периодами. Однако недавние исследования склонны рассматривать советскую архитектуру как относительно последовательную и непрерывную в своем историческом развитии. Тенденция искать преемственность вместо разрывов не является специфичной для данной области, а является более широкой историографической тенденцией.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К СОВЕТСКОМУ МОДЕРНИЗМУ

Феномен советского модернизма – есть сплетение утопии, архитектурного наследия 1920-х гг., политических ограничений и политики Оттепели. Интерпретация советского модернизма значительно изменилась за последние годы: от девальвации и отрицания в позднесоветский период, через пренебрежение и молчаливое недовольство в постсоветский период и, наконец, к росту интереса и признания в 2010-х гг. Стоит отметить, что советский модернизм стал популярен в России только после того, как в Европе сформировался интерес к советскому послевоенному наследию.

«В двухтысячных годах термина “советский модернизм” еще не существовало. Им нечего было обозначать – не было такого культурного феномена. Просто стояли здания и разные архитектурные объекты, построенные в хрущевскую и брежневскую эпохи, ветшавшие, раздражавшие и никого особенно не интересовавшие. При этом – составляли они от восьмидесяти до ста процентов застройки большинства городов бывшего СССР» [Казакова, 2013, с. 1]. Советская архитектура хрущевской и брежневской эпох, забытая и непризнаваемая на протяжении многих десятилетий, начала набирать популярность в конце 2000-х годов. О росте интереса говорят публикации тех лет: «Советский модернизм. 1955–1985. Антология» [Советский модернизм ... 2010], «Soviet Modernism 1955–1991. Unknown

Stories» [Soviet modernism, 2013], организованный Центром архитектуры в Вене, «Эстетика “оттепели”: новое в архитектуре, искусстве, культуре» [Эстетика “оттепели” ... 2013] и др. В это же время становится заметным интерес общества к архитектуре советского модернизма – возникают интернет-сообщества и экскурсионные программы, полностью посвященные изучению и наблюдению за тематической архитектурой в своих городах. Самый яркий пример – сообщество «Москва глазами инженера»¹, которые не только сделали советский модернизм главной темой своих экскурсий, но и выпустили свой путеводитель по Москве [Багаутдинов, 2021].

Интерес к советскому модернизму ознаменовался еще и многими выставками, «первая из них состоялась в ноябре 2011 г. в Венском архитектурном центре и прошла под названием «Советский модернизм: неизвестные истории» [Казакова, 2013, с. 3]. В 2013 г. в Стамбуле открылась еще одна успешная выставка, посвященная модернизму «Trespassing Modernities» («Вторжение современности»). Кураторы мероприятия также работали над венской выставкой, но в Стамбуле расширили границы и обратили внимание на архитектурный модернизм не только в СССР и Восточной Европе, но и в странах Южной Америки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. В том же 2013 г. в Москве прошла крупная международная научная конференция «Советский модернизм: формы времени», которая была организована Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТИАП) совместно с Еврейским музеем и Центром толерантности на площадке последнего. Выставка имела большой успех среди отечественных и зарубежных исследователей, однако, наблюдатели отмечают, что «настороженность вызывает одна особенность – почти все доклады были посвящены весьма узким темам, скорее даже, совсем небольшим сегментам знания об архитектуре советского модернизма» [Казакова, 2013, с. 6]. Таким образом, можно выделить существующую в 2010-е гг. тенденцию отсутствия готовности исследователей к обобщающим выводам и генерирующим работам по данной тематике.

В 2017 г. сразу три московских музея делают выставки, посвященные архитектуре, дизайну и быту советского модернизма. Первой стала «Московская оттепель: 1953–1968» в Музее Москвы. «Одной из основных задач кураторской группы (в нее вошли Е. Кикодзе, С. Невский, О. Розенблюм, А. Селиванова и М. Семенов) было погружение в атмосферу той поры. Часы, фарфор, скульптура, одежда,

¹URL: <https://engineer-history.ru>

фотографии, картины, плакаты и архитектурные макеты включаются в свободную выставочную импровизацию, пульсирующую в джазовом ритме» [Федотова, 2017, URL]. В начале того же года, в Государственной Третьяковской галерее открылась выставка «Оттепель» под кураторством К. Светлякова, Ю. Воротынцевой и А. Курляндцевой. Авторы представили эпоху «не только как период тотального оптимизма, но и во всем своем противоречии» [Федотова, 2017, URL]. Галерея также подготовила целый ряд научно-просветительских мероприятий – цикл лекций и театральных постановок, которые пользовались успехом у публики. И, наконец, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина весной 2017 г. открыл выставку «Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968», которая явилась продолжением крупного европейского проекта по послевоенному искусству Европы, представленному в Брюсселе и Карлсруэ. «Без привычных идеологических противопоставлений свободного Запада и коммунистического Востока, а как единое пространство, где происходили общие поиски нового языка искусства для описания новой реальности – мира после ужасов фашизма, ГУЛАГ и Хиросимы» [Кабанова, 2017, URL].

Таким образом, интерес к культуре советского модернизма возник в конце 2000-х гг. и привел к беспрецедентной популярности этого периода среди жителей больших городов. Также «интерес к советскому модернизму в значительной степени поддерживался в России, особенно новыми московскими архитектурными и дизайнерскими институтами, наиболее важным из которых является Институт медиа и дизайна “Стрелка”» [Yakushenko, 2016, с. 78].

Несмотря на заметные изменения в интерпретации образов советского модернизма, в современной массовой культуре постройки и жилые массивы 1960–1980-х гг. ассоциируются с серыми, безликими зданиями научно-исследовательских институтов или с неактуальными в наше время «хрущевками». Таким образом, в локальной культурной интерпретации эта часть архитектурного наследия не оценена по достоинству.

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБНОВЛЕНИЯ И «БОРЬБА С ИЗЛИШЕСТВАМИ»

После смерти И. С. Сталина в 1953 г. Н. С. Хрущев выступил в 1954 г. со своим знаменитым докладом о необходимости борьбы с излишествами, он – в какой-то степени повторив шаг Петра I – в один день изменил всю существовавшую культурную парадигму того времени: на смену неоклассическому сталинскому искусству пришло искусство

новое, зарубежное, модернистское. Сложившуюся ситуацию можно сравнить с первым постреволюционным десятилетием, когда «встала задача изменения архитектурного пространства, в первую очередь крупных индустриальных российских городов, таким образом, чтобы оно не только отражало идею нового миропорядка, но и передавало зрителю (жителю) города посредством визуального маркирования определенную идеологическую информацию» [Барышева, 2018, с. 336].

В Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», принятом в 1955 г., в частности, было заявлено, что «в работах многих архитекторов и проектных организаций получила широкое распространение внешне показная сторона архитектуры, изобилующая большими излишествами»¹. Это заставило архитекторов и строителей работать над созданием нового стиля «в соответствии с лучшими зарубежными достижениями»². Таким образом, советские специалисты были вынуждены внедрять в свою практику западные формы и технологии.

В конце 1950-х годов социалистический реализм столкнулся с необходимостью обновления своей привычной эстетики в соответствии с западными концепциями архитектуры, жилья и урбанизма. Поэтому, в послевоенное время советские архитекторы начали налаживать свои связи с международным профессиональным сообществом: они принимали участие в международных конгрессах, конференциях, конкурсах и посещали зарубежные страны с профессиональными миссиями.

В то же время провозглашенная Н. С. Хрущевым политика оттепели и обещанное им возрождение коммунистических основополагающих принципов вызвали интерес к советской архитектуре со стороны западных стран. Беспрецедентная кампания по массовому строительству жилья, поворот к западным архитектурным стилям и технологические достижения СССР, подтвержденные атомной бомбой и запуском Спутника, – всё это способствовало росту интереса к советской культуре и, в частности, архитектуре среди профессионалов и широкой общественности в Европе и США. Таким образом, в эпоху оттепели советская архитектура и культура быта была переосмыслена как внутри страны, так и за рубежом, обретая новые формы, новые смыслы и новое положение в мире.

¹Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». URL: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/>

²Там же.

Культурная «революция» Н. С. Хрущева, неожиданная и резкая, вызвала замешательство среди советских архитекторов. «В архитектурном сообществе реформа Хрущева была воспринята как профессиональная драма, поскольку архитектура утратила высокий престиж сталинского периода, и архитекторы были осуждены как ответственные за неэкономичность строительства» [Меерович, 2018, с. 88]. Более того, как пишет член-корреспондент Международной академии архитектуры В.А. Белоголовский: «Потенциал советских архитекторов сковывался по идеологическим, творческим, материальным и техническим направлениям. Еще до рассмотрения проекта архитектурным советом любое решение требовало многих согласований со строителями» [Белоголовский, 2010, с. 50–51].

Изменение отношения к западной архитектуре, которое было важной частью новой политики, стало результатом этого решения сверху, а не результатом внутреннего развития советской архитектурной отрасли. Советские архитекторы были не готовы к выходу на международную профессиональную арену. Им нужно было узнать, какой была западная архитектура в то время: как она функционировала; кто были ведущими фигурами; какие методы, стили и типы зданий были актуальны и т. п. С одной стороны, благодаря усилиям Союза архитекторов в течение нескольких лет западная архитектура стала частью общей профессиональной культуры советских архитекторов: публикации, переводы, лекции и доклады о западной архитектуре стали многочисленными и легкодоступными. С другой стороны, лишь ограниченное число советских архитекторов регулярно выезжало за границу, и большинство из этих людей принадлежали к высшим слоям профессионального сообщества. В то же время этот процесс создал новую нишу и новый источник культурного и социального капитала, главным образом для советских теоретиков архитектуры – историю и теорию зарубежной архитектуры.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В 1920–1950 годах

К середине 1950-х годов советская архитектура уже переживала различные периоды открытости и закрытости для западного мира, и возвращение советской архитектуры в международное профессиональное сообщество произошло после короткого периода враждебной изоляции в первые годы холодной войны, которому предшествовал длительный период постепенного отчуждения в довоенный сталинский период 1930-х гг. «Обоснование новых архитектурных концепций происходит,

с одной стороны, с помощью обращения к опыту западных архитекторов-модернистов, а с другой – путем постепенной реабилитации теоретиков и практиков советского конструктивизма и переосмыслением их творческого наследия» [Ефимов, 2018, с. 30].

История ранней советской архитектуры хорошо известна и изучена. Отечественный исследователь Е. В. Барышева, вслед за А. В. Иконниковым, отмечает, что «довоенная советская архитектура за неполные четверть века подразделяется на три периода: 1917–1923 годы – поиск романтического образа утопии в конкурсных проектах «бумажной архитектуры»; 1923–1931 годы – преобладание прогрессистских утопий архитектурного авангарда, ориентированных на образы «машинного века», получившие осуществление в строительстве; 1931–1941 годы – преобладание популистской идеологизированной историчистской утопии «вечных ценностей», утверждавших образы процветания» [Барышева, 2018, с. 337].

В 1920-е годы советские архитекторы поддерживали тесные связи с немецким движением Баухауз, французскими коллегами-модернистами и многими другими. Информация о советской архитектуре распространялась за рубежом, и самый важный советский архитектурный журнал «Современная архитектура» публиковал статьи на трех языках и пользовался популярностью в Европе. Советские архитекторы выезжали за границу, а их зарубежные коллеги посещали, жили и работали в Советском Союзе. Наиболее известным примером сотрудничества иностранных архитекторов с СССР является история здания Центросоюза, которое строилось с 1928 по 1936 год в Москве, изначально было спроектировано Ле Корбюзье, но с 1931 года строительство происходило уже без его надзора, под руководством советского архитектора Н. Колли.

Начало 1930-х годов внесло кардинальные изменения в советскую архитектуру. Произошло то, что В. Паперный назвал реализацией циклических культурных процессов. Стиль советской архитектуры резко изменился с модернизма на неоклассицизм, и международные связи с архитекторами-модернистами и центрами архитектурной профессии (такими как Баухауз), которые распространились в 1920-х годах, стали неактуальными. Модернизм был опорожен как формалистский, буржуазный и капиталистический, архитекторы-авангардисты были вынуждены либо работать в неоклассическом стиле, либо оставить профессиональную практику, как это произошло с К. Мельниковым и И. Леонидовым.

Стоит отметить, что советская архитектура 1930-х гг. задумывалась как интернациональная. Многие иностранные архитекторы, в основном

коммунисты и попутчики, были приглашены на первый съезд советских архитекторов, состоявшийся в 1937 г. Самым почетным зарубежным гостем был американский архитектор Ф. Л. Райт – одна из икон архитектуры XX в.

Идея наследования между 1920 и 1960-ми годами не только дала подходящий ответ на сложный вопрос о том, почему советская архитектура копировала западный модернизм, но и позволила утвердить независимость и превосходство советской архитектуры над западной архитектурой после революции.

Трудно измерить, в какой степени знания о западной архитектуре были утрачены в Советском Союзе в сталинские годы, но ясно, что этого было недостаточно, чтобы перестроить советскую архитектуру в соответствии с последними западными тенденциями. Возвращение западной архитектуры на профессиональный горизонт советских архитекторов было инициировано сверху и осуществлено через архитектурные организации. Союз архитекторов и его местные отделения стали основным источником информации и, более того, инициатором новой профессиональной практики информирования о развитии современной зарубежной архитектуры. В то же время организованный ликбез по зарубежной архитектуре был нацелен на советское архитектурное сообщество в целом, стремясь расширить и популяризировать знания об иностранной архитектуре. Сочетание общей «грамотности» в зарубежной архитектуре и небольшого числа специалистов, имевших возможность развивать и актуализировать эти знания, привело к двум важным последствиям. Во-первых, это сделало информацию об иностранной архитектуре особым типом культурного капитала, а ее – узнаваемой ценностью. Этот тип культурного капитала был актуален для архитектурной интеллигенции, у которой было время, интеллектуальный интерес и языковые навыки для освоения иностранной архитектуры. Сомнительно, чтобы архитектурная бюрократическая элита могла потратить много ресурсов на чтение Ле Корбюзье. Во-вторых, общая грамотность в зарубежной архитектуре, особенно в профессиональной культуре, была необходима для создания общего профессионального пространства, которое включало бы советских архитекторов в международное профессиональное сообщество. Это, наряду с привычкой читать или, по крайней мере, просматривать литературу по зарубежной архитектуре,

привело к значительным изменениям в профессиональной культурной этике советских архитекторов.

Рассматриваемый с этой точки зрения, возврат конструктивизма в советский архитектурный дискурс становится политическим актом советского национализма и повторным присвоением архитектуре международного движения, стремящегося установить первоначальное советское первенство в этой области. Таким образом, это вписывается в догмат Н. С. Хрущева «догнать и перегнать» Запад и, особенно, США. В этом диалоге с Западом наследие конструктивизма становится самооправданием и самоинтерпретацией постсталинского советского модернизма. История советской архитектуры, а также советские теории архитектуры по сути своей являются политическими, поскольку они пытаются рационально и онтологически организовать советское прошлое, ведущее от Октябрьской революции к современности Н. С. Хрущева.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, поворот к новой архитектуре возник, прежде всего, по трем причинам: 1) необходимость в экономии; 2) необходимость в модернизации; 3) необходимость в удовлетворении жильем широкие массы. Первый шаг к архитектурной современности состоял в том, чтобы взглянуть на Запад, понять его современный стиль и попытаться воспроизвести, переосмыслить, переделать и приспособить его к советскому обществу. «Причины реформы были ясны: в стране был острейший дефицит жилого фонда, он был неблагоустроен: наиболее распространенным видом городского жилья в 1920–1950-х годах оказалось коммунальное жилище во всех его проявлениях – комната в квартире дореволюционного дома, доме-коммуне нового типа, бараке, койко-место в общежитии или казарме. С 1957 г. историки отсчитывают новый период жилищной политики государства» [Кириянов, 2017, с. 427].

Советскую послевоенную архитектуру нельзя воспринимать одномерно, исключительно как смену культурной парадигмы, но скорее как результат масштабных политических решений и неотъемлемую часть «холодной» войны. В конце 1950-х гг. архитектура вместе с массовым жильем стала важной частью хрущевской программы модернизации и обновления советской жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казакова О. В. Советский архитектурный модернизм: формы времени. К итогам международной научной конференции, Москва, 21–22 ноября 2013 г. НИИТИАИГ, Центр авангарда в еврейском музее // Культурологический журнал. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-arhitekturnyy-modernizm-formy-vremeni-k-itogam-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-moskva-niitiaig-tsentr-avangarda-v>
2. Советский модернизм, 1955–1985 = Soviet modernism, 1955–1985 / ред.-сост. Ф. Новиков, В. Белоголовский. Екатеринбург : Татлин, 2010.
3. Soviet Modernism 1955–1991. Unknown Stories, Architekturzentrum Wien, 08.11.2012–25.02.2013.
4. Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О. В. Казаковой. М. : РОССПЭН, 2013.
5. Багаутдинов А. Р. Москва глазами инженера. М. : АСТ, 2021.
6. Федотова Е. Оттепель – фантастический эксперимент // Новости искусства. The Art newspaper Russia. 2017. № 50. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/4075/>
7. Кабанова О. Шедевры послевоенного европейского искусства покажут в Пушкинском // Новости искусства. The Art newspaper Russia. 2017. № 51. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/4173/>
8. Yakushenko O. Soviet Architecture and the West: The Discovery and Assimilation of Western Narratives and Practices in Soviet Architecture in the late 1950–1960s. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2016. 8, 2 (Oct. 2016). P. 76–102.
9. Барышева Е. В. Советские архитектурные проекты: утопия и реальность // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сборник научных трудов. Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2018. С. 335–342.
10. Меерович М. Г. Принудительное изменение творческой направленности советской архитектуры в середине 1950-х гг. // Архитектон: известия вузов. 2018. № 1(61). С. 80–98.
11. Белоголовский В. А. Взгляд из XXI века на советский модернизм 1955–1985 гг. // Жилищное строительство. 2010. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-iz-xxi-veka-na-sovetskiy-modernizm-1955-1985-gg>
12. Ефимов Д. Д., Фахрутдинова И. А. Истоки и направления советского модернизма // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. № 1(43). С. 28–40.
13. Кирьянов О. И. Интерьеры 1960–80-х гг. как результат борьбы «с излишествами в архитектуре» // Культура и цивилизация. 2017. № 6А. Т. 7. С. 426–431.

REFERENCES

1. Kazakova, O. V. (2013). Sovetskii arhitekturnii modernizm: formi vremeni. K itogam mezhdunarodno nauchnoi konferentsii = Soviet architectural modernism: forms of time. To the results of the international scientific conference. Moscow, niitiaig, the center of the avant-garde in the Jewish Museum, November 21–22, 2013. *Culturological Journal*, 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-arhitekturnyy-modernizm-formy-vremeni-k-itogam-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-moskva-niitiaig-tsentr-avangarda-v> (In Russ.)
2. Novikov, F. Belogolovsky V. (2010). Sovetskii modernizm, 1955–1985 = Soviet modernism, 1955–1985. Ed.-comp. F. Novikov, V. Belogolovsky. Yekaterinburg : Tatlin. (In Russ.)
3. Sovetskii modernizm 1955–1991 = Soviet Modernism 1955–1991. Unknown Stories, Architekturzentrum Wien, 08 November 2012 – 25 February 2013. (In Russ.)
4. Kazakova, O. V. (2013). Estetika "ottepeli": novoe v arhitekture, iskusstve, kulture = Aesthetics of the "thaw": new in architecture, art, culture. Ed. by O. V. Kazakova. Moscow : ROSSPEN. (In Russ.)
5. Bagautdinov, A. R. (2021). Moskva glazami inzhenera = Moscow through the eyes of an engineer. Moscow : AST. (In Russ.)
6. Fedotova, E. (2017). Ottepel' – fantasticheskii eksperiment = The Thaw is a fantastic experiment. *Art News. The Art newspaper Russia*, 50. <https://www.theartnewspaper.ru/posts/4075/> (In Russ.)
7. Kabanova, O. (2017). Shedevri poslevoennogo evropeiskogo iskusstva pokazhut v Pushkinskov = Masterpieces of post-war European art will be shown in Pushkin. *Art News. The Art newspaper Russia*, 51. <https://www.theartnewspaper.ru/posts/4173/>
8. Yakushenko, O. (2016). Sovetskaya arhitektura i zapadnaya: otkritie i osimiliatsia zapadnogo narrativa i praktik v sotetskoj arhitekture v pozdnie 1950-ie-1960-ie = Soviet Architecture and the West: The Discovery and Assimilation of Western Narratives and Practices in Soviet Architecture in the late 1950s–1960s. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 8, 2, 76–102. (In Russ.)
9. Barysheva, E. V. (2018). Sovetskie arhitekturnie proekti: utopia i realnost' = Soviet architectural projects: utopia and reality. *The Soviet project. 1917–1930s: stages and mechanisms of implementation* (pp. 335–342): collection of scientific papers. Yekaterinburg : Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. (In Russ.)

10. Meerovich, M. G. (2018). Prinuditel'noe izmenenie tvorcheskoi napravlenosti sovetskoi arhitekturi v seredine 1950-h godov = Forced change of the creative orientation of Soviet architecture in the mid-1950s. *Architecton: izvestiya vuzov*, 1(61), 80–98. (In Russ.)
11. Belogolovsky, V. A. (2010). Vzgliad iz XXI veka na sovetskii modernism 1955–1985 = View from the XXI century on Soviet modernism 1955–1985. *Housing construction*, 11. <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-iz-xxi-veka-na-sovetskiy-modernizm-1955-1985-gg>.
12. Efimov, D. D., Fakhrutdinova, I. A. (2018). Istoki i napravleniya sovetskogo modernisma = The origins and directions of Soviet modernism. *Izvestiya Kazan State University of Architecture and Civil Engineering*, 1(43), 28–40. (In Russ.)
13. Kiryanov, O. I. (2017). Inter'eri 1960-80-h gg. Kak rezul'tat bor'bi "s izlishestvami v arhitekture" = Interiors of the 1960s–80s as a result of the struggle "with excesses in architecture". *Culture and civilization*, 6A(7), 426–431. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азерникова Ирина Павловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства Факультета востоковедения и социально-коммуникативных наук Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azernikova Irina Pavlovna

PhD (History), Associate Professor of the Department of Public Relations, Tourism and Hospitality of the Faculty of Oriental Studies and Social and Communicative Sciences of the Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 01.02.2022
одобрена после рецензирования 09.02.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 01.02.2022
approved after reviewing 09.02.2022
accepted for publication 14.06.2022

Формирование российско-корейского фронта с 1858 по 1884 год в отечественной историографии

С. П. Ким

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sergeypkim@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется отечественная историография формирования российско-корейского фронта в период с 1858 по 1884 год. Изучение российско-корейского фронта включает в себя исследование вопросов, связанных с колонизацией Приморья и установлением российско-корейских взаимоотношений. При анализе используются общенаучные методы: дедуктивный и индуктивный. Проведенное исследование показывает, что малоизученными остаются культурно-антропологические особенности взаимодействия двух народов в пограничной зоне в исследуемый период.

Ключевые слова: Россия, Корея, фронт, договор 1884 г., договор 1886 г., миграция, Южно-Уссурийский край

Благодарности: Данное исследование подготовлено в рамках реализации научно-исследовательского проекта РФФИ «Формирование российского фронта в Азиатско-тихоокеанском регионе в 1727–1860 гг.» (проект № 20-09-00340 А).

Для цитирования: Ким С. П. Формирование российско-корейского фронта с 1858 по 1884 год в отечественной историографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 99–106. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_99

Original article

The Establishment of the Russian Korean Frontier in 1858 to 1884 in Russian Historiography

Sergey P. Kim

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sergeypkim@gmail.com

Abstract. This paper analyzes the Russian historiography of the establishment of the Russian Korean frontier in 1858–1884. The analysis shows that the study of the frontier, even considering conventionality of its definition as a scientific term, includes the study of a number of issues related to the colonization of Primorye and the establishment of Russian Korean relations. The analysis bases on both deductive and inductive methods. The conducted research shows that the cultural and anthropological features of the interaction of the two peoples in the border zone during the studied period remain poorly studied, especially in the reflection of foreign sources.

Keywords: Russia, Korea, frontier, treaty of 1884, treaty of 1886, migration, South Ussuri region

Acknowledgments. This study was prepared as part of the implementation of the RFBR research project “Formation of the Russian Frontier in the Asia-Pacific region in 1727–1860” (project No. 20-09-00340 A).

For citation: Kim, S. P. (2022). The establishment of the Russian-Korean frontier in 1858 to 1884 in Russian historiography. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 99–106. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_99

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы исследователи для обозначения условной зоны, отделяющей одну этнокультурную область от другой, все чаще используют понятие «фронт» («frontier»). Термин был введен в научный оборот известным американским историком Ф. Дж. Тёрнером (Frederick Jackson Turner) в 1893 г. в работе «Фронт в американской истории» [Turner, 1920].

На данный момент отсутствует строгая методология применения понятия «фронт» по отношению к российской истории, во всем ее региональном многообразии.

Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать историографию российско-корейского фронта в период его формирования с 1858 по 1884 год. Задачи данной статьи: 1) рассмотреть содержание понятия применительно к российско-корейским отношениям, предпринять попытку определить границы области применения термина; 2) определить степень изученности темы; 3) выявить перспективы исследования.

Нижние хронологические рамки данной работы обуславливаются тем, что в 1858 г., согласно Айгунскому договору, Приамурье входит в состав Российской империи. Верхние хронологические рамки обуславливаются тем, что 7 июля 1884 года между Российской Империей и Корейским Королевством было подписано соглашение, согласно которому государства закрепляют сухопутную границу по реке Туманган, а также определяют пограничную зону для торговли шириной 20 ли (около 10 км). Это обстоятельство позволяет говорить о том, что в рассматриваемый период и происходит формирование фронта.

Раскроем содержание фронта как научного понятия применительно к российско-корейским отношениям в период с 1858 по 1884 год.

РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЙ ФРОНТ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ И ОБЛАСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ О РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XIX веке

Содержание понятия

Для определения научного содержания термина «фронт» и выявления области его применения мы используем общенаучные методы: дедуктивный и индуктивный на основе принципа историзма. Материалом работы являются отечественные работы по исследуемой теме.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о понятийных, хронологических и географических границах применения этого термина с учетом особенностей российской истории [Андреева, 2014; Соболева, Бобров, 2011; Панарина, 2010; Басалаева, 2012]. Так или иначе проблематика фронта, безусловно, связана с колонизацией земель. Представляется обоснованным мнение В. Н. Косторниченко, который предложил под фронтом понимать зону освоения новых территорий, область (полосу) взаимодействия разных культур в ходе процесса колонизации [Косторниченко, 2020]. В. Н. Косторниченко и П. А. Сирватко отмечают, что проблематика фронта должна исследоваться в неразрывной связи с эволюцией институтов власти, внешней и внутренней политикой государства [Косторниченко, Сирватко, 2021].

Область применения понятия

Становится возможным выделить три аспекта проблем истории колонизации: политико-географический, миграционно-демографический, а также этноантропологический. В. Н. Косторниченко выделил также экономическое направление в изучении фронта и указывал на необходимость исследования не только этнологического, но и гендерного аспектов фронта [Косторниченко, 2021; Косторниченко, Сирватко, 2021]. Политико-географический аспект включает в себя исследование становления государственных внутренних или внешних границ между освоенными и неосвоенными землями: *миграционно-демографический* (колонизация Уссурийского края и формирование на ее территории особой социальной общности) и *этноантропологический* (этнокультурные особенности корейских переселенцев).

Освоение Приморья и Дальнего Востока началось в XVIII и активно продолжалось в XIX в. К середине XIX в. назрела необходимость фиксации российско-китайской границы. 2(14) ноября 1860 г. в Пекине был подписан Пекинский трактат – Договор о границах и торговле, согласно которому весь левый берег от р. Аргуни до устья р. Амур, а также от р. Усури к востоку объявлялась территорией Российской Империи [Пак Б. Б., 2007]. К 1895 г. на территории России проживало уже 15511 человек. Российское население также планомерно увеличилось: к 1882 г. в Южно-Уссурийском крае было зафиксировано уже 3849 человек [Иванова, 2007].

Отметим, что с 1858 по 1884 год на российско-корейской границе формируется особая пограничная зона с фактически нерегулируемой границей, которую свободно пересекали и с одной,

и с другой стороны. Сосуществование гражданского русского и корейского населения при отсутствии закрепленной государственной границы между Российской Империей и Королевством Корея дает основание говорить о том, что в рассматриваемый период складывался российско-корейский фронт. Спецификой российско-корейского фронта может служить низкая плотность населения, вследствие чего возникают сложности в определении границы той самой «свободной» к освоению земли.

Важной частью проблемы становления фронта является история миграции корейского населения во второй половине XIX в. Мигрирующие корейские переселенцы из корейской провинции Хамгён (Хамгёндо) мирно сосуществовали с российским населением, образовывались деловые и культурные контакты. Вследствие этого становится возможным исследовать антропологический аспект фронта в рамках культурного взаимодействия российского и корейского населения, которое появлялось в ходе заселения территории Южно-Уссурийского края, и расширения торговли.

Изучение третьего аспекта фронта также становится возможным благодаря тому, что практически с самого начала миграции северокорейского населения вглубь новоприсоединенного Южно-Уссурийского края возник вопрос о подданстве корейцев, фактически бежавших из Хамгёндо в поисках свободных земель для ведения хозяйства. Исследователи-корееведы также достигли успехов в определении того, как вопрос о корейских переселенцах влиял на российско-корейские отношения во второй половине XIX в. [Пак Б. Б., 2007; Иванова, 2007]. Учитывая малонаселенность всего российского Дальнего Востока, условность границ, активно происходившие миграционные процессы, можно говорить о том, что в рассматриваемый период в Южно-Уссурийском крае складывается уникальная общность со своими культурными и социально-психологическими особенностями.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ФРОНТА В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX веке

Становление российско-корейской пограничной зоны (политико-географический аспект фронта)

Становление российско-корейской пограничной зоны является одной из важных тем в проблеме формирования фронта. Прежде всего отметим известный труд А. Л. Нарочницкого «Колониальная

политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895» [Нарочницкий, 1956], в котором российско-корейские отношения рассматривались в комплексе проблем международных отношений в Юго-Восточной Азии. В постсоветский период вопросы общей политики петербургских властей в отношении колонизируемого Российской империей Дальнего Востока рассматривались А. В. Ремневым, внесшим видный вклад в разработку проблем фронта. Исследователь показал, что освоение Приамурья стало одним из приоритетных целей региональной политики России к середине 1850-х гг. [Ремнев, 2001].

Фундаментальной работой по истории российско-корейских отношений во второй половине XIX в. является монография Б. Д. Пака «Россия и Корея», впервые изданная в 1979 г. и переизданная в 2004 г. [Пак Б. Д., 2004]. Хотя работа Б. Д. Пака не является первой научной работой, осветившей некоторые стороны российско-корейских отношений, в ней впервые были комплексно рассмотрены вопросы взаимоотношения двух стран.

Российско-корейские отношения по отечественным и зарубежным источникам были рассмотрены в диссертации Ю. Е. Пискуловой «Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX века», которая изучила российско-корейские связи до заключения российско-корейского договора 1884 г., а затем – российско-корейские отношения в период, когда Россия потеряла статус важного партнера королевства Чосон [Пискулова, 2002].

Б. Б. Пак в своем диссертационном исследовании «Российская дипломатия и Корея (1876–1898)» продолжила изучение тем, затронутых ее отцом: «корейский вопрос» в период возникновения русско-корейских пограничных связей, заключение русско-корейских торгово-экономических договоров 1884 и 1888 гг., а также развитие российско-корейских отношений до 1898 г., когда российское политическое влияние в Корее было вытеснено Японией. Исследования Б. Д. Пака и Б. Б. Пака внесли видный вклад в историографию вопросов приграничных отношений России и Кореи.

Миграционные процессы в российско-корейском фронте. Социокультурные контакты. Вопросы демографии Уссурийского края (миграционно-демографический аспект фронта)

Представляется неверным включать ряд дореволюционных работ, таких как очерки П. Ф. Унтербергера, Ф. Ф. Буссе, труды Амурской экспедиции и др. в раздел историографии [Буссе, 1896; Унтербергер, 1900]. Они являются красноречивыми

памятниками тогдашнего времени о содержании дискуссий вокруг перспективности принятия корейского населения в российское подданство, а также вокруг так называемой «желтой угрозы». Исторические очерки появляются после 1917 г. В 1926 г. в виде исторических очерков была выпущена работа С. Д. Аносова «Корейцы в Уссурийском крае» [Аносов, 1928]. В ней были не только собраны статистические данные о количестве переселившихся корейцев, но и аккумулированы сведения из очерков и статей официальных лиц, служивших в краевом управлении. По признанию самого С. Д. Аносова очерк не является законченным, а сведения, собранные автором, не могут считаться полными.

Одной из первых научных работ, посвященных корейцам в СССР, является работа Ким Сын Хва «Очерки по истории советских корейцев», в которой были раскрыты причины начала заселения корейскими подданными российского Дальнего Востока [Ким Сын, 1965]. Автор очерка рассмотрел первые административные положения, изданные российскими властями в отношении корейских переселенцев, обосновавшихся в России, их правовое и экономическое положение, процессы социального расслоения в корейском обществе. Очерки Ким Сын Хва сформировали историографическую базу для дальнейшего исследования этой темы. В 1990-е гг. к истории корейцев в России обращалась также С. Г. Нам [Нам, 1998].

А. И. Петров в своей монографии «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века» тему миграции корейского населения изложил с научной строгостью, проанализировав имевшуюся на тот момент историографию, выделив этапы корейской иммиграции [Петров, 2000]. Новшеством стало изучение культуры корейцев, проживавших в рассматриваемый период в России.

Процесс колонизации Южно-Уссурийского края российскими переселенцами во второй половине XIX в. был рассмотрен в коллективной работе Б. Д. Пака и Н. Ф. Бугая «140 лет в России. Очерк истории российских корейцев» [Пак Б. Д., Бугай, 2004]. Исследователи выявили, что, поскольку русская колонизация края по существу началась в 1883 г., корейцы приносили пользу краю в выращивании сельскохозяйственных культур. Такая деятельность не осталась незамеченной, и в 1886 г. было принято решение переселять корейцев с приграничной полосы на Амур, правые притоки р. Уссури-Кии и Хорь, а также в Ольгинский уезд Южно-Уссурийского края, в то же время препятствуя приходу новых волн корейских подданных.

Относительно этапов миграции исследователи на редкость единодушны. Если А. И. Петров

в истории миграции корейцев выделил только два периода (1860–1884, 1884–1897), то Б. Д. Пак разделяет первый период еще на два этапа: 1860–1868 и 1869–1884. На первом этапе переселение корейских мигрантов не носило массовый характер. На втором этапе происходила уже массовая миграция корейского населения, даже несмотря на то, что за самовольный выезд за пределы Кореи корейцам грозило наказание. При этом ряд зарубежных исследователей полагает, что положение корейских переселенцев было таким же тяжелым, как в Корее, из которой они бежали вследствие высоких подазей и притеснения чиновниками [Ким Хе, 2008].

Расселение корейцев по о. Сахалин часто не рассматривается при изучении вопроса миграции корейского населения в Россию в XIX веке. Тем не менее А. Т. Кузин, исследуя историю корейского населения российского Сахалина, считает, что обособление сахалинских корейцев от основной части переселенцев, заселявших Приморье, началось в конце XIX в. [Кузин, 2011].

Культурно-антропологическое взаимодействие российского и корейского населения (этноантропологический аспект фронта)

Культурные контакты русских и корейцев как отдельная проблема формирования фронта были исследованы в диссертации Л. В. Ивановой «Исторический опыт культурного взаимодействия русских и корейцев (середина XIX – начало XX вв.)» [Иванова, 2007]. Характерной чертой российско-корейского культурного взаимодействия, по мнению Л. В. Ивановой, являлось то, что оно носило взаимообоудный и толерантный характер [там же].

Создание единой, уникальной общности на российско-корейской границе также становилось объектом исследований. Е. Н. Фаттахова в своей работе сравнила адаптацию и интеграцию корейских диаспор в Российской Империи и США в конце XIX – начале XX вв. [Фаттахова, 2004]. Исследователь сформулировала главную отличительную черту государственной политики российских властей в отношении иммигрантов – полная ее зависимость от личных притязаний (симпатий) генерал-губернаторов, в то время как в США существовала оформленная законами правовая концепция и практика [там же]. Комплексное социально-экономическое влияние корейских и китайских мигрантов было проанализировано в диссертации С. А. Тесленко «Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и ее влияние на социально-экономическое развитие региона (1860–1917)» [Тесленко, 2007].

Распространение православия во второй половине XIX в. как важный фактор интеграции корейских переселенцев было рассмотрено в диссертационном исследовании Хон Чжом Сук «Миссионерская деятельность русской православной церкви среди корейцев на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.» [Хон, 2009]. Исследователь подтвердил обоснованность тезиса о том, что обращение корейцев в православную веру являлось одним из инструментов интеграционной политики.

Проблематика непосредственно российско-корейской «контактной зоны» была выделена из всей массы историографических проблем пока только в главе Г. Н. Кима и Росса Кинга «Северный регион Кореи по материалам российских источников, 1860–1913 годы» из коллективного труда «Северный регион Кореи: история, идентичность и культура» [Kim, King, 2021]. Хотя авторы использовали преимущественно уже введенный в научный оборот материал, работа содержит ряд тезисов, представляющих ценность для исследования проблем российско-корейского фронта.

Ряд работ был целиком посвящен историографии российско-корейских отношений, пограничных и культурных отношений. Так, в диссертационном исследовании Т. М. Симбирцевой «Современная (1984–2001) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.)» был сделан вывод о том, что миф о русской угрозе является краеугольным камнем южнокорейской историографии (до 2001 г.) русско-корейских отношений XVII по конец XIX вв. [Симбирцева, 2002]. Во вводной статье Ж. Г. Сон «Корейцы: миграция по пути длиной в полвека (1864–1918)» к сборнику документов «Миграция корейцев на русский Дальний Восток:

российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история» проанализирована историография корейской миграции, собраны основные документы, освещавшие процесс переселения корейцев в Южно-Уссурийский край [Сон, 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует сделать следующие выводы. Дипломатические отношения России и Кореи в период их становления, а также история миграции корейского населения в Южно-Уссурийский край являются наиболее исследованными темами, которые входят в комплекс вопросов, связанных со становлением российско-корейского фронта. Наилучшим образом изучен политико-географический аспект фронта как научного понятия, а также миграционно-демографический аспект: формирование уникальной общности корейцев – подданных Российской империи со своим самосознанием и культурной средой. В меньшей степени изучены этноантропологические вопросы взаимоотношений русского и корейского населения в «порубежной» зоне, в условиях незакрепленной межгосударственной границы. Пока не исследовался экономический и гендерный аспекты российско-корейского фронта.

Большая часть отечественных источников введена в научный оборот и проанализирована исследователями, в то время как зарубежные, в первую очередь, северокорейские документы исследователями не изучались. Их использование позволит обогатить уже, казалось бы, хорошо изученную тему, а также более полно осветить особенности социоантропологических взаимоотношений русского и корейского населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Turner F. J. The frontier in American history. New York: H. Holt and company, 1920.
2. Андреева А. А. «Фронт» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 11–15.
3. Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1(72). С. 189–193.
4. Панарина Д. С. Фронт как один из факторов и мифов американской истории // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 80–88.
5. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
6. Косторниченко В. Н. Историография возникновения термина «фронт» // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции; отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 79–81.
7. Косторниченко В. Н., Сирватко П. А. Фронт: генезис, основные положения, развитие (Историографический очерк) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 2. Т. 51. С. 72–89.
8. Косторниченко В. Н. Основные тенденции в исследовании проблематики «фронта» в западной историографии // Экономическая история: ежегодник. 2021. Т. 2020. С. 489–503.

9. Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
10. Иванова Л. В. Исторический опыт культурного взаимодействия русских и корейцев (середина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007.
11. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
12. Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 317–345.
13. Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
14. Пискулова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
15. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1896.
16. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Санкт-Петербург: типография В. Ф. Киршбаума, 1900.
17. Аносов С. Д. Корейцы в Уссурийском крае. Владивосток: Типография акционерного общества «Книжное Дело», 1928.
18. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965.
19. Нам С. Г. Российские корейцы: история и культура (1860–1925). М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
20. Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века = The Korean diaspora in the Russian Far East. 1860s - 1890s / Рос. акад. наук. Дальневост. отд.-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2000.
21. Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: Институт востоковедения, 2004.
22. Ким Хе Чжин. Особенности идентификации корейской молодежи в современной России: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
23. Кузин А. Т. История корейского населения российского Сахалина (конец XIX – начало XXI вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Южно-Сахалинск, 2011.
24. Фаттахова Е. Н. Корейские диаспоры в России и США: история, адаптация и интеграция: Конец XIX-XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004.
25. Тесленко Т. С. Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и ее влияние на социально-экономическое развитие региона (1860–1917): дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2007.
26. Хон Чжон Сук. Миссионерская деятельность русской православной церкви среди корейцев на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009.
27. Kim G., King R. The Northern Region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860–1913 // The Northern Region of Korea: History, Identity, and Culture. Ed. by Sun Joo Kim. Washington: University of Washington Press; University of Washington Center for Korea Studies, 2010.
28. Симбирцева Т. М. Современная (1984–2001) южнокорейская историография о характере раннего периода русско-корейских отношений (до 1895 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
29. Сон Ж. Г. Корейцы: миграция по пути длиной в полвека (1864–1918) // Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 гг. Документальная история. М.: Аквариус, 2017.

REFERENCES

1. Turner, F. J. (1920). The Frontier in American History. New York: H. Holt and Company.
2. Andreeva, A. A. (2014). "Frontier" as a Cultural and Historical Category. Maykop State Technological University, 3, 11–15. (In Russ.)
3. Soboleva, T. N., Bobrov, D. S. (2011). Sovremennaya rossiiskaya istoriographia konceptsii frontier = Modern Russian historiography of the frontier concept. News of the Altai State University, 4–1(72), 189–193. (In Russ.)
4. Panarina, D. S. (2010). Frontier kak odin iz factorov i mifov amerikanskoy istorii = Frontier as one of the factors and myths of American history. Bulletin of the Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication, 4, 80–88. (In Russ.)
5. Basalaeva, I. P. (2012). Kriterii frontiera: k postanovke problem = Criteria of the frontier: to the formulation of the problem. Theory and practice of social developmen, 2, 46–49. (In Russ.)
6. Kostornichenko, V. N. (2020). Istoriographija vzniknovenija termina "frontier" = Historiography of the origin of the "frontier" term (pp. 79–81). Science without borders: synergy of theories, methods and practices: The digest of articles of an international scientific conference. Ed. by O. K. Iriskhanova. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)

7. Kostornichenko, V. N., Sirvatko, P. A. (2021). Frontier: Theory Genesis, Main Tenets, Development (Historiographical Overview). Institute for U.S. and Canadian Studies, 2(51), 72–89. (In Russ.)
8. Kostornichenko, V. N. (2021). Main Trends of the “Frontier” Studies in the Western Historiography. Economic History: Yearbook, 2020, 489–503. (In Russ.)
9. Park, B. B. (2007). Rossijskaya diplomatiya i Koreya = Russian diplomacy and Korea: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
10. Ivanova, L. V. (2007). Istoricheskij opit kulturnogo vzaimodejstvija russkikh i koreitsev (seredina XIX – nachalo XX vv.) = Historical experience of cultural interaction between Russians and Koreans (mid-XIX – early XX centuries): PhD in History. Khabarovsk. (In Russ.)
11. Narochitsky, A. L. (1956). Colonialnaya politika kapitalisticheskikh derzav na Dalnem Vostoke. 1860–1895 = Colonial policy of capitalist powers in the Far East. 1860–1895. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR. (In Russ.)
12. Remnev, A. V. (2001). Imperskoje prostranstvo Rosii v regional'nom izmerenii: dalnevostochnij variant = The imperial space of Russia in the regional dimension: the Far Eastern variant (pp. 317–345). The space of power: the historical experience of Russia and the challenges of modernity. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, (In Russ.)
13. Pak, B. D. (2004). Rossiya i Koreya = Russia and Korea. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
14. Piskulova, Yu. E. (2002). Rossijsko-Korejskie odnoscheniya v seredine XIX-nachala XX vekha = Russian-Korean relations in the middle of the XIX – early XX centuries: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
15. Busse, F. F. (1896). Pereselenije krestyan morem v Ugno-Ussurijskij kraj = Resettlement of peasants by sea to the South Ussuri region in 1883–1893. St. Petersburg: Printing house of the partnership “Public Benefit”. (In Russ.)
16. Unterberger, P. F. (1900). Primorskaya oblast. 1856–1898 gg. = Primorsky region. 1856–1898. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum printing house. (In Russ.)
17. Anosov, S. D. (1928). Korejtsy v Ussurijskom krae = Koreans in the Ussuri region of Russia. Vladivostok: Printing house of “Book Business” joint stock company. (In Russ.)
18. Kim, S. H. (1965). Ocherki po istorii koreitsev = Essays on the history of Soviet Koreans. Alma-Ata: Nauka. (In Russ.)
19. Nam, S. G. (1998). Rossijskije koreitsi: istoriya i kultura (1860–1925) = Russian Koreans: History and culture (1860–1925). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
20. Petrov, A. I. (2000). Korejskaya diaspora na Dal'nem Vostoke Rossii. 60–90-e godi XIX vekha = The Korean Diaspora in the Russian Far East. 60–90-ies of the XIX century. Vladivostok: Far Eastern Branch of RAS. (In Russ.)
21. Pak, B. D., Bugai, N. F. (2004). 140 let v Rossii. Ocherk istorii rossijskikh koreitsev = 140 years in Russia. An essay on the history of Russian Koreans. Moscow: Institute of Oriental Studies. (In Russ.)
22. Kim, H. J. (2008). Osobennosti identifikatsii korejskoi molodezi v sovremennoi Rossii = Features of identification of Korean youth in modern Russia: PhD in History. Moscow. (In Russ.)
23. Kuzin, A. T. (2011). Istorija korejskogo naselenija rossijskogo Sakhalina = History of the Korean population of Russian Sakhalin (late XIX – early XXI centuries): PhD in History. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)
24. Fattakhova, E. N. (2004). Korejskije diaspori v Rossii i USA: istoriya, adaptacija, integracija = Korean diasporas in Russia and the USA: history, adaptation and integration: The End of the XIX–XX centuries: PhD in History. Krasnodar. (In Russ.)
25. Teslenko, T. S. (2007). Kitaiskaya i korejskaya migratsiya na Dalnij Voskok Rossii i yeyo vliyanie na social'no-ekonomicheskoe razvitie regiona (1860–1917) = Chinese and Korean migration to the Russian Far East and its impact on the socio-economic development of the region (1860–1917): PhD in History. Komsomolsk-on-Amur. (In Russ.)
26. Hong, J. S. (2009). Missionskaya dejatel'nost' russkoj pravoslavnoj tserkvi sredi koreitsev na russkom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. = Russian Orthodox Church's missionary activity among Koreans in the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
27. Kim, H., King, R. (2010). The Northern region of Korea in Russian sources, 1860–1913. The Northern region of Korea: history, identity and culture. Ed. by Sun Joo Kim. Washington, DC: University of Washington Press ; Center for Korean Studies, University of Washington.
28. Simbirtseva, T. M. (2002). Sovremennaya (1984–2001) ujno-korejskaya istoriografiya o kharaktere rannego perioda russko-korejskikh odnoschenij (do 1895 g.) = Modern (1984–2001) South Korean historiography about the nature of the early period of Russian-Korean relations (before 1895): PhD in History. Moscow. (In Russ.)
29. Song, J. G. (2017). Koreitsi: migratsiya po puti dlinoi v polveka (1864 – 1918) = Koreans: migration along the path of half a century (1864–1918). Migration of Koreans to the Russian Far East: Russian-Korean relations. 1821–1918 Documentary history. Moscow: Aquarius. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ким Сергей Петрович

кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kim Sergey Petrovich

PhD (History), Associate Professor of the Department of Historical and Archival Studies,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 26.01.2022
одобрена после рецензирования 02.03.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 26.01.2022
approved after reviewing 02.03.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 930

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_107

Отечественная историография о некоторых проблемах становления 1-го Московского (Демидовского) коммерческого училища

В. В. Корнеев

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
vvkorni86@bk.ru*

Аннотация. В статье на основе изучения отечественной историографии рассматриваются проблемы становления 1-го Московского (Демидовского) коммерческого училища. Основными методами исследования являются общенаучные: анализ, синтез, обобщение, систематизация. В результате исследования освещены и подвергнуты научной критике поднятые в трудах дореволюционных, советских и современных российских авторов некоторые частные и общие проблемные вопросы, связанные с московским периодом Демидовского училища.

Ключевые слова: 1-е Московское (Демидовское) коммерческое училище, коммерческое образование, отечественная историография

Для цитирования: Корнеев В. В. Отечественная историография о некоторых проблемах становления 1-го Московского (Демидовского) коммерческого училища // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 107–114. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_107

Original article

Native Historiography about Some Issues with Establishing the First Moscow (Demidov) Commercial College

Vladimir V. Korneev

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
vvkorni86@bk.ru*

Abstract. Based on research of native historiography this article describes the issues of establishing the First Moscow (Demidov) commercial college. The major methods are general scientific (analysis, synthesis, generalization, systematization). In the result of the study some of the particular and common problems, belonging to the Demidov college during its location in Moscow, mentioned in prerevolutionary soviet and modern Russian authors are clarified and criticized.

Keywords: The Moscow (Demidov) commercial college, commercial education, Native historiography.

For citation: Korneev, V. V. (2022). Native historiography about some issues with establishing the First Moscow (Demidov) commercial college. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 107–114. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_107

ВВЕДЕНИЕ

В истории российского коммерческого образования Москва занимает особое место. Именно здесь появились первые коммерческие учебные заведения, одно из которых находилось на Остоженке, где в советские годы располагался знаменитый Институт иностранных языков им. М. Тореза. Менее известно Демидовское или 1-е Московское коммерческое училище, которое было учреждено указом императрицы Екатерины II 6 декабря 1772 года под названием «Воспитательное училище из купеческих детей для коммерции» [План Воспитательного училища ... 1772]. Инициаторами его создания стали известный екатерининский вельможа И. И. Бецкой и дворянин П. А. Демидов, внук родоначальника дома промышленников Демидовых – Никиты Демидова, выделивший на эту цель 205 тыс. рублей [там же]. Прокофий Акинфиевич Демидов и дальше опекал родное детище, и потому учебное заведение еще при жизни мецената получило наименование «Демидовское коммерческое училище» [Подшивалов, 1888]. Основанное в первопрестольной столице России, издавна славившейся своими торговыми оборотами, училище стало первым такого рода учебным заведением в России и возникло практически одновременно с аналогичными школами в Западной Европе [Костриков, 2009]. Однако в 1799 г. Павлом I неожиданно было принято решение о перемещении училища в Санкт-Петербург. Инициатором перевода стала супруга императора – Мария Федоровна, которая, ознакомившись с положением дел в учебном заведении, пришла к выводу, что учебное заведение «...до сих пор совершенно не соответствовало благотворительным намерениям своего основателя», ибо не выполнило главную задачу – «образовать для государства банкиров, купцов и мореплавателей» [там же]. Мария Федоровна разработала план реорганизации училища и предложила перевести его в Санкт-Петербург. Павел I одобрил намерения супруги и повелел оказать ей всяческое содействие. Это решение царствующих особ положило начало новому этапу в жизни учебного заведения и сугубо негативной оценке «московского» периода существования училища со стороны его историографов. С этого времени авторы, описывавшие начальную историю Демидовского училища, вынуждены были заострять внимание на проблемах становления учебного заведения, анализ которых, по нашему мнению, имеет определенную научную ценность. Целью настоящей статьи является изучение основных «болевых точек» созданного в 1772 г. 1-го Московского (Демидовского) училища путем историографического исследования.

ОБЩАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМЫ

Исторические работы о 1-м Московском (Демидовском) коммерческом училище, на наш взгляд, целесообразно разделить на три группы, в соответствии с временем их публикации: дореволюционные, советские и постсоветские. В дореволюционных трудах, написанных, как правило, лицами административного либо управленческого состава училища, освещалась история его создания, особенности организации учебно-воспитательного процесса, жизни и быта воспитанников и др. [Вышнеградский, 1849; Богоявленский, 1872; Комаров, 1872; Тимофеев, 1901; Виноградов, 1904; Сторожев, 1914]. С фактологической стороны они весьма значимы для исследователя. Вместе с тем изданные к определенному юбилею училища, они носят официозный характер, пронизаны почитанием и обожествлением монархов.

В советской историографии история Демидовского училища рассматривалась через призму становления и развития коммерческого образования в России [Зенченко, 1953; Парникель, 1953; Кошман, 1982; Кошман 1983; Козлова, 1989]. Написанные тогда работы по своему характеру носили, как правило, обобщающий характер, базировались на классовом подходе. Изучение данных работ важно для понимания исторической эпохи, социально-экономического положения страны, а также мер, принимаемых правительством для развития торговли (коммерции). Однако предметно проблемы функционирования 1-го Московского коммерческого училища авторами не рассматривались.

В постсоветской историографии наличествуют две историографические тенденции. С одной стороны, продолжается традиция объективистского изучения данной проблематики. Так, в трудах Э. Д. Днепров, С. П. Кострикова выявлены предпосылки образования коммерческого училища, рассмотрены общие проблемы коммерческого образования в дореволюционной России [Днепров, 2011; Костриков, 2009, Костриков, 2011]. Вместе с тем авторы фрагментарно рассматривают проблемные вопросы становления Демидовского коммерческого училища, оставаясь на почве их констатации.

Другая историографическая тенденция просматривается в работах, где описательно и не критически воспроизводятся положения исторических трудов, написанных до 1917 г. На этой основе, в духе апологетики деяний царствующих особ, оценивается образовательная политика царского правительства в дореволюционное время [Разманова, 1998; Разманова, 2003; Хуциева, 2000; Хуциева, 2003]. Порой под такое восприятие

подводится даже определенная теоретическая база. Например, Н. А. Разманова характеризует дореволюционные юбилейные труды как «объективистские хроники», которые она предлагает рассматривать «...в качестве источников для написания подлинной истории коммерческих учебных заведений» [Разманова, 2003, с. 12, 21]. На наш взгляд, такой подход является ошибочным. Многочисленные факты, представленные в юбилейных трудах, требуют тщательной проверки и критического осмысления. Кроме того, следует иметь в виду, что авторы данных работ являлись людьми, зависимыми от начальства по служебной линии, а также жили и трудились в особой общественной атмосфере своего времени, характеризующейся своеобразными ценностями и умонастроениями. Отсюда определенные лакуны и «зоны умолчания» в исторических описаниях, пиетет перед деяниями монархов, вместо объективного и беспристрастного разбора их деятельности. В целом историческая нарративность современных работ подобного типа ведет к тому, что проблемные вопросы коммерческого образования остаются на уровне осмысления прошедших эпох.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ 1-ГО МОСКОВСКОГО (ДЕМИДОВСКОГО) КОММЕРЧЕСКОГО УЧИЛИЩА

Первым сочинением по истории Демидовского учебного заведения стал труд администратора училища В. С. Подшивалова, автор которого, судя по его широкой образованности и стремительному карьерному росту, принадлежал к числу одаренных людей екатерининской эпохи¹. Труд Подшивалова необычен; по форме изложения материала он напоминает летопись. Хроники В. С. Подшивалова являются не просто очерком, а ценным историческим источником, а сам он по праву считается первым историографом данного учебного заведения.

Издатели «Исторических известий» отмечали, что В. С. Подшивалов составил свой труд в последние годы XVIII столетия [Подшивалов, 1888], т. е. в период принятия решения о переводе

училища из Москвы в Санкт-Петербург. Однако его работа была издана только в 1888 г. Возможно, это связано с тем, что представленные в очерке факты опровергали оценку состояния Демидовского училища, данную ему со стороны царствующих особ. В частности, В. Подшивалов отмечал востребованность выпускников коммерческого училища, приводя в качестве примера имена и фамилии бывших воспитанников, которые получали высокое жалование и занимали видные места в отечественных и зарубежных компаниях, а также указывал на факт нахождения бывших учащихся коммерческого училища в купеческих конторах Москвы [там же]. Причем, вряд ли можно заподозрить В. С. Подшивалова в стремлении приукрасить положение дел; его примеры основаны на сведениях, извлеченных из материалов Московского Опекунского Совета. В целом приведенные факты прямо противоречили выводам императрицы Марии Фёдоровны относительно уровня профессиональной подготовки выпускников учебного заведения.

Оценочные суждения царствующих особ оказали большое влияние на содержание дореволюционных трудов. Красной нитью через все исторические очерки, написанные до 1917 г., проходит мысль о том, что 1-е Московское (Демидовское) коммерческое училище не оправдало возлагавшихся на него надежд и находилось к концу XVIII в. «в заметном упадке» [Богоявленский, 1872; Комаров, 1872; Сторожев, 1914]. Одним из первых об этом написал директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт, который в 1832 г. в посмертном сочинении об императрице Марии Фёдоровне отмечал, что в 1798 г. супруга Павла I «обратила внимание свое на Коммерческое училище, которое... мало-помалу совершенно уклонилось от своего назначения» [Энгельгардт, 2018, с. 66–67]. В какую сторону отклонилось училище и каково было его назначение, автор не пояснил. Подобное умолчание, на наш взгляд, объясняется тем, что коммерческое училище входило в состав учреждений и ведомств императрицы, а обсуждать деяния монархов было запрещено.

В 1849 г., по случаю 50-летней годовщины пребывания коммерческого училища в Санкт-Петербурге, вышла брошюра Н. Вышнеградского «Краткий очерк истории коммерческого училища». Составленная в эпоху заката николаевской системы, она приоткрыла завесу над некоторыми тайнами учебного заведения. Так, впервые было отмечено, что в составе воспитанников дети купцов, для которых и создавалось учебное заведение, не преобладали, наоборот их было меньше всего [Вышнеградский, 1849]. Автор выделил две основные причины непопулярности учебного заведения среди купечества; его нахождение в Воспитательном

¹Подшивалов Василий Сергеевич (1765–1813), происходил из солдатских детей, в возрасте 18 лет окончил с успехом Московский университет и был назначен учителем. Затем служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В 1795 г. назначен цензором и помощником Главного надзирателя Московского Воспитательного дома, в состав которого входило коммерческое училище, в 1798 г. – инспекторским помощником коммерческого училища, а впоследствии, уже в Санкт-Петербурге, стал его директором. Увлекался поэзией, психологией, занимался переводами книг с немецкого на русский язык (Прим. авт.).

доме, к детям которых в обществе существовал «закоснелый предрассудок», а также косностью самого торгового сословия, которое «чуждалось всяких нововведений и изобретений» [Вышнеградский, 1849, с. 13]¹. Но если последняя причина со стороны автора получила некоторое разъяснение (верность отеческим традициям предпринимательства, неверие в практическую полезность преподаваемых наук, потенциальная возможность ухода сыновей от дела отцов и, соответственно, перехода в другое сословие), то ситуация с Воспитательным домом осталась неясной.

В эпоху либеральных реформ 60–70-х гг. XIX в. в печати, дворянских обществах и земствах стали активно обсуждать вопросы, связанные с образованием. Новая общественно-политическая ситуация отразилась и на содержании работ по истории коммерческого училища. В столетие учебного заведения свет увидели юбилейные издания, в которых приводились ранее неизвестные широкой публике факты. Так, директор Санкт-Петербургского училища М. М. Богоявленский посетовал на ошибки И. И. Бецкого, стоявшего у истоков создания коммерческого училища, «в выборе исполнителей» [Богоявленский 1872, с. 20]. По всей видимости, речь шла как о воспитателях, так и о руководстве коммерческого училища. Отметим, что Н. Вышнеградский ранее отмечал, что в Демидовском учебном заведении и мужчины (воспитатели) и женщины (воспитательницы) являлись в основном иностранцами [Вышнеградский, 1849]. Другой автор, П. Комаров, привел неутешительную статистику обучавшихся и окончивших училище с 1773 по 1800 год. Из 239 поступивших мальчиков в Москве полный курс обучения завершили 38, а 61 перевели в Санкт-Петербург [Комаров 1872], т. е. суммарное число «дипломированных» специалистов не превысило 16 %. П. Комаров объяснил подобную ситуацию ранним возрастом поступавших в коммерческое училище (5–6 лет), а также уже известным нам «фактором Воспитательного дома» [там же, с. 14].

Между тем указанные П. Комаровым цифры вызывают сомнение. Наши подсчеты на основе сведений В. Подшивалова указывают на 167 человек, учившихся в Москве, и 44 воспитанника, окончивших там «полный курс наук» [Подшивалов 1888]. В результате получается, что полный курс обучения в Москве завершили не около 16 %, а 26,3 % учащихся. Тем самым «дипломированными» специалистами, прошедшими полный курс обучения в Москве, стали не менее четверти поступивших туда воспитанников.

¹Московский Воспитательный дом – приют для найденных и оставленных родителями детей и бедных роженцев, учрежденный в 1763 г. по инициативе И. И. Бецкого (Прим. авт.).

Новый этап дореволюционной историографии был связан со вступлением России в эпоху войн и революций на рубеже XIX – начала XX века. Рост общественно-политической активности народных масс, активизация рабочего, крестьянского и студенческого движений, а также реформа коммерческого образования С. Ю. Витте² повлияли на содержание работ по истории 1-го Московского (Демидовского) училища. К их числу, прежде всего, следует отнести содержательный труд преподавателя учебного заведения А. Г. Тимофеева. Как и ранее, данная работа была написана к очередному юбилею училища. Но в отличие от предыдущих изданий подобного типа, автор при ее подготовке использовал более широкий перечень источников, который включал не только документы из архива училища, но и бумаги из канцелярии императрицы, реляции и указы верховной власти, касающиеся коммерческих учебных заведений. В очерке впервые была показана связь педагогических идей эпохи Просвещения и образовательных замыслов Екатерины II и ее сподвижника И. И. Бецкого. Кроме того, Тимофеев обратил внимание на финансовое состояние училища и его педагогический состав, подчеркивая их неудовлетворительный характер [Тимофеев, 1901]. Разумеется, в силу господствовавшей тогда в обществе монархической идеологии мы не найдем в этой книге критического анализа действий верховной власти.

В 1914 г. было издано фундаментальное исследование В. В. Сторожева, посвященное истории 2-го Московского коммерческого училища. Осознавая прямую связь между двумя коммерческими училищами, В. Сторожев уделил должное внимание и истории Демидовского учебного заведения. Ценным вкладом в ее изучение стал тщательный анализ историком опубликованной П. М. Майковым³ переписки между И. И. Бецким и П. А. Демидовым относительно целей и направленности обучения в училище. В. Сторожев критически оценивает московский этап в жизни учреждения, но отрицает в этом вину купечества. По его мнению, потребность в коммерческих кадрах у московских предпринимателей имела, но замысел «отцов-основателей»

²В середине 90-х гг. XIX в. под рук. С. Витте коммерческие учебные заведения перешли в подчинение Министерства финансов. Новая нормативно-правовая база и принципы хозяйственно-финансовой деятельности создали условия для роста численности учебных заведений данного профиля (Прим. авт.).

³Майков Петр Михайлович (1834–1918), русский историк, чиновник правительственных учреждений Российской империи, тайный советник (1892). Служил в артиллерийском департаменте Военного министерства, в Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в кодификационном отделе Государственного совета. Автор ряда исторических и юридических трудов, составитель сборников документов, один из авторов Русского биографического словаря (Прим. авт.).

(И. Бецкой, П. Демидов. – В. К.) и содержание обучения в училище противоречили их интересам [Сторожев, 1914].

Из трудов советских историков следует особое внимание обратить на публикацию Н. В. Козловой. Изучение архивных документов позволило ей осветить некоторые подробности появления Демидовского училища. Раскрывая предысторию создания учебного заведения, Н. В. Козлова указала, в частности, на прошения купцов различных российских городов об учреждении в стране коммерческих учебных заведений, а также о начале разработки в 1770 г. в Комиссии о коммерции¹ проекта купеческой школы в С.-Петербурге. Историк проводит прямую связь между деятельностью данной правительственной комиссии и инициативой П. Демидова и И. Бецкого по организации коммерческого училища в Москве [Козлова, 1989]. Рассмотрев вкратце организацию процесса обучения и воспитания в училище, Н. В. Козлова, остановившись на проблеме его низкой популярности среди купечества, а также трудности с набором, делает вывод, что они были обусловлены принципами и идеями, положенными в его основу. По ее мнению, социально-экономические запросы общества на коммерческое образование правительство использовало не в интересах предпринимателей, а в интересах укрепления феодально-абсолютистского государства [там же].

В постсоветской историографии важными для изучения нашей темы являются труды В. В. Хуциевой, написанные на основе широкого круга источников, в том числе архивных документов С.-Петербурга и Москвы. Историк, в частности, опубликовала сведения, на основе которых сделала вывод об ухудшении финансового положения учебного заведения к концу XVIII в. Так, в 1790 г. расходы превысили установленную смету на 20 тыс. руб., в 1795 г. – еще больше [Хуциева, 2003]. Вместе с тем представленные В. В. Хуциевой цифры и умозаключения, на наш взгляд, не совсем корректны и требуют дополнительной проверки.

Не менее значимы и работы С. П. Кострикова, в которых представлены предпосылки и проекты образования первого коммерческого училища, раскрыты некоторые обстоятельства его создания [Костриков, 2009; Костриков, 2011]. Важным замечанием автора, с которым нельзя не согласиться, является мысль о том, что заимствованные из

Западной Европы просветительские и педагогические идеи Екатерины II и И. Бецкого в отношении создания в стране так называемого третьего сословия были утопичны в силу различных обстоятельств, и, прежде всего потому, что в России объективно «...отсутствовал социальный носитель этих преобразований – национальная буржуазия», а купечество в сфере коммерции являлось достаточно консервативной сословной группой [Костриков, 2009, с. 18; Костриков, 2011, с. 70].

Таким образом, в отечественной историографии представлены «болевые точки» становления 1-го Московского (Демидовского) коммерческого училища. По мнению дореволюционных авторов, недостатки образовательного процесса обуславливались в основном внутренними проблемами училища. Советские историки и некоторые современные исследователи в частных недостатках видели общие явления, характерные для крепостнической России XVIII в. В целом исследователи выявили и осветили важнейшие стороны зарождающегося в стране коммерческого образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историографический анализ литературы по истории Демидовского коммерческого училища показал, что в трудах отечественных исследователей представлены основные проблемы становления данного учебного заведения в «московский» период его существования. Опираясь на установки царствующих особ, дореволюционные историки постепенно, под влиянием изменяющейся общественно-политической обстановки, осветили отдельные частные вопросы и проблемы функционирования училища. В их числе, не купеческий, по своему составу, характер училища; слабый руководящий и педагогический состав учебного заведения; ухудшающее финансовое положение образовательного учреждения; особенности педагогической системы И. И. Бецкого и др. Широкая фактологическая база, накопленная на этом этапе, позволила советским историкам под иным углом зрения взглянуть на историю коммерческого училища. Они показали, что выявленные дореволюционными исследователями недостатки являлись следствием несовпадения целей образовательной политики правительства с феодально-крепостническими устоями общества.

Введение в научный оборот ранее неизвестных документальных источников, новые теоретико-методологические подходы к анализу проблемы стали отличительной чертой постсоветского этапа историографии. Однако объективному

¹Комиссии о коммерции – законосовещательные учреждения в Российской империи в XVIII в., вырабатывавшие меры, направленные на развитие торговли, промышленности, транспорта и денежного обращения. В 1763 г. Екатерина II лично возглавила третью по счету Комиссию по коммерции, состоявшую из высших сановников страны и которая рассматривала поступавшие коллективные и индивидуальные проекты по хозяйственно-экономическим вопросам. Упразднена в связи с восшествием на престол императора Павла I (Прим. авт.).

историческому анализу мало способствует не критическое отношение отдельных историков к работам своих предшественников, компилятивность и описательность многих современных трудов. Исследование показало, что комплексное и объективное осмысление работ предшественников

по данной теме имеет непреходящую ценность, потенциально позволяет более обстоятельно и всесторонне рассмотреть не только процесс становления российского коммерческого образования, но и картину российской действительности конца XVIII века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. План Воспитательного училища из купеческих детей для Коммерции // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1772. Т. 19. №13916 от 6 декабря 1772 г. С. 673–681.
2. Подшивалов В. С. Исторические известия о Демидовском Коммерческом училище, собранные из писем И. И. Бецкого, журналов советских, книг расходных и изустных преданий Коллежским ассессором и Коммерческого училища Инспекторским помощником Подшиваловым (1772–1800). СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1888.
3. Костриков С. П. История управленческого образования в России. Ч. 1. XVIII – начало XX в.: учебное пособие для студентов специальности «Менеджмент организации». М.: ГУУ, 2009.
4. Константинов Н. Н. Сборник материалов для истории С.-Петербургского коммерческого училища. Отдел I. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1889.
5. Вышнеградский Н. Краткий очерк истории коммерческого училища составлен по случаю 50-летнего юбилея Н. Вышнеградским. СПб.: Тип. Якова Трея, 1849.
6. Богоявленский М. М. Исторический очерк Санкт-Петербургского коммерческого училища, читанный директором М. М. Богоявленским в день столетнего юбилея училища, 6 декабря 1872 г. СПб.: Тип. Н. И. Глазунова, 1872.
7. Комаров П. В память столетнего юбилея С.-Петербургского коммерческого училища. 6 декабря 1872 г. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1872.
8. Тимофеев А. Г. История С.-Петербургского коммерческого училища. Т. I. (1772–1840). СПб.: Тип. Глазунова, 1901.
9. Виноградов Н. Московское Коммерческое училище. Сто лет жизни. 1804–1904. Составлено секретарем педагогической конференции Н. Виноградовым. М., 1904.
10. Сторожев В. Н. История Московского купеческого общества, 1863–1913. Т. 4. Вып. 1: Учреждения, недвижимости и капиталы Московского купеческого общества. Императорское Московское коммерческое училище на Остоженке. М.: Моск. гор. тип. 1914.
11. Зенченко Н. С. Коммерческие училища как общеобразовательная школа России начала XX века (На материалах С.-Петербургских коммерческих училищ): автореф. ... канд. пед. наук. М., 1953.
12. Парникель Б. М. История коммерческой средней школы в дореволюционной России: автореф. ... канд. пед. наук. М., 1953.
13. Кошман Л. В. Московское коммерческое училище в первой половине XIX века // Из истории буржуазии в России: сб. статей отв. ред. Г. Х. Рабинович. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. С. 3–16.
14. Кошман Л. В. Московское коммерческое училище // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 186–189.
15. Козлова Н. В. Организация коммерческого образования в XVIII веке в России // Исторические записки. М.: Наука, 1989. Т. 117. С. 288–314.
16. Днепров Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 2. Становление и развитие системы российского образования. М.: Мариос, 2011.
17. Костриков С. П. Становление и развитие коммерческого и управленческого образования в России. Конец XVIII – начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.
18. Разманова Н. А. Из истории коммерческих училищ Москвы (1885–1918) // Вестник Финансовой академии. 1998. № 4. С. 3–41.
19. Разманова Н. А. Становление и развитие финансово-экономического образования в России (XIX – 20-е годы XX в.): автореф. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2003.
20. Хуциева В. В. Краткий очерк истории С.-Петербургского коммерческого училища // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2000. № 5. С. 46–54.
21. Хуциева В. В. История Санкт-Петербургского коммерческого училища: роль в становлении российского коммерсанта (1772–1920) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
22. Энгельгардт Е. А. Императрица Мария Фёдоровна в богоугодных ее заведениях. В кн. Императрица Мария Фёдоровна (1759–1828) / сост. Н. И. Николаева. М.: Изд. Дом ТОНЧУ, 2018.

REFERENCES

1. Plan Vospitatel'nogo uchilishcha iz kupecheskikh detey dlya Kommertsii (1772) = The Plan of the Educational School of Merchants' Children for Commerce. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI), 13916, 19, 673–681. (In Russ.)
2. Podshivalov, V. S. (1888). Istoricheskie izvestiya o Demidovskom Kommercheskom uchilishche, sobrannye iz pisem I. I. Beckago, zhurnalov sovetskikh, knig raskhodnykh i izustnykh predanii Kollezhskim asessorom i Kommercheskogo uchilishcha Inspektorskim pomoshchnikom Podshivalovym (1772–1800) = Historical news about the Demidov Commercial School, collected from the letters of I. I. Betskaya, soviet magazines, books of account and oral tradition by the Collegiate Assessor and the Commercial School by Inspector's Assistant Podshivalov. St Petersburg: Tip. Doma prizreniya maloletnih bednyh, 1888. (In Russ.)
3. Kostrikov, S. P. (2009). Istoriya upravlencheskogo obrazovaniya v Rossii. CH. 1. XVIII – nachalo XX v.: uchebnoe posobie dlya studentov special'nosti «Menedzhment organizatsii» = History of management education in Russia. Part 1. KhVIII – the beginning of the twentieth century: a textbook for students of the specialty "Organization Management". Moscow: GUU. (In Russ.)
4. Konstantinov, N. N. (1889). Sbornik materialov dlya istorii S.-Peterburgskogo kommercheskogo uchilishcha. Otdel I. = Collection of materials for the history of the St. Petersburg commercial school. Department I. St Petersburg: Tip. brat. Panteleevykh. (In Russ.)
5. Vyshnegradskiy, N. (1849). Kratkiy ocherk istorii kommercheskogo uchilishcha sostavlenn po sluchayu 50-letnego yubileya N. Vyshnegradskim = A brief outline of the history of the commercial school was compiled on the occasion of the 50th anniversary of N. Vyshnegradsky. St Petersburg: Tip. Yakova Treya. (In Russ.)
6. Bogoyavlenskiy, M. M. (1872). Istoricheskiy ocherk Sankt-Peterburgskogo kommercheskogo uchilishcha, chitannyi direktorom M. M. Bogoyavlenskim v den' stoletnego yubileya uchilishcha, 6 dekabrya 1872 goda = Historical essay of the St. Petersburg commercial school, read by the director M. M. Bogoyavlensky on the day of the centennial anniversary of the school, December 6, 1872. St Petersburg: Tip. N. I. Glazunova. (In Russ.)
7. Komarov, P. (1872). V pamyat' stoletnego yubileya S.-Peterburgskogo kommercheskogo uchilishcha. 6 dekabrya 1872 g. = In memory of the centenary of the St. Petersburg commercial school. St Petersburg: Tip. E. Arngol'da. (In Russ.)
8. Timofeyev, A. G. (1901). Istoriya S.-Peterburgskogo kommercheskogo uchilishcha. T. I. (1772–1840) = History of the St. Petersburg Commercial School. T. I. (1772–1840). St. Petersburg: Tip. Glazunova. (In Russ.)
9. Vinogradov, N. (1904). Moskovskoye Kommercheskoye uchilishche. Sto let zhizni. 1804–1904 / sostav. sekretarem pedagogicheskoy konferentsii N. Vinogradovym ; Vedomstvo uchrezhdeniy imp. Marii = Moscow Commercial School. One hundred years of life. 1804–1904 / composition. the secretary of the pedagogical conference N. Vinogradov; Department of Institutions imp. Mary. Moscow: T-vo skoropech. A. A. Levenson. (In Russ.)
10. Storozhev, V. N. (1914). Istoriya Moskovskogo kupecheskogo obshchestva, 1863–1913. Uchrezhdeniya, nedvizhimosti i kapitaly Moskovskogo kupecheskogo obshchestva. Imperatorskoye Moskovskoye kommercheskoye uchilishche na Ostozhenke = History of the Moscow merchant society, 1863–1913. T. 4. Issue. 1: Institutions, real estate and capital of the Moscow merchant society. Imperial Moscow Commercial School on Ostozhenka. Moscow: Mosk. gor. tip. (In Russ.)
11. Zenchenko, N. S. (1953). Kommercheskiye uchilishcha kak obshcheobrazovatel'naya shkola Rossii nachala XX veka (Na materialakh S.-Peterburgskikh kommercheskikh uchilishch) = Commercial schools as a general education school in Russia at the beginning of the 20th century (Based on the materials of St. Petersburg commercial schools): abstract of PhD in Pedagogy. (In Russ.)
12. Parnikel', B. M. (1953). Istoriya kommercheskoy sredney shkoly v dorevolutsionnoy Rossii = The history of a commercial high school in pre-revolutionary Russia: abstract of of PhD in Pedagogy. (In Russ.)
13. Koshman, L. V. (1982). Moskovskoye kommercheskoye uchilishche v pervoy polovine XIX veka = Moscow commercial school in the first half of the XIX century. Iz istorii burzhuzii v Rossii: Sb. Statey. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 3–16. (In Russ.)
14. Koshman, L. V. (1983). Moskovskoye kommercheskoye uchilishche = Moscow Commercial School. Voprosy istorii, 1, 186–189. (In Russ.)
15. Kozlova, N. V. (1989). Organizatsiya kommercheskogo obrazovaniya v XVIII veke v Rossii = Organization of commercial education in the 18th century in Russia. Istoricheskiye zapiski, 117, 288–314. (In Russ.)
16. Dneprov, E. D. (2011). Rossiyskoye obrazovaniye v XIX – nachale XX veka : monografiya = Russian education in the XIX – early XX century: monograph: in 2 vol. Moscow: Marios. (In Russ.)
17. Kostrikov, S. P. (2011). Stanovleniye i razvitiye kommercheskogo i upravlencheskogo obrazovaniya v Rossii. Konets XVIII – nachalo XX v. = Formation and development of commercial and management education in Russia. Late XVIII – early XX century. PhD in History. Moscow. (In Russ.)
18. Razmanova, N. A. (1998). Iz istorii kommercheskikh uchilishch Moskvyy (1885–1918) = From the history of commercial schools in Moscow (1885–1918). Vestnik Finansovoy akademii, 4, 3–41. (In Russ.)

19. Razmanova, N.A. (2003). Stanovleniye i razvitiye finansovo-ekonomicheskogo obrazovaniya v Rossii (XIX – 20-ye gody XX v.) = Formation and development of financial and economic education in Russia (XIX – 20s of the XX century): abstract of Senior Doctorate in History. Moscow. (In Russ.)
20. Khutsieva, V.V. (2000). Kratkiy ocherk istorii S.-Peterburgskogo kommercheskogo uchilishcha = A brief outline of the history of the St. Petersburg commercial school. Vestnik molodyh uchyonyh. Istoricheskie nauki, 5, 46–54. (In Russ.)
21. Khutsiyeva, V.V. (2003). Istoriya Sankt-Peterburgskogo kommercheskogo uchilishcha: rol' v stanovlenii rossiyskogo kommersanta (1772–1920) = History of the St. Petersburg Commercial School: role in the development of a Russian merchant (1772–1920): abstract of Senior Candidat in History. (In Russ.)
22. Engel'gardt, Ye. A. (2018). Imperatritsa Mariya Fodorovna v bogougodnykh yeye zavedeniyakh. V kn.: Imperatritsa Mariya Fodorovna (1759–1828) = Empress Maria Feodorovna in her charitable institutions. In the book: Empress Maria Feodorovna (1759–1828). Moscow: Izd. Dom TONCHU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнеев Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории
Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korneev Vladimir Vladimirovich

PhD (History), Associate Prof., Associate Prof. of the History Department of Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 03.03.2022
одобрена после рецензирования 01.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 03.03.2022
approved after reviewing 01.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 930

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_115

Краткий исторический обзор дачного строительства XVIII–XX вв.

Е. А. Левицкая

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
e.levitskaya14@gmail.com*

Аннотация. Отличительной особенностью российской культуры является наличие более чем у 60-процентного городского населения дачных участков. Возникшие при Петре I и к середине XX в. охватившие всю территорию страны дачи представляют собой неотъемлемый компонент повседневной жизни и быта россиян. Однако, несмотря на масштабность дачи как явления, история дачного строительства недостаточно изучена. В качестве методов исследования данной работы были использованы описание, анализ и обобщение научной, справочной и художественной литературы, и в результате был составлен краткий исторический обзор дачного строительства XVIII–XX вв.

Ключевые слова: дача, дачное строительство, история дачного строительства, концепция «городов-садов», социальная функция дачи, «дачный пояс», сохранение дачного наследия, пригородные территории

Для цитирования: Левицкая Е. А. Краткий исторический обзор дачного строительства XVIII–XX вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 115–120. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_115

Original article

A Brief Overview of the History of Dacha Construction of the XVIII–XX Centuries

Evgeniya A. Levitskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
e.levitskaya14@gmail.com*

Abstract. A distinctive feature of Russian culture is that more than sixty per cent of the urban population have dachas. The dachas, which emerged under Peter the Great and by the mid-20th century covered the whole territory of the country, are an integral component of everyday life and everyday life of Russians. However, despite the scale of the dacha as a phenomenon, the history of dacha construction has not been sufficiently studied. The present article uses such research methods as description, analysis and synthesis of scientific, reference and fiction literature, and as a result a brief historical overview of dacha construction in the XVIII–XX centuries was compiled.

Keywords: dacha, dacha construction, history of dacha construction, concept of «garden cities», social function of dacha, «dacha belt», conservation of dacha heritage, suburban areas.

For citation: Levitskaya, E. A. (2022). A brief overview of the history of dacha construction of the XVIII–XX centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 115–120. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_115

ВВЕДЕНИЕ

Дача, являясь местом отдыха городских жителей, присутствует в жизни населения Российской Федерации практически повсеместно. Дачным на-строением пропитано множество произведений русской литературы и искусства, а дачная культура в целом олицетворяет национальный менталитет и образ жизни. Дачи представляют собой предмет исследования разных наук, и, по мнению ученых, являются особым отечественным социокультурным феноменом, истории и философскому смыслу которого в нашей стране уделяется недостаточно внимания [Джанджугазова, 2010; Браде, 2014; Нефедова, Савчук, 2014; Трейвиш, 2014].

Данное исследование направлено на анализ научных работ, посвященных даче как национальному явлению и созданию исторической справки его становления и развития. Поставленная цель достигается благодаря подробному изучению литературы о дачном строительстве XVIII–XX вв. и ее аналитическому разбору.

Наибольший вклад в данную статью внесли публикации таких известных отечественных и зарубежных специалистов в области истории, географии, туризма, страноведения и краеведения и во многом «дачеведения», как И. Браде, Е. Джанджугазова, Т. Нефедова, А. Трейвиш и О. Черных.

Авторы в своих работах поднимают вопросы не только истории дачного строительства в разных регионах России, но также делают акцент на колоссальной значимости русской дачи в жизни человека и в период Российской империи, и в период Советского Союза. С течением времени роль дачи была неоднократно трансформирована, однако всегда оставалась стратегически важной для всего общества, чем и были обусловлены основные этапы, принципы и места развертывания дачного строительства.

ИСТОРИЯ ДАЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В XVIII веке

Получившее распространение в «позднем» СССР по всей территории нашей страны, изначально дачное движение зародилось в Санкт-Петербурге [Черных, 2020]. Обосновывается это переездом бывшей московской элиты в новую, северную, относительно урбанизированную столицу и желанием сохранить привычный образ жизни в подмосковных имениях.

Определяемое в период царствования императора Петра I как земля, дарованная князем, и связанное с глаголами «дать» и «давать», слово «дача» уже во второй половине XIX в. приобрело современный смысл, а дачи окончательно были

преобразованы в неотъемлемый компонент жизни состоятельной части общества и интеллигенции [Фурман, 1842].

Если говорить про московский регион и прилегающие к нему области, то, безусловно, с точки зрения доступности и демократичности дачных участков лидирует Владимирская область. Объясняется это тем фактом, что несколько десятилетий по маршруту Москва – Колымский край пролегал Большой Сибирский тракт, по дорогам которого в XVIII–XIX вв. этапировали политических заключенных и каторжан, а Золотые ворота во Владимире служили «парадным входом» в ссылку. В связи с этим обеспеченная часть населения страны предпочитала другие местности для дачного отдыха, а людям с невысоким доходом приходилось строить дачи в менее дорогих районах, соседствующих с Большим «канальным» путем [Бойко, 2012].

Разумеется, в XVIII в. в большинстве случаев дачи могли себе позволить лишь дворяне или приближенные к дому Романовых. Тем не менее к концу столетия представители купечества, мещанства, духовенства и казачества следовали примеру высшего привилегированного сословия и также приобретали участки для отдыха вдали от шумных городов. Однако если в прошлом переезд царской фамилии или зажиточных семей в пригород можно было объяснить банальными вопросами санитарного и медицинского свойств, то в XX в. это уже приобретает несколько иной характер и становится временем возникновения «фагенд».

ИСТОРИЯ ДАЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В XIX веке

Широкое распространение дач и дачных поселков в пригородах Москвы относится к середине XIX в. Первые московские дачи были дислоцированы по берегам Яузы или Москвы-реки, что, может быть, обусловлено желанием их владельцев иметь загородное жилье «на воде». Немногим позже возведение дачных хозяйств было развернуто в Новогиреево, Петровском парке, Сокольниках и в других бывших окраинах современной столицы, а следы этих построек можно наблюдать до сих пор.

Интенсивному строительству дачных поселков и временному выезду городского населения за пределы своих городов также способствовала новомодная по тем временам идея «городов-садов» английского философа и социолога-утописта Эбенизера Говарда, получившая распространение и подвергаемая бурному обсуждению на рубеже XIX–XX вв. [Говард, 1911]. Однако распространять данное суждение на всю территорию России не

всегда представляется возможным, так как развитие дачного строительства столичных регионов и Дальнего Востока различаются кардинально. Разумеется, данная концепция нашла свое истинное воплощение в Великобритании, Австралии, Германии и Израиле, а в России она была адаптирована под дачное движение, имеющее с градостроительной концепцией множество общих черт.

За несколько десятилетий XIX в. изменился социальный статус дачника. Если в 1801–1850 гг. покупка и строительство дач – это привилегия в большинстве своем представителей дворянского рода, то начиная с 1860-х гг. дачи стали появляться в собственности у купцов, промышленников, интеллигенции и служащих, что, разумеется, доказывает перемены, происходившие в то время в социально-экономической жизни страны [Джанджугазова, 2010].

Форсированное строительство железнодорожных магистралей и шоссейных дорог к концу столетия не только отразилось на стремительности возникновения дачных мест, но и способствовало изменению их дислокации на карте страны [Павлова, 1997]. Например, возникновение дачных домовладений в таких бывших пригородах Москвы, как Останкино, Химки, Петровско-Разумовское, Лосиноостровская или Пушкино, связано с развитием путей сообщения.

Рост дачного строительства привлек к себе внимание органов местного самоуправления, земств, которые в целях обеспечения противопожарной безопасности разрабатывали специальные правила по обязательной ширине дорог и дроблению территорий на кварталы. Очевидно подобные меры в редких случаях предотвращали воспламенения, тем не менее, выступали прообразами первых регулирующих дачный отдых нормативных правовых актов.

Однако нельзя сказать, что распространение дачных поселков по территории России носило планомерный характер. Более того, исследователи дачной жизни обращают внимание, что дачи «разбрасывались» по местностям хаотично, и определить четкую последовательность и логику их распределения даже для современной науки – задача сложная [Нащокина, 1994].

ИСТОРИЯ ДАЧНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В XX веке

На рубеже XIX–XX вв. дачники интегрировали в себе черты всех сословий, существовавших в последние десятилетия Российской империи, выступали мощным, подчиненным особым устоям

и традициям движением и позиционировали себя как влюбленных в «русскую дачу» представителей особых социальных категорий [Джанджугазова, 2010].

Удивительным образом, пусть и не без доли иронии, ярко и точно наступивший одновременно с научно-техническим прогрессом «дачный бум» описал и спрогнозировал в своей лирической комедии «Вишневый сад» А. П. Чехов: «...До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще и дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...» [цит. по: Чехов, 2017].

Подходя к разбору цитаты знаменитого русского писателя с точки зрения ретроспективного анализа, напрашивается закономерный вывод, что он был абсолютно прав, так как в конечном итоге усадебная культура трансформировалась в культуру дачную. Более того, «русская дача» как повсеместное явление, стало наследником усадебного образа жизни с его отличительными чертами и особенностями.

После революции 1917 г. дачи в большинстве своем перестали быть собственностью одного человека или одной семьи. Многие дачные участки были национализированы и стали использоваться в качестве санаториев, профилакториев и домов отдыха [Щепеткова, 2018]. Личные дачи были, во-первых, у представителей высшего советского руководства, а, во-вторых, выдавались в пользование особо отличившимся деятелям науки и культуры и отличникам труда.

Таким образом, например, был заселен поселок Переделкино. Считается, что И. В. Сталин приказал составить перечень из нескольких десятков самых талантливых и достойных советских писателей и выдать им по дачному участку в будущем элитном поселке Подмосковья [Венявкин, 2021]. В разные годы в Переделкине жили Б. Л. Пастернак, К. И. Чуковский, К. Г. Паустовский, Б. А. Ахмадулина, Б. Ш. Окуджава, Е. А. Евтушенко, Ф. А. Искандер, А. Н. Рыбаков и другие всемирно известные литераторы.

Смена окружающей действительности и отдых вблизи природных достопримечательностей являются ключевыми составляющими столь колоссальной популярности дачного отдыха. Однако потребность в выращивании сельскохозяйственных угодий также способствовала форсированному дачному строительству, особенно в советское время.

Так, в 1949 г. в связи с принятием Советом Министров СССР постановления «О коллективном

и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» было интенсифицировано развитие личного и коллективного садоводства. Более того, во времена хрущевской «оттепели» дачное строительство развивалось и распространялось по территории Союза еще с большей скоростью ввиду серьезных сложностей с продовольствием [Олейник, Гладкий 2016].

К классическим в своем роде принято относить «Писательские дачи» в Переделкине, Кратове или поселок художников на Соколе. Однако историческое дачное строительство было распространено не только в пределах крупных городов, например, Санкт-Петербурга или Москвы, но и на территориях многих областей Российской Федерации. Таким образом, это представляет собой не только огромный пласт для исследования историками, культурологами, краеведами и «дачеведами», но и возможность для развития въездного туризма и привлечения иностранных туристов в регионы для ознакомления с бытом и жизнью «загородного мира».

Любопытным фактом представляется наличие на карте России сформированных множеством дачных поселков своеобразных «дачных зон», сохраняющих самобытность и неповторимость Москвы и субъектов РФ. Ранее у каждого дачного места была своя особенная черта, выраженная природной достопримечательностью или проведением того или иного праздника, фестиваля или спортивного соревнования.

Являвшиеся в некотором роде дестинациями событийного туризма, такие дачные поселки, как Баковка (в настоящее время – микрорайон города Одинцово), Подосинки или, например, Быково были центрами проведения летних праздников, маскарадов и балов, куда съезжалась увлеченная творческая интеллигенция со всей страны.

В поселок Лосиноостровский тысячи людей приезжали на ярмарочные гуляния и привозили на лечение своих детей в местный санаторий, в Мамонтовку (в настоящее время – микрорайон города Пушкино) – обедать в ресторане «Астория», в Томилино – дегустировать кумыс, а в Малаховку – кататься на конно-железной дороге, пользовавшейся у дачников большой популярностью [Джанджугазова, 2010]. Следовательно, дачные поселки как культурно-развлекательные и оздоровительные центры занимали почетное место в жизни людей из соседних городов и регионов.

Более того, на дачах кипела не только культурно-творческая, но и спортивная жизнь. Любители активных видов спорта приезжали в Лосиноостровскую для занятия «сокольской» гимнастикой, в Косино и Сходню – для участия в футбольных

матчах, в Клязьму – для катания на велосипедах по специально обустроенным трассам.

Конец XX в. характеризуется тем фактом, что на законодательном уровне было введено понятие «дачное хозяйство», определяемое как некоммерческая организация, учрежденная гражданами на добровольных началах для содействия ее членам в решении общих социально-хозяйственных задач ведения садоводства, огородничества и дачного хозяйства¹. Следовательно, дачникам было разрешено кооперироваться на законных основаниях, например, в СНТ (садовые некоммерческие товарищества) или ОНТ (огороднические некоммерческие товарищества) для решения своих бытовых проблем и централизованного подхода при создании комфортных условий дачного отдыха.

Важнейшей особенностью дачного строительства конца 2-го тысячелетия является возвращение товарно-денежных отношений, вместе с которыми даче как таковой была возвращена первоначальная функция: места отдыха и восстановления здоровья. С развалом СССР советская дача претерпела изменения, но не вернулась в рамки классической «русской дачи» или «фазенды», столь любимых миллионами наших соотечественников, а стала феноменом новой России в восприятии загородной жизни и дачной повседневности, которую на западный манер называли «коттеджной» [Олейник, Гладкий, 2016].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день большинство старых дачных мест оказались внутри больших городов и мегаполисов, что, с точки зрения многих историков и краеведов, негативным образом сказывается на их сохранении как объектов историко-культурного наследия тех времен. В Москве к ним принято относить Сокольники, Перово, Новогиреево, Сокол или район Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева.

К сожалению, сотни образцов классической «русской дачи» сгорели или рассыпались под воздействием времени, были разграблены или трансформированы в постоянное жилье, а их владельцы погибли или эмигрировали. Однако туристы, исследователи и все интересующиеся могут познаться поближе с дачной жизнью конца XIX – начала XX вв., посетив Малаховку, Салтыковку,

¹Федеральный закон Российской Федерации «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15 апреля 1998 г. №66-ФЗ // Справочная правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12111288/>

Тарасовку, Переделкино, Перловку, Кратово или Новогириево – близ Москвы.

Со стародавними местами в других субъектах России дела обстоят сложнее, так как они редко связаны с именами известных людей, а популяризаторская деятельность органами региональной власти, средствами массовой информации или, например, деятелями туристского бизнеса практически не проводится. Тем не менее особенности возникновения и развития дачной культуры в классическом ее понимании на территории всей страны схожи с ее особенностями возникновения и развития в московском регионе или вокруг северной столицы.

Таким образом, принято выделять следующие этапы дачного строительства:

1. Появление первых дач в Санкт-Петербурге и в его пригородах, в Москве и области, а также в регионах Российской империи. Первый этап охватывает годы с начала XVIII в. до XX столетия, когда произошел коренной перелом в социально-экономическом и политическом режимах страны.
2. В конце 1990 – начале 2000-х гг. классические дачи преобразовывались в массовую

коттеджную застройку, в случаях, если владельцы имели уровень дохода «выше среднего» и «высокий». Ими были заняты наиболее ценные земли в пригородных зонах, преимущества которых были выражены в выгодном географическом положении и развитой инфраструктуре. Процесс формирования коттеджных поселков еще не завершен. Вполне возможно, что в будущем они также станут частью всем понятной и наполненной глубоким смыслом «русской дачи», однако на сегодняшний день они не обладают ни социально-экономическим, ни культурно-философским смыслом, а являются лишь типом загородного жилья нового, стремительно развивающегося века.

Подводя итог, отметим, что дача, дачная культура и дачное хозяйство по своей роли в повседневной жизни граждан России – это один из важнейших институтов российского общества. Эволюция дачи как социокультурного феномена, института и второго жилья продолжается и попадает под влияние множества факторов. Тем не менее не поддается сомнению, что в будущем дачи по-прежнему будут объединять людей всех возрастов, мировоззрений и уровней дохода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Браде И. Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с запада // Известия Российской Академии Наук. Серия географическая. 2014. № 4. С. 33–38.
2. Джанджугазова Е. А. Дачная культура или национальные особенности отдыха // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. №2. С. 80–84.
3. Нефедова Т. Г., Савчук И. Г. Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия Российской Академии Наук. Серия географическая. 2014. № 4. С. 39–48.
4. Трейвиш А. И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия Российской Академии Наук. Серия географическая. 2014. № 4. С. 22–32.
5. Черных О. И. Русская дача как социально-культурный феномен // Преподаватель года – 2020. 2020. С. 185–194.
6. Фурман П. Р. Энциклопедия русского городского и сельского хозяина – архитектора, садовода, землемера, мебельщика и машиниста. СПб. : В. Поляков, 1842.
7. Бойко В. П. Роль московско-сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. // Вестник Томского Государственного университета. История. 2012. №2(18). С. 45–48.
8. Говард Э. Города будущего. СПб. : Общественная польза, 1911.
9. Павлова Т. Г. К истории подмосковных дач // Московский журнал. 1997. С. 53–56.
10. Нащокина М. В. Гости съезжались на дачу // Памятники Отечества. 1994. № 1–2. С. 192.
11. Чехов А. П. Вишневы сад. М. : Эксмо, 2017.
12. Щепеткова И. О. Пермские дачи: история и характерные особенности // Географический вестник Пермского государственного национального исследовательского университета. 2018. № 2(45). С. 71–87.
13. Венявкин И. История Переделкина в 15 цитатах // Электронный журнал «Arzamas». URL: <https://arzamas.academy/materials/2301>
14. Олейник В. Д., Гладкий А. В. Этапы развития и стадии формирования пригородных зон // Псковский региональный журнал. 2016. № 1(25). С. 31–44.

REFERENCES

1. Brade, I. (2014). Between dacha and up-market residency. View from the west. Izvestia of Russian Academy of Sciences. Geographic series, 4, 33–38. (In Russ.)

2. Dzhandzhugazova, E. A. (2010). Dachа culture or national holiday features. Current service and tourism issues, 2, 80–84. (In Russ.)
3. Nefedova, T. G., Savchuk I. G. (2014). Second exurban residences of citizens in Russia and Ukraine: evolution of dachas and trends of their post-soviet changes. Izvestia of Russian Academy of Sciences. Geographic series, 4, 39–48. (In Russ.)
4. Treivish, A. I. (2014). Dachа studies” as a science on second home in the west and in Russia. Izvestia of Russian Academy of Sciences. Geographic series, 4, 22–32. (In Russ.)
5. Chernykh, O. I. (2020). The Russian dacha as a socio-cultural phenomenon. Teacher of the Year–2020, 185–194. (In Russ.)
6. Furman, P. R. (1842). Entsiklopediya russkogo gorodskogo i sel'skogo khozyaina – arkhitekтора, sadovoda, zemlemera, mebel'shchika i mashinista (Encyclopaedia of the Russian urban and rural master – architect, gardener, surveyor, furniture maker and machinist). St. Peterburg : V. Polyakov. (In Russ.)
7. Boyko, V. P. (2012). The role of moskow-siberian tract in economic and cultural development of siberia in the XIX century. Vestnik of Tomsk State University. History, 2(18), 45–48. (In Russ.)
8. Govard, E. (1911). Goroda budushchego (Cities of the future). St. Peterburg : Obshchestvennaya pol'za. (In Russ.)
9. Pavlova, T. G. (1997). Towards a history of dachas near Moscow. Moscow magazine, 53–56. (In Russ.)
10. Nashchokina, M. V. (1994). Guests were coming to dacha. Monuments of the Fatherland, 1–2, 192. (In Russ.)
11. Chekhov, A. P. (2017). Vishnevyy sad (The Cherry Orchard). Moscow : Eksmo. (In Russ.)
12. Shchepetkova, I. O. (2018). Perm dachas: history and characteristic features. Geographical Vestnik of Perm State National Research University, 2(45), 71–87. (In Russ.)
13. Venyavkin, I. The history of Peredelkino in 15 quotations. Electronic journal «Arzamas». <https://arzamas.academy/materials/2301> (In Russ.)
14. Oleynik, V. D., Gladkey, A. V. (2016). Stages of formation and development of suburban areas. Pskov journal of regional studies, 1(25), 31–44. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левицкая Евгения Александровна

Студентка II курса магистратуры направления подготовки «Туризм»
Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levitskaya Evgeniya Alexandrovna

Master degree 2nd year student of educational program «Tourism»,
Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию 03.03.2022
одобрена после рецензирования 07.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 03.03.2022
approved after reviewing 07.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_121

Антивоенное движение против «ракетных кризисов»

И. В. Михайлин

Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва
mikhailin.igor@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает негативные для безопасности России итоги 23 лет расширения НАТО на Восток. Перечислены выдвинутые в декабрьских (2021) документах МИД РФ требования, которые в случае их выполнения США и НАТО способны обеспечить юридические гарантии безопасности России. Названы также меры, которые могут быть приняты Россией в случае их игнорирования. Сопоставлены критические для отношений СССР / РФ-коллективный Запад ситуации в начале 1982 и 2022 гг. для обоснования их оценки как «ракетных кризисов». Сделан анализ протестных выступлений отрядов антивоенного движения в Испании, Италии, Греции в 1980-е годы и американских сторонников мира в начале 2022 года.

Ключевые слова: юридические гарантии безопасности, военная инфраструктура НАТО, «ракетный кризис», антивоенное движение, «безъядерная зона»

Для цитирования: Михайлин И. В. Антивоенное движение против «ракетных кризисов» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 121–129. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_121

Original article

Anti-War Movement Against “Rocket Crises”

Igor V. Mikhailin

Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow
mikhailin.igor@mail.ru

Abstract. Article discloses negative results for Russia security after 23 years history of NATO expansion to the East. It enumerates Russia Foreign Affairs Ministry demands, exposed in its December (2021) papers, which in case they are implemented by USA and NATO, may provide Russia with security juridical guarantees. Article also calls measures which may be taken by Russia in case the demands are ignored. It correlates critical for USSR / RF-collective West situations emerged in 1982 and 2022 which serve as a ground to name them «rocket crises». Analysis is made of antiwar vanguards activities in Italy, Spain and Greece in 80-s last century as well as US peace actions supporters at the beginning of 2022.

Keywords: security juridical guarantees, NATO military infrastructure, missile crises, antiwar movement, «nuclear weapon free zone»

For citation: Mikhailin I. V. (2022). Anti-war movement against “rocket crises”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 121–129. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_121

ВВЕДЕНИЕ

Начало 2022 года отмечено самым острым противостоянием России и коллективного Запада со времени формального прекращения холодной войны (1989). Нерв противостояния кроется в диаметрально противоположных подходах России, с одной стороны, США и руководства блока, с другой, к вопросу расширения НАТО на Восток. В России позиция неприятия расширения выстраивалась с учетом следующих соображений. НАТО, как показали события после самороспуска Организации Варшавского Договора, дезинтеграции СССР и отказа России от коммунистической идеологии, не изменила своей природы как враждебной силы по отношению к нашей стране. Аналитики составили прогноз, согласно которому НАТО начнет расширение в восточном направлении, распространит свою зону ответственности на Восточно-Европейский регион и будет стремиться к политическому и военному закреплению своего превосходства над Россией. Он полностью подтвердился. Со своей стороны, США, воспользовавшись слабостью России, добились почти двукратного (с 16 до ныне 30) увеличения членского состава НАТО за счет государств Центрально-Восточной Европы и Балтии. Каждая из пяти волн расширения альянса создавала новые геополитические вызовы, военные угрозы России, наносила имиджевый ущерб.

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ РОССИИ

В результате границы Североатлантического блока передвинулись более, чем на 1000 километров на Восток, что обеспечило ему возможность использовать нестратегические вооружения для поражения целей на территории нашей страны. В распоряжение НАТО перешло значительное количество объектов инфраструктуры на территории восточно-европейских стран. Арсенал альянса значительно увеличился за счет вооружений и военной техники бывших стран – участниц Организации Варшавского договора (ОВД). НАТО получила доступ к новым портам Балтийского и Черного морей, расширив тем самым оперативные возможности военно-морских сил альянса. Текущее обострение противостояния связано с тем, что США выступают за дальнейшее расширение НАТО и лоббируют прием в этот блок Украины и Грузии. При этом Вашингтон и руководство блока ссылаются на зафиксированное в Хартии европейской безопасности «право свободно выбирать или менять способы обеспечения своей безопасности,

включая союзные договоры»¹. Против расширения НАТО за счет новых членов решительно выступает Россия. Наша страна рассматривает уже начавшееся военное освоение альянсом территории Украины (в Очаково и Бердянске ведутся работы по строительству военных баз) и Грузии (порт Анаклия выбран плацдармом для будущей базы ВМС США) через призму ущемления собственной безопасности. Россия ссылается на содержащееся в том же документе положение, согласно которому право каждой страны на свободный выбор способа обеспечения своей безопасности обусловлено тем, что государства – участники ОБСЕ «не будут укреплять свою безопасность за счет безопасности других государств»². Поскольку под этим документом стоит подпись президента Б. Клинтона, действия США по содействию приему в НАТО новых участников имели своим следствием укрепление безопасности одних стран – членов ОБСЕ за счет ослабления безопасности другого государства-члена – России. Эти действия Вашингтона противоречат не только упомянутому положению Хартии европейской безопасности, но и ключевому принципу, закрепленному в другом основополагающем документе ОБСЕ – Парижской Хартии для новой Европы: «Безопасность неделима и безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех остальных».

РОССИЙСКИЕ ОЗАБОЧЕННОСТИ

Россия сформулировала свою озабоченность в обнародованных МИД РФ 17 декабря 2021 года проекте Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности и проекте Соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора³. Главные требования России по юридическим гарантиям своей безопасности сводятся к следующему: исключить дальнейшее расширение НАТО на Восток, отказаться от развертывания натовских сил, ударных и ракетных установок вблизи российских границ, вернуть военную инфраструктуру НАТО в районы, где она находилась по состоянию на 1997 год.

¹Стамбульский документ 1999 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/f/125811.pdf> p.5

²Там же, с.5

³Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/

Почему за точку отсчета взят 1997 год? Дело в том, что 27 мая 1997 года был подписан Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО. На момент подписания документа на территории новых государств-участников, которыми впоследствии стали государства-участники самораспустившегося Варшавского договора и вновь образовавшиеся страны, в недавнем прошлом республики бывшего СССР, инфраструктура НАТО полностью отсутствовала. В этом документе, носившем консультативный характер, страны НАТО заявляли об отсутствии у них намерений размещать на территории новых членов ядерное оружие, создавать новые и переоборудовать старые объекты его хранения, что они не предвидят необходимости делать это и в будущем. Однако в дальнейшем США, руководство НАТО перестали соблюдать положения Основного акта. В конце 2021 г. США и руководство Североатлантического альянса предприняли попытки перевести в практическую плоскость вопрос о приеме Украины в состав блока.

На таком фоне во второй декаде января 2022 г. в Женеве, Брюсселе и Вене состоялись три раунда обсуждения российских предложений. В ходе переговоров западная сторона обозначила готовность обсуждать второстепенные вопросы, но отказалась учитывать главные требования России. Предвидя такое развитие событий, Россия подготовила ответ. Его озвучил в эфире телеканала «Россия – 24» К. Гаврилов, руководитель российской делегации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контролю над вооружениями: «...в противном случае альтернатива – военно-технические и военные меры России, создание для альянса контругроз» (*Глава делегации в Вене назвал варианты ответа при давлении НАТО на Россию. РБК.20.12.2021*).

Используя обострение отношений из-за выдвинутых Россией требований, коллективный Запад взял курс на возврат в максимально жестком варианте к таким сопутствующим классической холодной войне деяниям, как нежелание считаться с законными интересами оппонента, в первую очередь в сфере безопасности, ужесточение торгово-экономических санкций, раскручивание информационной «войны» без правил посредством выдвижения бездоказательных обвинений с целью демонизации России и ее руководства. Сложившееся в начале третьего десятилетия XXI в. состояние отношений между Россией и коллективным Западом можно с полным основанием охарактеризовать как «холодная война 2.0».

Анализ результатов более чем двадцатилетнего расширения НАТО на Восток дает основания для

вывода, что главная цель США и НАТО изначально состояла в продолжении за счет новых стран-членов курса на окружение России военными базами и объектами, своего рода ее «окольцовывания». Став членами НАТО, некоторые государства ЦВЕ разместили на своих территориях ударные и ракетные системы вооружений. В Польше установлены американские зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот», в Румынии уже стоят на боевом дежурстве 24 новейшие ракеты SM-3. В Словакии, Венгрии и Болгарии размещены передовые координационные центры НАТО. Официально признанные НАТО в качестве претендентов «на вход» Босния и Герцеговина, Грузия и Украина выполнили планы подготовки к членству, а первые две страны могут заниматься подбором площадок для размещения компонентов военной инфраструктуры Североатлантического альянса. Страны, которые уже согласились на размещение или собираются принять на своей территории новейшие системы вооружений в интересах НАТО, в случае крайнего обострения обстановки сами могут стать объектами для ответного удара. Противоборство со столь высокой концентрацией нацеленных друг на друга ракетных и ударных систем вооружений, размещенных США и НАТО в восточноевропейских странах, с одной стороны, и России, с другой, можно, хотя и с некоторой долей условности, назвать новым «ракетным кризисом».

Угроза безопасности России, связанная с появлением вблизи ее границ ядерного оружия, пришла с неожиданной стороны. В своем выступлении 19 февраля 2022 г. на Мюнхенской конференции по разоружению президент В. Зеленский заявил о намерении вернуть Украине ядерный статус. Эта угроза, в числе других факторов, ускорила принятие Президентом РФ В. В. Путиным решения о начале 24 февраля 2022 г. специальной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

ТРИ «РАКЕТНЫХ КРИЗИСА» ЗА 60 ЛЕТ

Известно, что история циклична и в ней могут повторяться ситуации, возникавшие ранее. Нынешний «ракетный кризис» уже третий в послевоенной истории. Первый случился в 1962 г. и более известен, как Карибский кризис. Тогда в ответ на размещение в Италии и Турции американских ракет, способных поражать жизненно важные объекты на территории СССР, тогдашнему руководителю нашей страны Н. Хрущеву удалось договориться с кубинским лидером Фиделем Кастро о скрытной переброске и установке на Острове Свободы советских ракет. Первый «ракетный кризис» едва не

завершился Третьей мировой войной. Второй «ракетный кризис» был связан с реализацией, начиная с января 1982 г., решения Совета НАТО (декабрь 1979 г.) о размещении в ряде стран Западной Европы около 600 ракет средней дальности и крылатых ракет «Першинг», нацеленных на жизненно важные центры СССР, в качестве ответной меры на произведенное ранее советским военно-политическим руководством обновление ракет, расположенных в северо-западных районах страны. Он стал апогеем «холодной» войны и был урегулирован после односторонних уступок, инициированных новым советским лидером М. Горбачевым.

У трех «ракетных кризисов» много общего. Те же самые международные акторы – НАТО и США, с одной стороны, СССР / РФ – с другой. Один инструмент устрашения – ракеты. Единая цель – создать угрозу безопасности, запугать оппонента и тем самым принудить его к односторонним уступкам. Схожи и ответные меры, которые руководители бывшего СССР и современной России зарезервировали на тот случай, если политико-дипломатические возможности урегулирования окажутся исчерпанными. В 1983–1984 гг. СССР предпринял действия, которые, в контексте сегодняшних реалий, можно оценить как военно-технические меры. На территории ныне уже не существующих государств – ГДР и Чехословакии, были размещены ракетные комплексы повышенной дальности. Кроме того, советские подводные лодки, оснащенные ядерным оружием, были подведены к западному и восточному побережьям США с целью создания угроз, сопоставимых с теми, которые главный противник создал для нашей страны.

Помимо схожести упомянутых субстантивных черт «ракетные кризисы», в первую очередь 1982 и 2022 гг., сближает еще один значимый фактор. Речь идет о во многом идентичной реакции широких слоев общественности стран Запада на решения и действия США и НАТО. Эта реакция проявилась в протестных выступлениях сторонников мира в разных странах. Присутствовала эта реакция и в кризисе 1962 года, хотя в существенно меньших масштабах из-за скрытого от глаз широкой общественности развития событий и их быстрой развязки. Истинные масштабы нависшей тогда над человечеством катастрофы стали известны после того, как по логике развития событий оно уже должно было погибнуть.

АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ И В МИРЕ

«Значимым фактором» выше названо антивоенное движение, вобравшее в себя антимилитаристов, пацифистов, всех противников насилия в мире.

Именно значимым, потому что в общественно-политической жизни XX века сформировавшееся из представителей разных сегментов западного общества антивоенное движение сыграло заметную роль. Возникнув как самостоятельная сила на волне воспоминаний об ужасах Первой мировой войны, пацифисты стран Европы, в числе других факторов, подтолкнули своей активностью страны Запада принять на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. решение о сокращении военно-морских вооружений. Действовавшие в 1920–1930-е гг. в большинстве случаев независимо друг от друга, хотя иногда и параллельно, национальные отряды пацифистов, трудящихся, профсоюзных активистов, представителей свободных профессий, под антивоенными лозунгами способствовали формированию тенденции к относительной демократизации международных отношений.

Самый массовый подъем антивоенного движения пришелся на первую половину 1980-х гг. По многим странам на разных континентах в 1981, 1982, 1983 гг. прокатились «Марши мира» с активным участием представителей молодежных, рабочих, профсоюзных, женских организаций, объединений верующих. На встрече 22 марта 1985 г. советского лидера М. Горбачева с делегацией Консультативного Совета Социалистического Интернационала по разоружению было констатировано, что «антивоенное движение стало крупной общественно-политической силой во многих странах» (*Правда*, 23.03.1985). Главная смысловая нагрузка в этой оценке заложена в словах «крупная общественно-политическая сила» и «во многих странах».

Появление в лице антивоенного движения такой крупной общественно-политической силы вызвало в странах Запада противоречивые оценки. Были среди них и такие, кто был склонен усматривать в антивоенном движении только «руку Москвы», «происки коммунистов». Контрастом по отношению к этим оценкам выглядит суждение одного из видных представителей элиты американской дипломатии, а после выхода в отставку авторитетного аналитика Дж. Кеннана. «Это движение тем более впечатляет, что оно совершенно спонтанно, а его размах таков, что соответствующие правительства не могут закрывать на него глаза. Оно является в значительной мере реакцией на негативные последствия политики «холодной войны», не дающей иной перспективы, кроме сохранения до бесконечности политической напряженности и ядерной угрозы» [Kennan, 1982]. Главное, на что обратил внимание Дж. Кеннан – это объективный характер становления антивоенного движения, возникшего как реакция на политику холодной войны.

Выше уже упоминалось, что антивоенное движение действовало во многих странах. В настоящей статье автор намерен рассмотреть проявившего себя в конкретных акциях антивоенное движение в странах Южной Европы – Испании, Италии и Греции.

В Испании антивоенное движение заявило о себе как потенциально крупная сила с начала 80-х гг. XX в. и развивалось по нарастающей по мере приближения сроков размещения (1982) в соответствии с решением Совета НАТО американских ракет в Западной Европе. Во всем мире это с тревогой оценивалось через призму возможного американо-советского ракетного противостояния. Тревоги испанской общественности усиливались в связи со взятым с февраля 1981 г. курсом правящего правительства Л. Кальво Сотело на втягивание страны в НАТО, членом которой Испания стала в середине 1982 г. Осознание опасности, сопряженной с атлантическим членством страны, придавало антивоенным выступлениям четко выраженную антинатовскую направленность.

За сравнительно короткий срок в испанском антивоенном движении произошли количественные и качественные изменения. Оно становилось более многочисленным благодаря участию в выступлениях под антивоенными и антинатовскими лозунгами представителей различных социальных групп. Постепенно расширялась «география» антивоенных выступлений. Подключение к ним ранее остававшихся пассивными созерцателями женских организаций, верующих, представителей свободных профессий расширяло ряды борцов за мир. Постепенно повышалась боевитость антивоенных манифестантов. Устойчивой тенденцией стал тренд на варьирование форм проведения антивоенных мероприятий – организация митингов, демонстраций протеста, созыв конференций, участие в национальных и международных форумах, выпуск агитационных материалов антинатовской направленности и др. При этом устойчивой тенденцией оставался выбор наступательных форм антивоенной борьбы. Наиболее эффективным с точки зрения пропагандистской отдачи было объявление целых муниципальных округов «территориями, свободными от ядерного оружия».

Важным качественным изменением стал рост сознательности участников антивоенного движения. Это проявилось в выдвижении лозунгов общеевропейского звучания – очищение европейского континента от завезенных по натовскому вердикту ракет «Першинг», и это при том, что размещение этих ракет в самой Испании не предусматривалось. Все чаще в перечне антивоенных лозунгов стало появляться требование роспуска военных блоков

НАТО и ОВД (*Tiempo de paz. Madrid. 1984. № 1, p. 47*). Весомый вклад в содействие повышению роста сознательности антивоенных активистов и участников вносили левые партии – Компартия Испании и Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), находящиеся под их преобладающим влиянием профсоюзы Рабочие комиссии и Всеобщий союз трудящихся, деятельность которых в Испании в сравнении с другими государствами Западной Европы более политизирована.

Еще одним показателем возросшей к середине 1980-х гг. сознательности и зрелости испанского антивоенного движения стали импульсы к налаживанию взаимопонимания и координации действий в масштабе отдельного региона, а позже и в национальном масштабе. В 1984 и 1985 гг. в Барселоне состоялись региональные конференции пацифистских организаций. В 1984 г. был учрежден Общенациональный координационный комитет антивоенных организаций, объединивший около 50 объединений пацифистской и антивоенной направленности. В рамках антивоенных мероприятий, проводившихся перед назначенным правительством социалистов на 12 марта 1986 г. референдумом по вопросу о сохранении членства Испании в НАТО, возникла Гражданская платформа за выход из Североатлантического альянса. Усилия Гражданской платформы были заточены на проведение антинатовской агитации испанской общественности в общенациональном масштабе.

Устойчивой чертой антивоенного движения в Испании всегда была антиамериканская направленность. В стране в 1980-е гг. находились три военно-воздушных и одна военно-морская базы США. Подавляющее большинство испанцев убеждены, что, по меньшей мере, на одной из них, конкретно базе ВМФ в Роте, хранится ядерное оружие. Именно поэтому проводившиеся под антиамериканскими лозунгами протестные акции собирали большое число участников. Наиболее массовыми из них были «марши на Торрехон» (местонахождение американской базы ВВС вблизи Мадрида) с участием десятков тысяч человек. Требования вывода американских баз с испанской земли остаются и сегодня самыми устойчивыми лозунгами антивоенных выступлений в Испании.

Боевой отряд антивоенного движения сложился в Греции. Главной действующей силой и самой массовой организацией в 1980-е гг. был Греческий комитет за международную разрядку и мир. Свою деятельность в защиту международной разрядки и мира этот комитет выстраивал с учетом сложившейся степени вовлеченности Греции в военно-блоковую систему Запада и ее особенностей.

Страна была полностью вовлечена в военные приготовления Запада, о чем свидетельствует такая особенность, как присутствие многочисленных американских военных объектов, доступных для использования также и НАТО. С учетом этой особенности Греческий комитет организовывал и координировал протестные выступления греческих сторонников мира в антиамериканской и антинаатовской тональности. Приобрели популярность регулярно проводившиеся «цепочки мира» вокруг Акрополя. Греческие антивоенные активисты заимствовали из арсенала борьбы испанских антимилитаристов такую форму выражения своих протестных настроений, как марши к местам расположения американских военных объектов с требованиями их немедленного вывода с греческой земли. Мобилизующий характер имело и проведение греческими антивоенными активистами «декад мира». Широкое распространение приобрело распространение агитационных и пропагандистских материалов. Красной нитью в них проходил тезис о том, что присутствие американских военных баз и объектов не только создает для Греции опасность быть втянутой вопреки ее национальным интересам в военные конфликты, но и ограничивает возможности для проведения самостоятельной внешней политики.

Большого размаха достигло антивоенное движение в Италии. В этой стране сложилась наиболее разветвленная сеть военных баз и объектов США в Южной Европе. Именно в Италии в окрестностях Комизо, где находится американская военная база, были отмечены наиболее массовые выступления итальянских сторонников мира, когда осенью 1983 – весной 1984 гг. во исполнение решения Совета НАТО началось размещение новых американских ракет. Как в Испании и Греции, широкое распространение в Италии получило движение за объявление коммун и муниципалитетов безъядерными зонами.

На основании изложенного можно сделать вывод, что антивоенное движение в странах Южной Европы в 80-е гг. прошлого века превратилось во влиятельную общественно-политическую силу. Между тем вопрос об определении эффективности антивоенного движения относится к числу слабо изученных. Из числа известных публикаций наиболее полно этот вопрос разработан в трудах люксембургского исследователя А. Клесса и американского политолога У. Холла. Они выделяют следующие критерии: влияние, оказываемое на широкие круги общественности; влияние на органы местной власти, влияние, оказываемое на политические партии и парламенты; влияние на органы исполнительной власти (правительство) [Peter van

den Dungen, 1985]. Приведенная система представляется уместной для оценки по названным критериям степени эффективности антивоенного движения в Испании как наиболее полно представленного в настоящей статье.

Разительные перемены произошли в общественном сознании под воздействием антивоенных выступлений и разъяснительной работы левых партий и профсоюзов. Именно в Испании был отмечен наивысший показатель (61 %) высказавшихся против использования ядерного оружия, 74 %, больше, чем в любой стране, высказалось против размещения в Западной Европе американских ракет, хотя в Испании их установка не планировалась.

Значительных успехов антивоенное движение в Испании добилось в оказании влияния на местные органы власти. К середине 1980-х гг. более 60 % муниципалитетов, включая мадридский, постановили объявить свои округа безъядерными зонами, что предусматривало запрет на размещение и транспортировку ядерного оружия на этих территориях (*El Pais*, 27.11.1983).

О влиянии антивоенного движения на политические партии можно судить по ИСРП, в частности по выполнению заявленного в ее партийной программе перед парламентскими выборами 1982 г. обещания провести «в свое время» референдум по вопросу сохранения членства Испании в НАТО. На каком-то этапе в руководящем партийном органе – Федеральном комитете возник раскол, большая его часть на заседании 21 декабря 1985 г. настояла на принятии решения о том, что результаты этого плебисцита «не могут быть обязательными ни с законодательной, ни с конституционной точек зрения». Позицию других членов – «критического крыла» состояла в отстаивании необходимости проведения референдума и признании его результатов обязательными для выполнения. Эта позиция получила мощную поддержку антинаатовского движения. Так получилось, что именно твердая позиция всех антимилитаристских активистов, недвусмысленно проявившаяся в манифестациях в поддержку референдума, сыграла решающую роль в его проведении. Референдум состоялся 12 марта 1986 г. Вынесенный на голосование вопрос был составлен очень хитро: считаете ли возможным, чтобы Испания оставалась членом НАТО при следующих условиях: 1) неучастия в военной организации блока; 2) запрещения установки, хранения и ввоза ядерного оружия на национальную территорию; 3) сокращения военного присутствия США в Испании. Большинство участвовавших в референдуме посчитали заявленные условия хорошей компенсацией за сохранение членства Испании в НАТО и ответили на заданный вопрос утвердительно.

В 90-е гг. XX и «нулевые» XXI вв. антивоенное движение не только в странах Южной Европы, но и во всем мире несколько снизило свою организаторскую и мобилизационную активность. Не претендуя на исчерпывающее объяснение этого феномена, ограничусь изложением своего понимания его причин. С одной стороны, неизменным остается желание людей жить в мире без войн, военного противостояния, в чем как раз и состоит цель антивоенного движения. С другой стороны, само антивоенное движение находилось под влиянием разных факторов. Научно-техническая и информационная революции подарили человечеству компьютеры и социальные сети, но в то же время до минимума сократили межличностное общение, ослабили тягу к сплочению, которые и способствуют формированию общности людей, объединенных антивоенной идеей. Международная обстановка. Преобладание в ней тренда на снижение международной напряженности: совместное заявление лидеров сверхдержав об окончании «холодной» войны, относительная отстраненность России в 90-е гг. прошлого и до начала второго десятилетия нынешнего века от активного участия в международной политике, непродолжительный и в основном бесконфликтный период однополюсного мира. Короткие вспышки региональной напряженности (бомбардировки Югославии, акты агрессии против Ирака, Ливии) вызывали недолгие всплески активности противников вооруженного насилия. Еще одно наблюдение сводится к тому, что о войне (насилии) говорят везде и постоянно, а о мире вспоминают не часто. Война (насилие) выгодно и быстро «продается» в политике и особенно в экономике, борьба за мир, мирное урегулирование проблем требует долгих, напряженных усилий без гарантии на успешный результат. Насилие (война) доминирует в средствах массовой информации, гарантируя повышенное внимание потребителей, тогда как формирование картины мира по этому параметру проигрывает. Фальсификация истории в учебных программах в школах и высших учебных заведениях, показ отдельно взятой страны в образе врага затрудняют усилия по налаживанию с ней в будущем мирных отношений.

Современный этап антивоенного движения продолжает традиции, заложенные прежними поколениями пацифистов и антимилитаристов. Каждый год во многих странах проводятся митинги в память о погибших от атомных бомбардировок США 6 и 9 августа 1945 г. в Хиросиме и Нагасаки. Главными лозунгами движения, которое после самороспуска ОВД приобрело четко выраженную антинатовскую направленность, остаются

требования сокращения ядерных арсеналов, ликвидация военных блоков; появился и новый слоган – неприятие военного измерения Евросоюза. Неизменной остается высокая массовость движения. В XXI в. зарегистрирован и занесен в книгу Гиннеса рекорд массовости антивоенного митинга 13 февраля 2003 г. в Риме с осуждением готовившейся агрессией США в Ираке – 3 млн человек, а число участников всех форм протеста в мире составила более 15 млн человек. Устойчивой тенденцией остается расширение числа координирующих структур антивоенного движения в разных странах, создаваемых на долговременной основе и под конкретную военно-политическую ситуацию. Организация «Остановить военную коалицию» возникла для борьбы против несправедливых войн, а самую многочисленную в истории Великобритании манифестацию организовала 15 февраля 2003 г., протестуя против готовившейся англо-американской интервенции в Ираке.

Свою миссию международное антивоенное движение усматривает не только в придании антиядерной направленности протестному потенциалу своих сторонников. Сторонники мира во всех странах внесли своими действиями и пропагандистскими мероприятиями (литературные, художественные и кинематографические произведения, создаваемые самими антимилитаристами или им сочувствующими) интеллектуальный и морально-политический вклад в заключение в 2017 г. под эгидой ООН Договора о запрещении ядерного оружия. Ст. 1 этого документа гласит, что «каждое государство-участник обязуется никогда не разрабатывать, не испытывать, не производить, не приобретать... и не накапливать ядерное оружие».

Участники антивоенного движения, получая едва ли не ежедневно в свой адрес от западных СМИ обвинения в том, что, действуя «по указке Москвы», они подрывают стабильность в своих странах и в мире, научились безошибочно определять истинных виновников международной напряженности. Бельгийская пацифистская организация «Действия в поддержку мира» организовала 2 апреля 2012 г. символический штурм штаб-квартиры НАТО в Брюсселе, протестуя против использования сил альянса в Ливии (2010) и требуя их вывода из Афганистана. К акции присоединились пацифисты еще из восьми стран Западной Европы. В марте 2008 г. также «штурмом» Штаб-квартиры НАТО пацифисты напомнили мировой общественности о 5-й годовщине англоамериканской интервенции в Ираке (*НАТО отбило нападение. Коммерсант. 02.04.2012*).

Обнародование в декабре 2021 года в российских и западных СМИ документов МИД РФ,

адресованных США и НАТО, вызвало оживление антивоенных настроений. Первыми отреагировали на эти документы американские сторонники мира. Ознакомившись с ними по альтернативным американским новостным каналам, многие отметили непривычную твердость содержащихся в них требований. Обратили внимание и на заявленную готовность России, в случае отказа США и НАТО удовлетворить ее главные требования, применить военные и военно-технические меры. Не забыли американцы и о размещении в 1962 г. советских ракет на Кубе, о появившихся с того времени у России и других возможностях в некоторых странах западного полушария. Вспомнили и слова российского лидера о том, что Москва в случае необходимости готова нанести ракетные удары по центрам принятия решений, главные из которых расположены как раз в США. Сложили, что называется, «два плюс два» и поняли, что надо начинать действовать.

27 января 2022 г. перед Белым домом в Вашингтоне прошел антивоенный митинг под лозунгами «НЕТ войне с Россией», «Распустите НАТО». В подготовке и проведении митинга приняли участие пацифистские, феминистские организации, радикальное движение темнокожих за мир и др. 2 февраля 2022 г. 12 общественных организаций США, в том числе Партия социалистического единства, антивоенная группировка «Женщины за мир», Объединенная национальная антивоенная коалиция и др., поставили свои подписи под призывом провести

с 4 по 11 февраля 2022 г. Национальные дни протестных действий против войны США с Россией и Донбассом. В призывах сформулированы также требования прекратить военную помощь Украине, вывести с ее территории всех инструкторов США и НАТО и подписать представленные Россией документы, касающиеся европейской безопасности. В отдельный пункт выделено требование распустить НАТО (*Активисты в США планируют 9 дней проводить митинги против войны НАТО с Россией и Донбассом. Минская Правда.02.02.2022*). В первый же день протестных действий антивоенные митинги под лозунгами «НЕТ войне с Россией», «НЕТ НАТО» прокатились по 11 штатам США. Антивоенные лозунги вперемешку с требованиями отказа от антиковидных ограничений присутствовали и в массовых выступлениях, прокатившихся в первые недели 2022 г. по ряду стран Европы.

Своими протестными выступлениями антивоенное движение напомнило о себе как о влиятельной общественно-политической силе. Накопившие в противоборстве со многими политическими режимами в разные исторические периоды опыт борьбы против вооружений и насилия антимилитаристы и пацифисты стран Европы, Азии, Австралии и обеих Америк показывают, что у них хватит решимости и настойчивости, чтобы вместе с другими миролюбивыми силами воспрепятствовать скатыванию отношений между Россией и коллективным Западом к критической черте с непредсказуемыми последствиями для человеческой цивилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kennan G. F. The nuclear delusion: Soviet-American relations in the atomic age, New York: Pantheon Books, 1982.
2. Peter van den Dungen. West European pacifism and the Strategy for peace. Basingstoke: London, 1985.

REFERENCES

1. Kennan, G. F. (1982). The nuclear delusion: Soviet-American relations in the atomic age, New York: Pantheon Books.
2. Peter van den Dungen (1985). West European pacifism and the Strategy for peace. Basingstoke: London.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлин Игорь Викторович

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailin Igor Viktorovich

Doctor of History (Dr. habil), Prof., Professor, Department of the Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.03.2022
одобрена после рецензирования 01.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 03.03.2022
approved after reviewing 01.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_130

История развития культурных отношений между Ираном и Россией

Х. И. Ноибахуш

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
hossein.noeebahoosh@gmail.com

Аннотация. За последнюю четверть века российско-иранские отношения значительно изменились в контексте политики в Исламской Республике Иран, которая охватывает развитие и распространение историко-культурного наследия в ряде стран, в том числе и в России. Сам Иран противится внедрению какого-либо культурного влияния других стран, но в рамках сотрудничества с Россией заинтересован в расширении культурного взаимодействия.

Ключевые слова: наследие, культура, Иран, Россия, сотрудничество, источник информации

Для цитирования: Ноибахуш Х. И. История развития культурных отношений между Ираном и Россией // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 130–134. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_130

Original article

History of the Development of Cultural Relations between Iran and Russia

Hossein I. Noeebahoosh

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Hossein.noeebahoosh@gmail.com

Abstract. Over the past quarter century, Russian-Iranian relations have changed significantly in the context of the policy in the Islamic Republic of Iran, which covers the development and dissemination of historical and cultural heritage in a number of countries, including Russia. Iran itself opposes the introduction of any cultural influence of other countries, but within the framework of cooperation with Russia, it is interested in expanding cultural interaction

Keywords: heritage, culture, Iran, Russia, cooperation, information source

For citation: Noeebahoosh, H. (2022). History of the development of cultural relations between Iran and Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 130–134. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_130

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Иран и Россия укрепляют и развивают двусторонние связи в торговой, научной и экономической сферах. На государственном уровне изучение историко-культурного наследия не выделяется в самостоятельную ветвь и играет небольшую положительную роль. Однако присутствует явная недооценка культурной составляющей в формировании общего культурного пространства.

Культурное наследие стран и взаимодействие на его основе являлись во все времена индикатором отношений между государствами. В период развития современного информационного общества этот тезис подчеркивает необходимость такого взаимодействия.

«Влияние культуры сейчас играет такую же немаловажную роль в межгосударственных отношениях, как экономическая, политическая и другие составляющие страны» [Кляшторина, 2003].

Первый опыт в обмене дипломатическими миссиями, выраженный в ранге послов, состоялся в период с 1552 по 1553 год. Россия и Иран всегда были готовы развивать двусторонние экономические, политические и культурные отношения.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИРАНОМ И РОССИЕЙ КАК ОСНОВА РАСШИРЕНИЯ СВЯЗЕЙ

Отношения России и Ирана уходят вглубь веков. Самый первый этап, именуемый «нулевым», – начало развития торговых и политических связей между странами. В результате этого происходило проникновение культуры одной страны в другую.

Общая протяженная граница безусловно способствовала взаимной миграции и развитию двусторонних культурных отношений, благодаря чему в российском государстве появились курсы изучения турецкого и персидского языков. Кроме того, традиционный интерес России к изучению других культур привел к появлению коллекций произведений искусства различных народов Востока.

Граждане России впервые начали знакомиться с персидской литературой в конце XVIII в. При этом иранская литература сначала переводилась на французский язык, а потом уже на русский. Несмотря на трудозатратность подобного процесса, это не мешало двум культурам взаимодействовать в дальнейшем вплоть до XX века, а некоторые элементы иранской культуры постепенно начали прослеживаться и в российской литературе.

Общество Ирана начало знакомиться с российской культурой только в середине XIX в. Именно в это время страна начала постепенно изучать европейскую культуру. В прошлом столетии в Иран начала проникать и русская литература. В иранской культурной среде появились новые формы литературы, такие как прогрессивная пресса. В дальнейшем на персидский язык были переведены произведения некоторых российских писателей-классиков, в их число вошли А. С. Пушкин, А. П. Чехов и другие. Помимо этого, в Иране образовалась русская община, благодаря которой происходили изменения, например, в традиционной живописи, архитектуре, прикладном искусстве.

Тесное взаимодействие двух культур четко прослеживается и в самом персидском языке, а именно – в нем появились некоторые заимствования из русского языка. Данный факт свидетельствует о том, что взаимодействие осуществлялось также на неофициальном уровне, т. е. через прямой контакт между представителями народов.

Обмен культурными ценностями продолжился вплоть до начала XX века, несмотря на различие общественно-политических систем государств. Помимо культуры развивалось взаимодействие в сферах образования и спорта.

Необходимо отметить, что описываемый период характеризовался тем, что взаимодействие двух стран осуществлялось исключительно на государственном уровне, любое действие находилось под контролем и имело ограничение в определенных областях, но были созданы общества, которые отвечали за развитие культурных связей между странами.

В середине XX в. в Тегеране было образовано Советское общество дружбы, которое стало одним из центров культурной жизни в Иране. При данном обществе работало несколько курсов по изучению русского языка, имелась библиотека. В нем показывали советские фильмы, некоторые из них были переведены на персидский язык, и в дальнейшем транслировались в удаленных уголках за пределами столицы. Из разных республик СССР в Иран приезжали музыкальные коллективы и давали концерты. Среди гостей оказался и советский цирк.

Советская страна оказывала помощь в подготовке кадров для учебных заведений. В период Второй мировой войны в Тегеране Советский Красный Крест открыл больницу. В России большое внимание уделялось исследованиям, которые проводились в Иране, совместная работа ученых внесла большой вклад в развитие науки обеих стран. На персидский язык были переведены некоторые российские произведения, печатались словари.

О большом интересе к русской культуре в Иране говорят переводы и издания произведений русских писателей. Так, например, «Преступление и наказание» Ф. И. Достоевского переводилось пять раз, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого переводились на персидский язык до 20 раз [Мотаххар, 2008].

В период с 1980 по 2000 год, вследствие Исламской революции, отношения двух стран были подвергнуты тяжелым испытаниям. Был установлен лозунг, что есть только ислам и ничего более. Именно это и ограничило двусторонние взаимоотношения, в особенности после того, как Иран потребовал закрыть на своей территории все советские институты, в число которых входили представительство, библиотека, кинотеатр, больница. Помимо закрытия «вложений» в государство, пострадали и торгово-экономические связи. Идеология Советского Союза стала пониматься как противоречащая исламу.

В Москве также предприняли шаги, направленные на ограничение культурного взаимодействия, поскольку Советский Союз был обеспокоен тем, что идеи ислама могут проникнуть и в СССР. При такой сложившейся ситуации народы двух стран не имели возможности общаться друг с другом. Б. Амирахмадиян утверждает, что в период последних 35 лет культурные взаимоотношения Ирана и России так и не достигли своего предреволюционного уровня [Амирахмадиян, 2008].

Улучшение взаимоотношений между Россией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) начало возрождаться в период 1990-х годов, затронув области торговли и политики, однако это не коснулось сферы культуры. Сами иранцы считали, что проблема, мешающая восстановлению связей, была устранена. В описываемый период в России происходили кардинальные изменения в разных сферах, и наблюдался повышенный интерес к культурным контактам с западными странами и их ценностями, а потому развитию культурных контактов с Ираном уделялось меньшее внимание. Каждая страна искала свое место в международном сообществе.

В середине 1990-х годов Россия разрабатывала свои национальные идеи. Среди них наибольшую популярность получило евразийство, которое включает в себя историко-культурную и геополитическую составляющие. Последователи данной концепции утверждали, что Россия является проводником между Востоком и Западом, это было направлено на тесное взаимодействие с близлежащими странами Азии.

В конце прошлого десятилетия в мире пробудился интерес к восточным ценностям и во

внешней политике. К этому времени стало понятно, что опасения о последствиях внедрения ислама в Иране не оправдались, а наоборот, Россия и ИРИ увидели, что их интересы по многим имеющимся глобальным и региональным проблемам совпадают. Это повлияло на дальнейшее развитие политических, торговых, культурных отношений. Однако для всеобъемлющего их развития была необходима большая государственная поддержка.

В 1990-е годы в ИРИ начала формироваться новая культурная доктрина [Амирахмадиян, 2008]. Повышенная заинтересованность в дальнейшем развитии культурных связей явилась причиной проведения государственной политики в данной сфере. Была образована Организация культуры и исламских связей, цель которой – представление культурных ценностей и особенностей исторического развития Ирана, распространение исламского мировоззрения, укрепление культурных взаимоотношений с другими государствами и организациями, обеспечивающими культурное развитие.

В 1997 г. в Москве появилось Культурное представительство при посольстве ИРИ благодаря достигнутому между двумя государствами соглашению. В дальнейшем появился ряд других соглашений. В России был открыт Иранский культурный центр, задачами которого явилось формирование имиджа страны и представление достижений Ирана. Ближе к 2000 году, благодаря вышеупомянутому центру, в разных городах России были организованы многочисленные выставки, показы фильмов, концерты национальной иранской музыки, конкурсы чтецов Корана.

Иранские литературные произведения начали переводиться на русский язык. В этот перечень вошли речи различных политических деятелей, их сочинения. Для распространения знаний о культуре был создан журнал «Караван». Иранские представители стали частыми гостями на различных московских мероприятиях.

Необходимо отметить, что двусторонняя культурная деятельность до сих пор имеет ограниченный характер. В сфере обмена творческими и музыкальными достижениями представители из России принимали участие в фестивале Фаджр и ряде других культурных мероприятий, которые проводились на территории Ирана. Посредством организации фотовыставок по разным тематикам, можно было познакомиться с российскими культурными ценностями. Одним из важных направлений в историко-культурном наследии стало изучение и преподавание языков двух стран в учебных заведениях.

Язык является одним из ключевых элементов культуры страны, благодаря ему происходит передача знаний и расширение коммуникации. Интерес Ирана в расширении связей с миром, в том числе и с Россией, выразился в том, что в последней был создан специализированный центр, в котором преподается персидский язык и изучается иранская литература. Благодаря данной организации за последние несколько лет в России стало больше учебных заведений, в которых преподают персидский язык и готовят специалистов по данному направлению. Также в нем обеспечивается совершенствование имеющихся методов преподавания, написание различных учебных пособий. Обучающиеся, а также сами преподаватели имеют возможность пройти стажировку в Иране, тем самым присутствуя в одной среде с носителями персидского языка. В связи с появлением специалистов, владеющих персидским языком и имеющих знания в области философии, культуры, психологии, экономики, появляется благоприятная почва для дальнейшего развития деловых коммуникаций между двумя странами.

Вместе с этим в Иране растет интерес к изучению русского языка. В Тегеране имеются отделы по преподаванию русского языка в нескольких университетах, в том числе и негосударственных. Также есть два университета, в которых готовят специалистов по преподаванию русского языка как иностранного.

Взаимодействие между учебными заведениями путем обмена студентами, стажировками и практиками является еще одним важным направлением в историко-культурном развитии двух стран. Кроме того, подобный культурный обмен закладывает базу для благоприятного развития взаимоотношений между странами в долгосрочной перспективе.

Иран, помимо проявления большого интереса к преподаванию русского языка, также проявляет свою заинтересованность и в научном содействии с Россией на регулярной основе.

Обучение студентов из Ирана в российских вузах имеет давнюю традицию. В последние годы значительно возросло число иранцев, которые приезжают в Россию учиться на платной основе¹. Анализ доступных данных показывает, что количество иранцев, выбирающих Россию в качестве страны обучения, выше, чем в других странах, что говорит о большой заинтересованности в российском образовании. Значительный интерес Иран

проявляет при подготовке специалистов по различным техническим профессиям. Однако с этим связан ряд ограничений, в связи с тем, что прием абитуриентов из Ирана может способствовать наложению западных санкций на российские вузы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав историко-культурное наследие Ирана и России, было отмечено, что отношения между нашими странами уходят вглубь веков, когда только начинали формироваться государства, происходило становление политической системы и развитие торгово-экономических связей.

С тех пор между Россией и Ираном сложились отношения, в ходе которых у народов этих стран возник взаимный, в том числе и культурный интерес. Обмен культурными ценностями происходил достаточно долгое время. Переводились литературные произведения русских писателей-классиков на персидский язык, а затем и многократно издавались, так как у иранцев появился к этому большой интерес. Россия образовывала свои информационные «каналы» в Иране, с помощью которых можно было познакомиться с частичкой культуры России.

В университетах Ирана появились факультеты, на которых готовят специалистов по преподаванию персидского языка для России. Некоторые учебные заведения также предлагают изучение русского языка. В Иран на гастроли приезжают музыканты, организуются выставки фотографий, живописи и других видов искусства, посвященных культуре России, транслируются российские фильмы, переводятся на персидский язык известные литературные произведения. С другой стороны, в России есть университеты, где преподают персидский язык и готовят специалистов, обладающих знаниями в области культуры, экономики, социально-политической жизни Ирана.

Межвузовское сотрудничество и изучение языков и культуры друг друга положительно влияет на дальнейшие коммуникативные связи и взаимоотношения.

Этап развития российско-иранских культурных отношений еще никогда за всю свою историю существования не достигал таких масштабов. Культурные взаимоотношения Ирана и России в первые за долгое время обладают широким спектром, выраженным во взаимодействии между гражданами этих стран в разных сферах культуры.

¹TypСтат. URL: <http://turstat.com/outboundtravelstatiscrussia2017>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кляшторина В. Б. Иранская концепция диалога культур: научный и политический аспект // Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции, Москва, апрель 2001 г. / отв. ред Н. М. Мемедова, Мехди Санаи. М. : Изд-во Муравей, 2003. С. 82–85.
2. Карими Мотаххар Дж. Литературные связи Ирана и России // Отношения Ирана и России: сборник статей / под ред. М. Санаи, Дж. Карами. Тегеран : Ирас, 2008. (На перс. яз.).
3. Амирахмадиян Б. Культурные связи Ирана и России // Отношения Ирана и России: сборник статей / под ред. М. Санаи, Дж. Карами. Тегеран : Ирас, 2008. (На перс. яз.)

REFERENCES

1. Klyashtorina V. B. (2002) Iranskaya kontseptsiya dialoga kul'tur: nauchnyi i politicheskii aspekt = Iranian Concept of Dialogue of Cultures: Scientific and Political Aspect. Iran: dialog tsivilizatsii. Moscow, 2002. (In Russ.)
2. Karimi Motakhar Dzh. (2008) Literaturnye svyazi Irana i Rossii. = Literary ties between Iran and Russia. Otnosheniya Irana i Rossii. The digest of articles eds. M. Sanai, Dzh. Karami. Teheran: Iras. (In Pers.)
3. Amirahmadiyan B. (2008) Kul'turnye svyazi = Cultural connections. Otnosheniya Irana i Rossii The digest of articles eds. M. Sanai, Dzh. Karami. Teheran: Iras. (In Pers.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ноиббахуш Хуссейн

аспирант кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Noeebahoosh Hossein

Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty),
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
одобрена после рецензирования 05.05.2022
принята к публикации 10.05.2022

The article was submitted 11.04.2022
approved after reviewing 05.05.2022
accepted for publication 10.05.2022

Научная статья

УДК 316

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_135

Индекс потребительских настроений как детерминант уровня преступности в Российской Федерации

А. Т. Вергазова

Департамент социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ATVergazova@fa.ru

Аннотация. Автор рассматривает факторы, влияющие на уровень преступности, и предлагает анализ динамики преступности в контексте изменений в индексе потребительских настроений россиян. Индекс рассчитывается на основе ответов на вопросы о восприятии экономической ситуации и ее вероятных перспектив. Анализ временных рядов и корреляционный анализ по всему населению, а также по отдельным группам, которые представлены в материале, могут стать основой для математического моделирования, в котором учтены как экономические, так и демографические факторы, отражающие текущее положение.

Ключевые слова: преступность, потребительские настроения, индекс потребительских цен, материальное положение, экономическая ситуация

Для цитирования: Вергазова А. Т. Индекс потребительских настроений как детерминант уровня преступности в Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 135–143. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_134

Original article

Consumer Confidence Index as a Determinant of the Crime Level in Russia

Anna T. Vergazova

Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ATVergazova@fa.ru

Abstract. the author examines the factors influencing the crime rate and offers an analysis of crime dynamics in the context of changes in the index of consumer sentiment of Russians. The index is calculated based on answers to questions about the perception of the economic situation and its likely prospects. Time series analysis and correlation analysis for the entire population, as well as for individual groups that are presented in the material, can become the basis for mathematical modeling, which takes into account both economic and demographic factors reflecting the current situation.

Keywords: crime dynamics, consumer sentiment, economic situation

For citation: Vergazova, A. T. (2022). Consumer confidence index as a determinant of the crime level in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 135–143. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_135

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 г. был отмечен рост зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации. Тенденция к росту сохранилась и в текущем 2021 г., где рост обусловлен в первую очередь увеличением количества хищений на фоне снижения остальных типов преступлений. Рост преступности напрямую влияет на экономическую активность и качество жизни в стране, так как гражданам необходимо адаптироваться к условиям, когда полная безопасность им не может быть обеспечена. При этом на сегодняшний день нет единого понимания, какие экономические, социальные, институциональные и культурные факторы оказывают влияние на динамику преступности и в какой степени они это делают.

Одна из причин роста преступности с точки зрения экономической теории – это ухудшение материального положения граждан, вследствие чего принимается рациональное решение о совершении преступления в контексте вероятных экономических и правовых последствий.

Один из основных признаков преступности – это ее социальность и историческая изменчивость. Явление преступности тесно связано с общественными процессами и представляет собой продукт социальной жизни, что связывает ее с другими процессами и явлениями. Таким образом, на уровень преступности оказывают влияние разные факторы, среди которых можно выделить социально-экономические и демографические.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПНОСТИ

Среди первых, кто стал использовать экономические показатели для изучения криминального поведения, был Фляйшер (1966). Он рассматривал решение совершить криминальное деяние как «принципиальную причину для веры в то, что низкий доход повышает вероятность совершения преступления» [Fleisher, 1966, с. 122].

Эффект, который оказывает низкий доход на уровень преступности, был в дальнейшем рассмотрен Эрлихом (1973). Он со своей стороны добавил, что решение совершить преступление связано с «возможностями, которые предоставляют жертвы преступления» [Ehrlich, 1973, с. 126], т. е. вероятность совершения преступления растет, если в определенном регионе более высокий доход, то там же фиксируется большее количество преступлений. Эрлих объяснил это неравномерным распределением доходов в таких регионах.

Как Фляйшер, так и Эрлих пришли к выводу, что безработица также является предиктивным фактором, но ее роль не столь сильна, как у таких факторов, как уровень и распределение доходов населения.

В своей Нобелевской лекции американский экономист Гэри Беккер отмечает, что в 1950-х и 1960-х годах в дискуссиях о природе криминального поведения доминировало мнение о том, что оно вызвано психическими заболеваниями и социальным притеснением, т. е. преступники – это беспомощные жертвы. Укрепление этого мнения в научных кругах стало оказывать влияние на социальную политику, и права преступников стали расширяться. Как результат, снизилось задержание и осуждение преступников, а законопослушное население получило меньшую защиту.

Беккер выступает против этой точки зрения. По его мнению, криминальное поведение – это рациональное поведение, но эта рациональность не сводится исключительно к материальным благам. Рациональность – это финансовая выгода, которую можно получить от преступности в сравнение с законопослушной работой, учитывая вероятность задержания, осуждения и наказания [Becker, 1992].

В современных работах о детерминантах преступности наиболее часто рассматриваются социально-экономические и демографические факторы, которые, как правило, применяются к одной стране [Kizilgol, Selim, 2017; Bhorat et al., 2017; Brosnan, 2018; Anwar A., Arshed, 2017]. Исследования также подтверждают упомянутую выше теорию Беккера, что преступность – это рациональное решение, которое принимает индивид [Loughran et al., 2016], а также добавляют в нее факторы, связанные с гендерным балансом среди преступников [Neissl et al., 2019]. Для тех обществ, где произошла политическая трансформация, предлагается рассматривать факторы преступности, как это делают криминалисты: неравенство, уровень включения, культурные изменения, связанные с глобализацией, влияние технологической и информационной революции [Pieszko, 2016].

В качестве социоэкономических факторов, которые влияют на уровень преступности, исследования рассматривают уровень миграции, ВВП, доходы населения, уровень безработицы, инфляцию, уровень развития региона, уровень дискриминации, плотность населения, уровень образования [Lobont et al., 2017; Bellitto, Coccia, 2018].

Среди научной литературы зафиксировано использование корреляционного, регрессионного и дисперсионного анализа для анализа данных.

ПРЕДИКТИВНЫЕ МОДЕЛИ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Другие исследования используют исторические данные для построения предиктивных моделей уровня преступности. Ограничения такого моделирования связаны с тем, что большинство работ сфокусированы на специфике конкретного региона или страны. На сегодняшний день не существует единого подхода к моделированию, который был бы универсален для всех стран или хотя бы группы стран. Более того, моделирование на макроуровне уровне подтверждает, что эти данные обобщают картину, так как различия на более мелких уровнях могут оказывать сильное влияние на модели.

Стоит учесть, что моделирование на более мелком уровне все равно нельзя производить без моделирования на уровне страны [Goroshko, 2019]. Более того, при ориентире на схожие исследования по другим странам может возникнуть противоречие, так как общественные процессы в России отличаются от общественных процессов Западной Европы, либо США. Безусловно, есть глобальные факторы, которые могут быть едиными для ряда стран, но уровень их влияния и ценность внутри модели будут отличаться. В качестве примера можно привести разное расслоение в обществе. Для России противодействие между «новыми богатыми» и «новыми бедными» называют основной причиной современной преступности [Кузнецова, 2007].

Основная проблема исследований о взаимосвязи преступности и социальноэкономических показателей по всему миру тем самым уходит к тому, что разный уровень влияния факторов не позволяет выстроить единую работающую методологию, которая легла бы в основу моделирования.

Данные подтверждают, что действительно существует взаимосвязь с уровнем дохода населения, но при этом указывают на разные степени зависимости, а также не всегда рассматривают не преступность в целом, а отдельные ее типы.

В литературе о взаимосвязи преступлений с социальноэкономическими факторами подчеркивается изменчивость явления преступности. Исследования показывают, что изменения в распределении групп населения могут провоцировать рост количества преступлений. Так, например, выявлено, что рост количества безработных среди возрастной группы до 30 лет происходил параллельно с увеличением количества преступлений.

Несмотря на широкий спектр используемых данных и рассмотрения территорий на разных уровнях, не выявлено исследований, которые бы использовали в качестве факторов роста преступности индексы экономического поведения

населения. Подобные исследования использовали индексы потребительских настроений для прогнозирования трат населения [Kłopotcka, 2017; Karasoy, Yüncüler, 2018; Lopes, Jesus, 2016], экономической активности [Kilic, Cankaya, 2016], экономического роста [Mazurek, Mielcova, 2017], котировок [McMillan, 2018].

ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Сам по себе индекс потребительских настроений (ИПН) создается так, что его рост означает увеличение потребления, а понижение – уменьшение потребления. На сегодняшний день выработана доказательная база, которая подтвердила косвенную связь между ИПН и ВВП.

Индекс потребительских настроений (*исследование инфляционных ожиданий и потребительских настроений опросными методами через вопросы о текущем материальном положении и его изменениях, перспектив развития экономики и готовности делать крупные покупки*) (Фонд общественного мнения – далее ФОМ) традиционно находится в красной зоне, т. е. он менее 100 пунктов [ФОМ, 2022]. Эти данные подтверждают и исследования других компаний [GfK, 2022].

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В качестве материала исследования используются данные Генеральной прокуратуры и Фонда общественного мнения. Автор использовал выгрузку открытых данных по преступности по России по месяцам с портала правовой статистики, а также данные ФОМ по Индексу потребительских настроений. Оба показателя доступны за период с декабря 2009 по февраль 2019 г. Итого, автор проанализирует 76 значений каждого показателя за указанный выше временной период. Для более четкого отражения сущности проведенного исследования концептуально представим теоретическую модель связи анализируемых процессов (см. рис 1).

Первоначально автор оценил корреляцию между переменными. Данные по корреляции (корреляция Пирсона) преступлений и трех индексов представлены в таблице 1. Применение корреляции Пирсона обусловлено тем, что сравниваемые показатели (количество преступлений, ИПН, ИПО, ИТМП) имеют распределение, близкое к нормальному. Кроме того, данный показатель позволяет рассмотреть линейную взаимосвязь между любыми количественными значениями (в данном случае индекс принимает значения от -100 до 100).

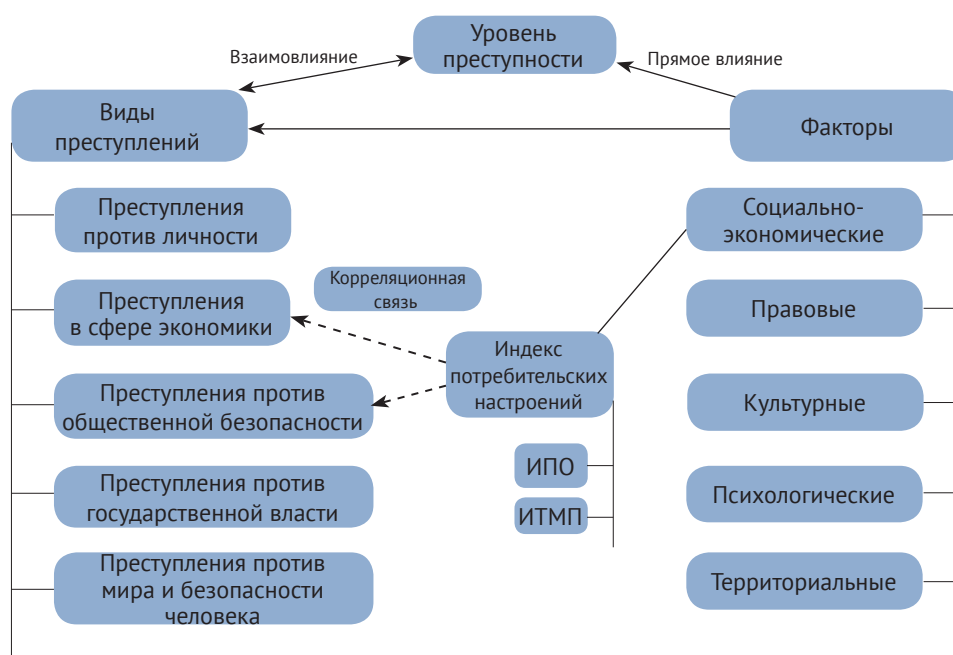

Рис. 1. Теоретическая модель связи индекса потребительских настроений и уровня преступности

Таблица 1

КОЭФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА
МЕЖДУ КОЛИЧЕСТВОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИПН, ИПО, ИТМП

	Индекс потребительских настроений	Индекс потребительских ожиданий	Индекс текущего материального положения
Кол-во преступлений	0.06	0.04	0.06

Таблица 2

КОЭФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА МЕЖДУ КОЛИЧЕСТВОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИПН, ИПО, ИТМП
(количество преступлений представлено в тысячах)

	Индекс потребительских настроений	Индекс потребительских ожиданий	Индекс текущего материального положения
Кол-во преступлений	0.2	0.03	0.3

Низкие уровни корреляции могут быть связаны с тем, что индексы менее вариативны, чем число преступлений. Первые находятся в рамках значений от 61 до 102 в то время, как разброс значений для переменной «количество преступлений» более велик. Такая вариативность также не позволяет проводить визуальный анализ, чтобы можно было отследить тренды. Для того чтобы отследить возможные корреляции, автор представил переменную «количество преступлений»

в тысячах. Данные по корреляции после этой операции представлены в таблице 2.

Слабая корреляция наблюдается с индексом потребительских настроений. Чуть более сильная корреляция наблюдается с индексом текущего материального положения. Далее автор рассмотрел данные в динамике, чтобы отследить, есть ли общие тренды между изменениями в индексах и изменении в уровне преступности (см. рис. 2). На рисунке видно, что в данных есть общие пики, но

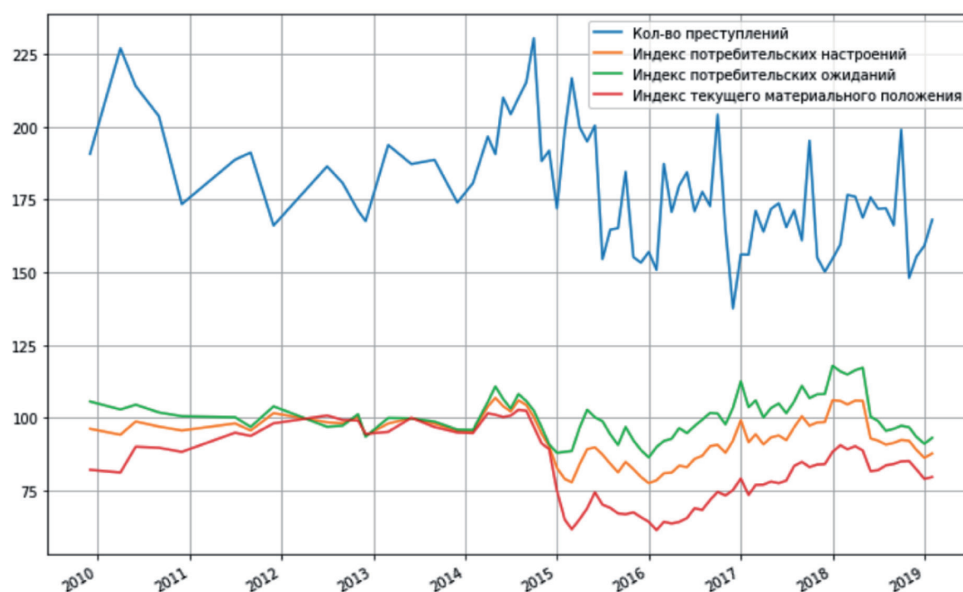

Рис. 2. Динамика изменения ИПН, ИПО, ИТМП и уровня преступности

при этом они не всегда происходят одновременно. Следовательно, несмотря на слабую корреляцию, индексы могут иметь предиктивное значение, т. е. быть фактором, который влияет на изменение уровня преступности через определенный промежуток времени. Для того чтобы проверить, есть ли прямая связь между переменными, автор построил следующую визуализацию: по шкале X отображена

независимая переменная (индекс), а по шкале Y отображена зависимая переменная (Y) (см. рис. 3).

Ярко выраженной прямой зависимости не наблюдается, однако, в определенные временные промежутки она может иметь место. Следовательно, речь идет о косвенной зависимости между переменными. Так как данные «шумные», что видно на графике с динамикой, автор проведет анализ

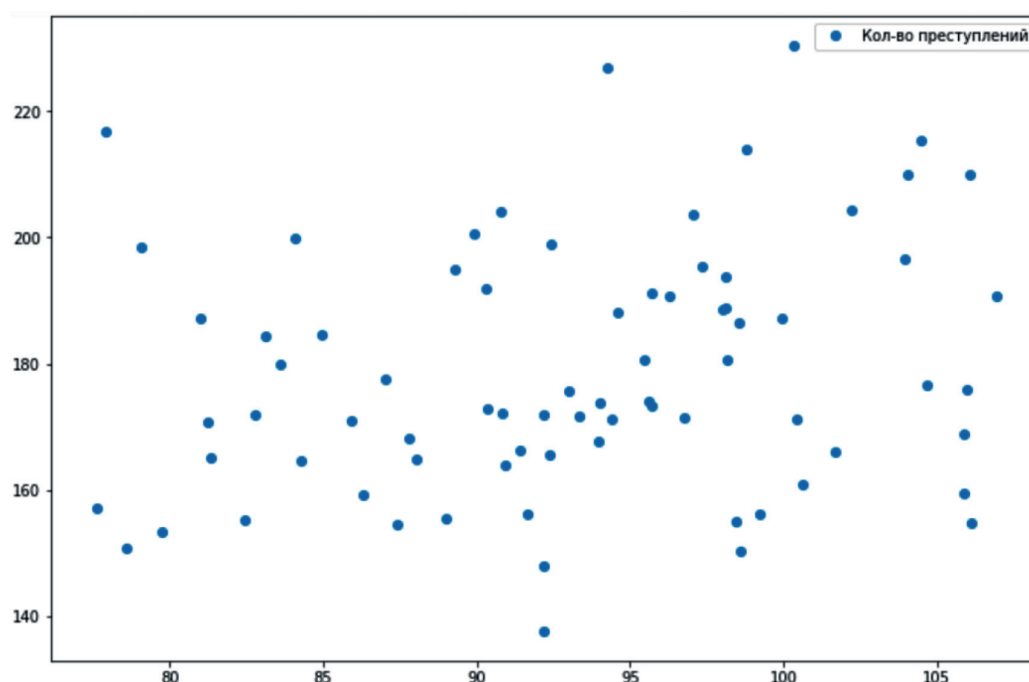

Рис. 3. Зависимость ИПН и количества преступлений

временных рядов, чтобы проверить, верна ли гипотеза о косвенной зависимости и может ли она быть выражена трендом (см. рис 4). Рисунок 4 демонстрирует отдельно динамику по каждой прямой из рисунка 1. На Рисунке 3 видно, что снижение индексов происходит одновременно с ростом преступности (2015–2016 гг., конец 2017 г., середина 2018 г.) и наоборот (начало 2017 г., начало 2018 г.). Так как данные «шумные», автор использовал передискретизацию через медиану, чтобы «сбавить шум» и ближе рассмотреть тренд. Результаты представлены на рисунке 5, рисунке 6, рисунке 7 для каждого из индексов.

В 2014 году наблюдается рост преступности и индексов, но это кризисный период, где на данные сильно влияют сторонние факторы. С середины 2014 года подтверждается гипотеза, что рост индекса идет параллельно со снижением количества преступлений, а его падение – с ростом преступности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автор провел анализ на поиск зависимостей между уровнем преступности и индексами (потребительских настроений, потребительских ожиданий,

Рис. 4. Временные ряды динамики ИПН, ИПО, ИТМП и количества преступлений

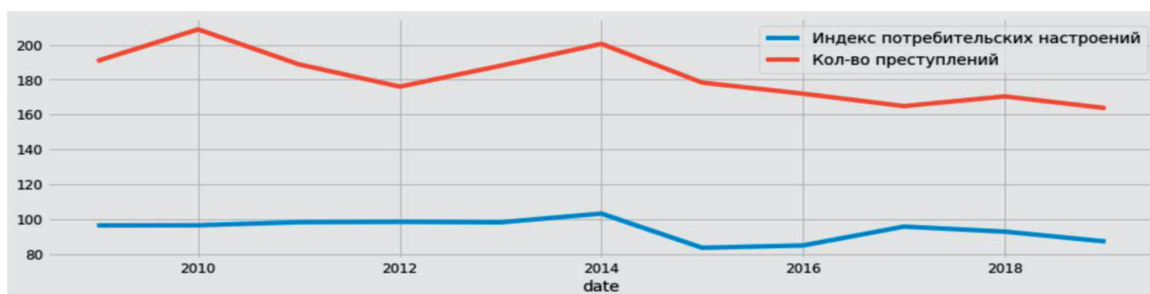

Рис. 5. Временные ряды динамики ИПН и количества преступлений

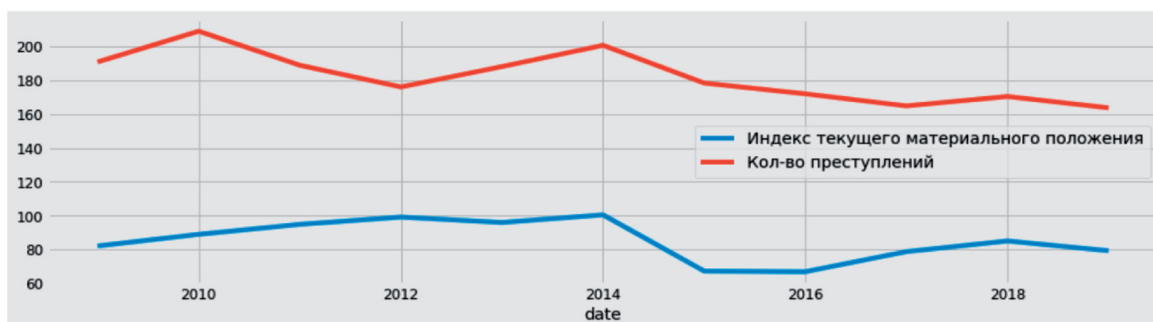

Рис. 6. Временные ряды динамики ИПО и количества преступлений

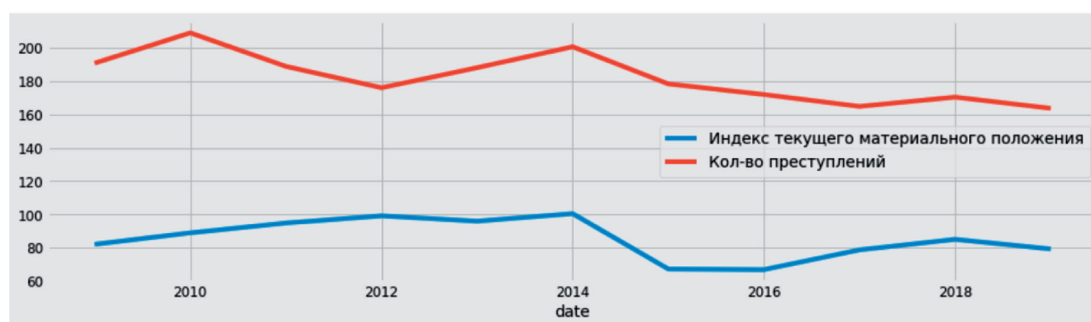

Рис. 7. Временные ряды динамики ИТМП и количества преступлений

текущего материального положения). Прямой зависимости не было обнаружено ни через расчет корреляции, ни через визуализацию зависимой и независимой переменных.

Анализ временных рядов показал, что индексы и уровень преступности в определенные периоды показывают разнонаправленный тренд: когда она растет, другая снижается, и наоборот.

Исследование подтвердило, что уровень преступности в России коррелирует с ситуацией в экономике, а в частности с ожиданиями от экономического развития и материальным положением жителей. Таким образом, данные по России подтверждают то, что выявлено в других странах.

В дальнейшем исследование может быть использовано как база для усложнения предиктивной модели, необходимой для выявления более глубоких причин формирования уровня преступности. Особенно актуальна данная модель может быть для регионов, в которых проблема преступности является одной из ключевых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что корреляционная связь между индексом потребительских настроений и уровнем преступности является достаточно слабой, однако сформированный метод может быть использован для более глубокого изучения детерминантов уровня преступности не только в России в целом, но также в отдельных регионах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fleisher B. M. The effect of income on delinquency // The American Economic Review. 1966. № 1/2. Vol. 56. Pp. 118–137.
2. Ehrlich I. Participation in illegitimate activities: A theoretical and empirical investigation // Journal of political Economy. 1973. № 3. Vol. 81. Pp. 521–565.
3. Becker G. S. The economic way of looking at life. 1992. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics
4. Kizilgol O., Selim S. Socio-economic and demographic determinants of crime by panel count data analysis: the case of EU and Turkey // Journal of Business Economics and Finance. 2017. № 1. Vol. 6. Pp. 31–41.
5. Bhorat H. et al. Socio-economic determinants of crime in South Africa: an Empirical Assessment. 2017. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.5/za>
6. Brosnan S. The socioeconomic determinants of crime in Ireland from 2003–2012 // The Economic and Social Review. 2018. № 2. Vol. 49. Pp. 127–143.
7. Anwar A., Arshed N., Anwar S. Socio-economic Determinants of Crime: An Empirical Study of Pakistan // International Journal of Economics and Financial Issues. 2017. № 1. Vol. 7. Pp. 312–322.
8. Loughran T.A. et al. Can rational choice be considered a general theory of crime? Evidence from individual-level panel data // Criminology. 2016. № 1. Vol. 54. Pp. 86–112.
9. Neissl K. et al. Rational Choice and the Gender Gap in Crime: Establishing the Generality of Rational Choice Theory in Russia and Ukraine // Justice Quarterly. 2019. № 6. Vol. 36. Pp. 1096–1121.
10. Pieszko G. The influence of socio-economic factors on crime // IOSR Journal of Humanities and Social Science. 2016. № 9. Vol. 21. Pp. 18–21.
11. Lobonț O. R. et al. The effect of socioeconomic factors on crime rates in Romania: a macro-level analysis // Economic research-Ekonomska istraživanja. 2017. № 1. Vol. 30. Pp. 91–111.

12. Bellitto M., Coccia M. Interrelationships between Violent crime, demographic and socioeconomic factors: A preliminary analysis between Central-Northern European countries and Mediterranean countries // *Journal Econ. Soc. Thoug.* JE ST. 2018. № 3. Vol. 5. Pp. 230–260.
13. Goroshko I. Et al. Data analysis of the socio-economic factors' influence on the state of crime // *Big Data-driven World: Legislation Issues and Control Technologies*. Springer, Cham. 2019. Pp. 71–84.
14. Кузнецова Н. Ф., Лунеева В. В. Криминология: учебник / под науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
15. Kłopotka A. M. Does consumer confidence forecast household saving and borrowing behavior? Evidence for Poland // *Social indicators research*. 2017. № 2. Vol. 133. Pp. 693–717.
16. Karasoy Can H. G., Yüncüler Ç. The explanatory power and the forecast performance of consumer confidence indices for private consumption growth in Turkey // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2018. №. 9. Vol. 54. Pp. 2136–2152.
17. Lopes T., De Jesus C. S. Consumer confidence and household spending: evidence from Brazil // *The Empirical Economics Letters*. 2016. № 15/12. Pp. 1227–1234.
18. Kilic E., Cankaya S. Consumer confidence and economic activity: a factor augmented VAR approach // *Applied Economics*. 2016. № 32. Vol. 48. Pp. 3062–3080.
19. Mazurek J., Mielcová E. Is consumer confidence index a suitable predictor of future economic growth? An evidence from the USA // *Economics and Management*. 2017. №2. Vol. 20. Pp. 30–45.
20. McMillan D. G. Which Variables Predict and Forecast Stock Market Returns? // *Predicting Stock Returns*. Palgrave Pivot, Cham. 2018. Pp. 77–101.
21. ФОМ. Динамика Индекса потребительских настроений россиян // Фонд общественного мнения URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14238>
22. GfK. Индексы потребительских настроений в России // GfK URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-indeksy-potrebitelskikh-nastroenii-v-rossii/>

REFERENCES

1. Fleisher, B. M. (1966). The effect of income on delinquency. *The American Economic Review*, 1/2(56), 118–137.
2. Ehrlich, I. (1973). Participation in illegitimate activities: A theoretical and empirical investigation. *Journal of political Economy*, 3(81), 521–565.
3. Becker, G. S. (1992). The economic way of looking at life. https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics
4. Kizilgol, O., Selim, S. (2017). Socio-economic and demographic determinants of crime by panel count data analysis: the case of EU and Turkey. *Journal of Business Economics and Finance*, 1(6), 31–41.
5. Bhorat, H. et al. (2017). Socio-Economic Determinants of Crime in South Africa: an Empirical Assessment. <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.5/za>
6. Brosnan, S. (2018). The socio-economic determinants of crime in Ireland from 2003–2012. *The Economic and Social Review*, 2(49), 127–143.
7. Anwar, A., Arshed, N., Anwar, S. (2017). Socio-economic Determinants of Crime: An Empirical Study of Pakistan. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 1(7), 312–322.
8. Loughran, T. A. et al. (2016). Can rational choice be considered a general theory of crime? Evidence from individual-level panel data. *Criminology*, 1(54), 86–112.
9. Neissl, K. et al. (2019). Rational Choice and the Gender Gap in Crime: Establishing the Generality of Rational Choice Theory in Russia and Ukraine. *Justice Quarterly*, 6(36), 1096–1121.
10. Pieszko, G. (2016). The influence of socio-economic factors on crime. *IOSR Journal Of Humanities And Social Science*, 9(21), 18–21.
11. Lobont, O. R. et al. (2017) The effect of socio-economic factors on crime rates in Romania: a macro-level analysis. *Economic research-Ekonomska istraživanja*, 1(30), 91–111.
12. Bellitto, M., Coccia, M. (2018). Interrelationships between Violent crime, demographic and socio-economic factors: A preliminary analysis between Central-Northern European countries and Mediterranean countries. *Journal Econ. Soc. Thoug.*, 3(5), 230–260.
13. Goroshko, I. Et al. (2019). Data analysis of the socio-economic factors' influence on the state of crime (pp. 71–84). *Big Data-driven World: Legislation Issues and Control Technologies*. Springer, Cham.
14. Kuznetsova, N. F., Luneeva, V. V. (2007). *Criminology: textbook / under scientific ed. N. F. Kuznetsova, V. V. Luneeva*. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: Volters Kluwer.
15. Kłopotka, A. M. (2017). Does consumer confidence forecast household saving and borrowing behavior? Evidence for Poland. *Social indicators research*, 2(133), 693–717.

16. Karasoy Can, H. G., Yüncüler, Ç. (2018). The explanatory power and the forecast performance of consumer confidence indices for private consumption growth in Turkey. *Emerging Markets Finance and Trade*, 9(54), 2136–2152.
17. Lopes, T., De Jesus, C. S. (2016). Consumer confidence and household spending: evidence from Brazil. *The Imperial Economics Letters*, 15/12, 1227–1234.
18. Kilic, E., Kankaya, S. (2016). Consumer confidence and economic activity: a factor augmented VAR approach, 32(48), 3062–3080.
19. Mazurek, J., Mielcová, E. (2017). Is consumer confidence index a suitable predictor of future economic growth? an evidence from the USA. *Economics and Management*, 2(20), 30–45.
20. McMillan, D. G. (2018). Which Variables Predict and Forecast Stock Market Returns? (pp. 77–101). *Predicting Stock Returns*. Palgrave Pivot, Cham.
21. POF. Dynamics of the Consumer Sentiment Index of Russians. Public Opinion Foundation. <https://fom.ru/Ekonomika/14238>
22. GfK Research: Consumer sentiment indices in Russia. GfK. <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-indeksy-potrebitelskikh-nastroenii-v-rossii/>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вергазова Анна Тимуровна

ассистент департамента социологии

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vergazova Anna Timurovna

Assistant of the Department of Sociology of the Financial University
under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 01.03.2022
одобрена после рецензирования 01.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 01.03.2022
approved after reviewing 01.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 316/653

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_144

Доверие граждан к полиции в современной России: актуальное состояние и анализ факторов

О. В. Зуева¹, Н. Н. Демидов²

¹Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия
olgazueva-l@rambler.ru

²Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Волгоград, Россия
demidovnick@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются факторы, формирующие уровень доверия населения к полиции. На основе результатов социологического исследования, проведенного при непосредственном участии авторов, а также вторичного анализа данных, рассмотрены три группы факторов, влияющие на уровень доверия граждан к полиции: индивидуальные характеристики граждан, характеристики исследуемого института и качество государственных институтов в целом.

Ключевые слова: доверие граждан, полиция, институциональное доверие, общественное мнение, социологическое исследование, показатели безопасности, органы государственной власти

Для цитирования: Зуева О. В., Демидов Н. Н. Доверие граждан к полиции в современной России: актуальное состояние и анализ факторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 144–150. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_144

Original article

Citizens' Trust in the Police in Modern Russia: Current State and Analysis of Factors

Olga V. Zueva¹, Nikolay N. Demidov²

¹Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
olgazueva-l@rambler.ru

²Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russia,
demidovnick@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the factors that form the level of public confidence in the police. Based on the results of a sociological study conducted with the direct participation of the authors, as well as a secondary analysis of data, three groups of factors that affect the level of citizens' trust in the police are considered: individual characteristics of citizens, characteristics of the institution under study, and the quality of state institutions in general.

Keywords: citizens' trust, police, institutional trust, public opinion, sociological research, security indicators, public authorities.

For citation: Zueva, O. V., Demidov, N. N. (2022). Citizens' trust in the police in modern Russia: current state and analysis of factors. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 144–150. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_144

ВВЕДЕНИЕ

Залогом успешного функционирования любого государства является поддержка со стороны граждан основных институтов общества. Выдвигаемые государственной властью инициативы могут быть успешны только в том случае, если население им доверяет. С другой стороны низкий уровень доверия граждан может стать триггером для негативных кардинальных изменений. В связи с этим стоит отметить, что к реформированию ОВД в 2010 г. подтолкнуло то обстоятельство, что меньше половины граждан доверяли, на тот момент, милиции. По данным ВЦИОМ, начиная с 1992 г. уровень доверия российского населения ОВД не превышал 46 %. С момента начала реформ прошло 12 лет, но проблема доверия теперь уже к полиции не перестает быть актуальной и требует детального анализа.

1. В социологической науке проблема доверия стала занимать особое место с начала XX в. В социологической парадигме, как правило, исследуется взаимосвязь межличностного и институционального доверия (доверия к абстрактным системам и социальным институтам). Так, например классики немецкой социологии Ф. Тённис и Г. Зиммель, изучая природу доверия, рассматривали изменение этого феномена в условиях перехода традиционного общества к современному. Одним из признаков современного общества Г. Зиммель считал сокращение личного и увеличение безличного доверия, что обусловлено изменениями основания социального взаимодействия [Simmel, 2004]. Ф. Тённис также отмечает, что переход от традиционного общества к современному сопровождается трансформацией личностного доверия в безличностное [Тённис, 2002]. В этом процессе он выделяет оптимизирующие и дестабилизирующие факторы. К первым относятся нормы, ценности и общепринятые правила взаимодействия, имеющиеся в обществе и разделяемые большинством его членов. К дестабилизирующим факторам он относил сам переход к безличностному доверию, который сопровождается усилением аномического состояния общества, ростом уровня неопределенности в отношениях конкретных социальных субъектов. Им были выделены два вида доверия: межличностное и институциональное.

В современной теоретической социологии доверие становится отдельным уникальным предметом исследования и понимается как самостоятельный, весьма заметный социальный феномен, требующий подробного изучения и осмысления. Например, Э. Гидденс выделяет два типа доверия: доверие к людям, которое построено на личностных обязательствах (назовем этот тип «персонифицированным», когда доверие выражается в форме

взаимодействий с представителями социальных организаций) и доверие к абстрактным системам («неперсонифицированное доверие», или институциональное – президент, правительство, армия, церковь и т. д.), предполагающее безличностные обязательства [Гидденс, 2011].

Институциональное доверие является неким барометром социального самочувствия граждан. Доверие лежит в основе коммуникаций между гражданами и социальными институтами. С помощью него обеспечивается эффективное взаимодействие, способствующее решению различных проблем. Доверие граждан к полиции способствует решению проблем, связанных с безопасностью граждан, определяет социальную стабильность в целом. Ф. Фукуяма рассматривал доверие в качестве детерминанты прогресса общества, соответственно, и каждого социального института. Снижение уровня доверия может привести к неспособности социального института выполнять свои основные функции [Фукуяма, 2004].

Полиция принадлежит к числу тех институтов государственной власти, с которыми население регулярно тесно взаимодействует. Практика такого взаимодействия может стать залогом формирования доверия / недоверия к другим институтам и государству в целом. Анализ доверия граждан к полиции позволит выработать ряд необходимых мер для повышения уровня доверия не только к полиции, но и другим институтам, а также лечь в основу формирования социальной интеграции общества.

Теоретико-методологической основой нашего исследования являются принципы междисциплинарного подхода. Многоплановость проблематики обусловила использование ряда теорий и методологических подходов, разработанных в классической и современной социологии:

- структурно-функциональный анализ (Э. Дюркгейм, Р. Мертон и др.);
- символический интеракционизм и методология исследования тотальных институтов Э. Гоффмана;
- теория структуризации Э. Гидденса;
- методология социологической диагностики доверия С. А. Кравченко.

При раскрытии проблематики исследования использовались конкретно-социологические методы. Эмпирические данные были получены с помощью использования количественных социологических методов: анкетного опроса. Эмпирическую базу составляют результаты социологического исследования «Изучение общественного мнения о деятельности следственных подразделений МВД России (на примере Волгоградского региона)», проведенного научно-исследовательским коллективом

Волгоградской академии МВД России в 2021 г. Опрошено 630 жителей г. Волгограда. Методы сбора социологической информации – анкетный опрос. Цель исследования – получение эмпирических социологических данных о современном состоянии отношений населения к ОВД, доверии и оценке деятельности ОВД со стороны российских граждан. Многоступенчатая квотная случайная выборка. Ошибка выборки не превышает 5 %.

С целью получения эмпирических данных также осуществлен вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных ВНИИ МВД РФ¹.

Данные социологических исследований за период с 2011 по 2021 г. свидетельствуют об изменении отношения населения к полиции как в отдельных регионах, так и в России в целом. Сравнительные результаты проводимых опросов за этот период свидетельствуют о позитивной динамике роста положительной совокупной оценки деятельности полиции. По данным ВЦИОМа в 2021 г. индекс оценки работы полиции составил 54 п., что на 11 п. выше, чем 12 лет назад (2009 г. – 41 п.)².

Анализ исследований, проведенных в этой области, в том числе и отечественных, позволяет выделить три группы факторов, оказывающих влияние на уровень доверия полиции: индивидуальные характеристики граждан, характеристики исследуемого института и качество государственных институтов в целом [Гимпельсон, Монусова, 2012].

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГРАЖДАН НА УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ

Рассмотрим первую группу факторов «индивидуальные характеристики граждан», включающую в себя такие демографические показатели, как пол, возраст, семейное положение, материальное положение.

В научной литературе существует устойчивое мнение, что указанные переменные в той или иной степени влияют на отношение к полиции со стороны граждан. Так исследования, проведенные в различных странах, подтверждают этот тезис. «Женщины – при прочих равных – относятся к полиции более доброжелательно, чем мужчины. Вероятность положительной оценки у женщин выше, чем у мужчин на 5 %. Она также монотонно увеличивается с возрастом респондентов (ее вероятность в старшей группе

на 9 %, а в средней – на 4 % выше, чем в младшей). По степени доверия только старшая группа в большую сторону отличается от младшей» [Гимпельсон, Монусова, 2012, с. 13].

Вместе с тем результаты ряда социологических исследований, проанализированных нами, не позволяют делать однозначные выводы. По данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» работу полиции в регионах молодое поколение оценивает выше, чем старшие возрастные группы. Отвечая на вопрос «Как Вы в целом оцениваете работу полиции в вашем регионе?», 47 % граждан в возрасте от 18 до 24 лет выбрали вариант ответа «очень хорошо» и «хорошо». Среди граждан возрастных категорий «45–59 лет» и «60 лет и старше», таковых было 37 % и 31 %³.

Социологическое исследование, проведенное в Волгограде в 2021 г. социологической группой по изучению общественного мнения Волгоградской академии МВД России, показало, что различные возрастные группы респондентов примерно одинаково оценивают деятельность полиции. Самый высокий показатель индекса оценки полиции – 63,2 п. в возрастной группе 25–29 лет, и самый низкий – 60,7 п. в возрастной группе старше 50 лет. Между мужчинами и женщинами различий в оценке полиции не выявлено. Индекс оценки примерно одинаков: у мужчин 61,7 п., у женщин – 61,2 п.⁴

К числу индивидуальных факторов относится уровень образования граждан. Результаты опроса ВЦИОМа продемонстрировали, что граждане, имеющие более высокий уровень образования, менее благосклонны к полиции, чем граждане с более низким образованием. Среди тех опрошенных, кто считает, что полиция защищает интересы «каждого гражданина в равной степени», 34 % с неполным средним общим образованием, 20 % – со средним высшим. В то же время 27 % граждан с высшим образованием отметили, что полиция защищает интересы «отдельных групп и слоев населения» и 33 % – «правлящих кругов». Обратная ситуация наблюдается у граждан с неполным средним образованием. Всего 7 % выбрали вариант «интересы отдельных групп» и 20 % – «интересы правящих кругов».

Экономическое благосостояние граждан также относится к первой группе факторов. Среди тех, кто оценивает свое материальное положение как «очень хорошее, хорошее», 40 % уверены, что полиция защищает интересы «каждого

¹«Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2021 году» ФГКУ «ВНИИ МВД РОССИИ», данные социологических исследований ВЦИОМ, ФОМ.

²URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-rossiiskii-policeiskii-2021>

³Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2021 г. Объем выборочной совокупности при проведении опроса в 85-и субъектах РФ составил 47 125 чел. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>

⁴Аналитический обзор социологического исследования на тему «Изучение общественного мнения о деятельности следственных подразделений МВД России (на примере Волгоградского региона)» // ВА МВД России. 2021.

гражданина в равной степени». И, напротив, среди тех, кто свое материальное положение считает «плохим», только 7 % выбрали данный вариант ответа, а 29 % и 39 % указанной категории граждан считают, что полиция защищает интересы «отдельных групп» и «правящих кругов». В исследовании, проведенном в Волгограде в категориях по материальному достатку, самый высокий уровень оценки полиции у респондентов, которым хватает на еду и одежду, но покупать вещи длительного пользования весьма трудно (62,7 п.), самая низкая оценка у респондентов, которым даже не хватает на питание (38,1 п.)¹.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ИНСТИТУТА ПОЛИЦИИ НА УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН

Ко второй группе факторов относятся основные характеристики полиции как правоохранительного института, обеспечивающего личную и имущественную безопасность граждан, включающие такие показатели, как ощущение защищенности от преступных посягательств, открытость полиции, выраженная в доступности информации для граждан о деятельности ОВД, как ощущение и уровень подотчетности полиции обществу. Особое место в структуре данной группы факторов занимают практики взаимодействия граждан с сотрудниками правоохранительной структуры.

Институциональное доверие граждан по отношению к полиции во многом зависит от степени восприятия защищенности личности от преступных посягательств.

Результаты исследований ФГКУ «ВНИИ МВД России», проведенных в 2017–2021 гг., показывают положительную динамику изучаемых индикаторов². Защищенными от преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество считают 52,1 % граждан, что на 14,1 % больше, чем в 2017 г. Рост уровня защищенности сопровождается ростом уровня доверия к полиции со стороны населения в вопросах защиты личных и имущественных интересов. Так, если в 2017 г. доверяли полиции 38,3 % опрошенных, то в 2021 г. – 45,4 %. Таким образом, можно предположить, что между уровнем защищенности и уровнем доверия к полиции существует корреляционная связь, которая, скорее всего, имеет сложный характер и может быть опосредована рядом других

факторов, что требует дополнительных эмпирических исследований.

Одной из гипотез нашего исследования было предположение, что чем ниже уровень преступности в регионе, тем выше уровень доверия к полиции. С целью проверки данной гипотезы был проведен сравнительный анализ динамики преступности в регионах и уровня доверия институту, отвечающему не только за раскрытие преступлений, но и за их профилактику. По данным ВНИИ МВД России, к регионам со стабильно-низкими показателями уровня доверия и оценки населением деятельности полиции, относятся: Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Приморский край, Амурская область. По данным ФСО в КЧР за последние годы уровень доверия составлял 32 %, что значительно ниже, чем в среднем по стране. В Республике Тыва доверяли полиции только 33,2 % опрошенных, что также ниже показателей по РФ (45,4 %)³, в Приморском крае – 37,7 %, в Амурской области – 35,8 %⁴.

Мы сравнили результаты исследований уровня доверия в вышеперечисленных регионах с уровнем и динамикой преступности в них. По данным портала правовой статистики⁵, Карачаево-Черкесская Республика относится к числу регионов с нестабильной динамикой преступности. Если в 2021 г. наблюдалась позитивная динамика уровня преступности (-6,9 %), то в 2019 г. уровень преступности за год вырос на 19 %.

Республика Тыва характеризуется хоть и незначительной, но отрицательной динамикой уровня преступности на протяжении нескольких лет, что дает основание для предположения о том, что низкая оценка деятельности полиции и низкий уровень доверия населения связаны с этим обстоятельством. В Приморском крае за последние два года уровень преступности увеличился с 31 085 тыс. (на 100 тыс.) преступлений в 2018 г. до 35 098 тыс. – в 2021 г. С другой стороны, есть ряд регионов, где наблюдается снижение уровня преступности. В 2021 г. существенно повысили свои показатели по критерию безопасности такие регионы, как Московская и Волгоградская области, Республики Хакасия и Татарстан, Чукотский автономный округ. В Московской области, начиная с 2010 г., наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений. В Волгоградской области количество преступлений снижается с 2019 г.

Вместе с тем мы не наблюдаем в этих регионах стабильного роста доверия к ОВД. Так, например,

¹ Аналитический обзор социологического исследования на тему «Изучение общественного мнения о деятельности следственных подразделений МВД России (на примере Волгоградского региона)» // ВА МВД России. 2021.

² Общественное мнение. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/publicopinion>

³ Аналитический обзор «Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2021 году» / ФГКУ «ВНИИ МВД России». 2021. С. 21.

⁴ URL: <https://tass.ru/obschestvo/13541801>

⁵ Преступность в регионах. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total

доверие к полиции в Московской области в 2020 г. было на уровне 40,5 %, что ниже, чем в целом по России, на 4 %. Оценка эффективности полиции также ниже, чем по стране в целом, и составила 40,3 %. Но одновременно довольно высокий уровень защищенности от преступных посягательств – 57 %, что выше показателей по РФ на 6 %¹.

Таким образом, прямая зависимость между ростом преступности и снижением уровня доверия, и наоборот, не наблюдается. В большинстве случаев уровень преступности становится статистически незначим, «либо имеет обратный знак при очень низких практических значениях коэффициентов» [Гимпельсон, Монусова, 2012]. Данный факт, возможно, связан с тем, что увеличение количества регистрируемых преступлений является результатом более полной и точной фиксации правонарушений, что характеризует качество правоохранительного института. В общественном мнении рост преступности компенсируется признанием работы полиции, которая честно выполняет свою работу и без искажения фиксирует преступления.

Фактор информированности граждан также неоднозначно влияет на формирование доверия к сотрудникам правоохранительных органов. С одной стороны, получение информации из СМИ или от знакомых о совершении тех или иных преступлений в отношении граждан негативным образом сказывается на отношении к полицейским. Такая информация о состоянии правопорядка в местах проживания может восприниматься гражданами как плохая, неэффективная работа органов внутренних дел по профилактике преступлений и обеспечении их безопасности. Вместе с тем, как свидетельствуют исследования, транспарентность полиции является фактором, положительно влияющим на уровень доверия, поскольку открытость и прозрачность деятельности правоохранительных органов способствует взаимопониманию между гражданами и полицией.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН ПОЛИЦИИ

К третьей группе факторов относится качество государственных институтов, характеризующееся такими индексами, как открытость власти и ее подотчетность, политическая стабильность, верховенство закона, масштаб коррупции и т. п. Указанные характеристики оказывают как прямое, так и косвенное

влияние на отношение граждан к полиции. Прямое влияние определяется самой принадлежностью полиции к государственным институтам, в связи с чем и «качество» государственных институтов распространяется на органы внутренних дел. Соответственно, и все «патологии» государства экстраполируются на полицию.

Одним из факторов, снижающим уровень доверия к органам внутренних дел, является представление граждан о высокой коррумпированности государственного аппарата, что переносится и на сотрудников органов внутренних дел. Так, по данным Международного антикоррупционного движения Transparency International, Индекс восприятия коррупции в России в 2020 г. составляет 30 баллов из 100, это 129 место из 180². Высокий уровень восприятия коррупции демонстрируют и результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции», которые ежегодно проводит Торгово-промышленная палата РФ. В 2021 г. почти 70 % бизнесменов в России отметили, что сталкивались с фактами коррупции³. Анализ вторичных эмпирических данных позволяет говорить о нерешенности проблемы коррупции государством в целом, что не может не сказаться на уровне доверия ко всем институтам государственной власти, в том числе и к полиции.

Косвенное влияние на отношение граждан к ОВД определяется восприятием гражданами полиции как партнера, имеющего схожие ценности, способствующие развитию доверительных отношений. Через вовлечение граждан в различные формы общественных объединений, взаимодействующих с правоохранительными органами по обеспечению правопорядка, возможно повышение уровня доверия ОВД в целом. Примером таких форм могут служить различные общественные формирования, осуществляющие общественный контроль за деятельностью полиции. Развитие партнерских отношений полиции и институтов гражданского общества способствует повышению уровня доверия к институтам власти. «Вовлеченность граждан в различные добровольные объединения, как формальные, так и неформальные повышают уровень доверия» [Фукуяма, 2004].

На основе полученных экспертных оценок мы можем отметить: несмотря на то, что в Российской Федерации проделана определенная работа по созданию необходимой нормативной базы в сфере открытости государства, «практика правоприменения часто носит формальный характер, и качество процессов обеспечения открытости остается

¹Аналитический обзор «Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2021 году» / ФГКУ «ВНИИ МВД РОССИИ». 2021. С. 75.

²Индекс восприятия коррупции. URL: <https://transparency.org/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2020-30-ballov-i-129-mesto>

³Исследование/ URL: <https://tass.ru/ekonomika/13153371>

низким»¹. Данное обстоятельство не может не сказаться на отношении граждан к исследуемому нами институту полиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доверие граждан к социальным институтам является основой стабильности общества. Полиция как социальный институт не может эффективно функционировать без доверия. Модернизация любого государственного института обречена на провал, если она осуществляется в условиях недоверия. Регулярный анализ актуального состояния доверия граждан полиции, а также исследование факторов доверия в современном российском обществе позволяют наметить пути формирования общественного мнения, положительно оценивающего деятельность данного социального института.

Анализ трех групп факторов: индивидуальные характеристики граждан, характеристики исследуемого института и качество государственных институтов, говорит о доминирующей роли второй

и третьей групп. Опыт взаимодействия граждан с сотрудниками полиции, позволяющий получить общее представление о компетенции сотрудников и качестве оказываемых услуг, является одним из определяющих факторов доверия. Появление таких угроз, как коррупция, неблагоприятная экономическая обстановка, отрицательно влияют не только на доверие к полиции, но и на институциональное доверие в целом. Несмотря на то, что индивидуальные характеристики граждан в меньшей степени оказывают влияние на доверие к полиции, оставлять без внимания данную группу нецелесообразно. Необходимо учитывать, что молодежь, которая преимущественно не имеет опыта взаимодействия с полицией и свое отношение к ней высказывает на основе информации, полученной, чаще всего, из социальных сетей (интернет-источников), демонстрирует свою лояльность к структуре. Это обстоятельство необходимо использовать в рамках развития технологий внешних коммуникаций, которыми, в частности, занимаются PR-специалисты. Ставка на развитие партнерской модели взаимоотношений между полицией и гражданами, с привлечением активной молодежи, должна дать свои результаты.

¹Открытость государства в России. Экспертный доклад. URL: https://cpru.ru/research_pdf/open-gov-2019.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Simmel G. The Philosophy of Money. London: Routledge, 2004.
2. Тённис Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии; пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2002.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ, 2004.
5. Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. 2012. № 11. С. 24–47. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-11-24-47>

REFERENCES

1. Simmel, G. (2004). The Philosophy of Money. London : Routledge.
2. Toennies F. (2002). Community and Society: Basic Concepts of Pure Sociology. Saint Petersburg : Vladimir Dahl publ. (In Russ.)
3. Giddens A. (2011). The Consequences of Modernity. Moscow: Praxis (In Russ.)
4. Fukuyama F. (2004). The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: ACT publ. (In Russ.)
5. Gimpelson V., Monusova G. (2012). Trust in the Police: Cross-country Comparisons. Voprosy Ekonomiki, 11, 24–47. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-11-24-47> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зуева Ольга Владимировна

кандидат социологических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

Демидов Николай Николаевич

кандидат философских наук, профессор кафедры философии Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zueva Olga Vladimirovna

PhD (Sociology), Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation

Demidov Nikolay Nikolaevich

PhD (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy of Volgograd Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 23.03.2022
одобрена после рецензирования 24.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 23.03.2022
approved after reviewing 24.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 316.662.22

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_151

Физический капитал и военная служба: значение физической подготовленности курсантов военных вузов в достижении профессиональной успешности

Е. Н. Карлова

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж, Россия
ekaterina-n-karlova@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ влияния физического капитала на объективные и субъективные показатели профессиональной успешности курсантов военных вузов. На основе эмпирических данных делается вывод о значительной роли физического капитала в период отбора на военную службу и воинской социализации и дальнейшем снижении его ценности в служебной деятельности. Подчеркиваются различия в оценке физического капитала военнослужащими разного социального происхождения.

Ключевые слова: физическая подготовка военнослужащих, физический капитал, военное образование, успеваемость, военно-профессиональная успешность

Для цитирования: Карлова Е. Н. Физический капитал и военная служба: значение физической подготовленности курсантов военных вузов в достижении профессиональной успешности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 151–158. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_151

Original article

Physical Capital and Military Service: the Importance of Cadet's Physical Fitness in Achieving Professional Success

Ekaterina N. Karlova

*Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy, Voronezh, Russia
ekaterina-n-karlova@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis of military cadet's physical capital and its influence on objective and subjective indicators of professional success. Based on empirical data, it is concluded that physical capital plays a significant role during the period of selection for military service and military socialization, in further service activities its value reduces. The differences in the assessment of physical capital by servicemen of different social origins are emphasized.

Keywords: military physical training, physical capital, military education, academic performance, military-professional success

For citation: Karlova, E. N. (2022) Physical capital and military service: the importance of cadet's physical fitness in achieving professional success. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 151–158. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_151

ВВЕДЕНИЕ

Крепкое здоровье и хорошая физическая форма являются частью традиционного идеала воина, уходящего корнями в войны древних времен, когда физические качества человека играли решающую роль в победе над противником. В наше время, несмотря на технологизацию военной мощи, к военным служащим предъявляются строгие требования по развитию физических качеств, в зависимости от вида выполняемой деятельности и половозрастных характеристик. Согласно «Наставлению по физической подготовке в Вооруженных силах Российской Федерации», физическая подготовка является основным элементом боевой готовности военнослужащих, поэтому каждый военнослужащий должен систематически заниматься физическими упражнениями и выполнять соответствующие нормативы¹. С 2012 г. в Вооруженных силах РФ действует система материального стимулирования физической подготовленности, предполагающая надбавку за спортивные достижения в размере до 100 % от оклада по воинской должности.

Для молодых людей, избравших офицерскую карьеру в Вооруженных силах, состояние здоровья и физическая форма имеют особое значение. По результатам их оценки происходит отбор кандидатов для поступления в военные вузы. Далее в течение всего периода обучения уровень физической подготовленности курсантов должен расти в результате ежедневных интенсивных тренировок. Более того, без освоения определенного набора физических упражнений курсанты военных вузов не допускаются к экзаменам и зачетам по другим дисциплинам. После окончания вуза требования к уровню физической подготовленности офицеров становятся ниже и продолжают движение по нисходящей траектории с возрастом.

Помимо объективной необходимости формирования и повышения психоэмоциональной устойчивости и готовности военнослужащих к действиям в экстремальных условиях [Исламов, Елескин, 2015], физическую подготовленность можно рассматривать как особый вид капитала, дающего индивиду преимущество при поступлении на военную службу и во время ее прохождения. Физический капитал включает в себя сформированную в системе физической и строевой подготовки военную выправку, качества силы, выносливости, ловкости и т. д., а также определенный уровень физического здоровья, делающего человека годным к военной

службе [Карлова, 2021]. Следуя теории капиталов П. Бурдьё [Бурдьё, 2002] и ресурсному подходу к стратификации в целом [Тихонова, 2014], физический капитал военнослужащего оказывает влияние на статус и профессиональную мобильность индивида внутри военной иерархии.

Цель данной статьи состоит в определении степени влияния физического капитала курсантов военных вузов на объективные и субъективные показатели их профессиональной успешности.

ТЕОРИЯ ФИЗИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ВОЕННО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В своей знаменитой работе «Формы капитала» П. Бурдьё выделяет экономический, культурный и социальный капитал, от общего объема которых зависит классовая позиция индивида. Физический капитал можно отнести к инкорпорированному (воплощенному) культурному капиталу – неотъемлемой части тела и личности человека. Этот вид капитала частично обусловлен биологической наследственностью, но также приобретается собственными усилиями [Бурдьё, 2002]. В других работах П. Бурдьё упоминается также телесный капитал, включающий внешность, манеру держать себя, двигаться, говорить, принимать пищу [Бурдьё, 2005], и физический капитал, который накапливается посредством спортивных практик, направленных на формирование тела [Бурдьё, 2009]. Физический капитал может быть реализован в некоторых культурных пространствах, например в спорте или модельном бизнесе, и обеспечивать своим обладателям восходящую социальную мобильность.

Ценность физического капитала на военной службе, особенно среди рядового состава, не раз подчеркивается в исследованиях военных социологов. По наблюдениям американских исследователей Р. Инохоса и др., военнослужащие, являясь в целом здоровее своих невоенных коллег, используют физический капитал для того, чтобы получить ценный социальный статус ветерана. Для выходцев из экономически неблагополучных слоев населения физический капитал дает доступ к ценным формам социального и экономического капитала, таким как высшее образование или работа с высоким доходом [Hinojosa R., Hinojosa M., Nguyen, 2019]. Кроме того, согласно исследованию К. Бронсон, физический капитал способствует гендерной интеграции, помогая женщинам-военнослужащим достичь признания и уважения со стороны коллег мужского пола [Brownson, 2014]. Л. Купер и др. отмечают трудности в переоценке физического

¹Приказ министра обороны РФ от 21.04.2009 г. № 200 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных силах РФ» (с изменениями и дополнениями). URL: base.garant.ru/195845/07aae56f0120216a8143f32f2f317d85/

капитала военнослужащих при переходе к гражданской жизни [Cooper et al., 2016].

Значение физического капитала в Вооруженных силах РФ начинает расти в результате комплексной военной реформы министра обороны А. Э. Сердюкова в 2008–2012 гг., когда появилась возможность его прямой конвертации в экономический капитал в виде надбавки за спортивные достижения. Несмотря на нормативный идеал здорового и подтянутого воина, И. Ю. Суркова указывает на слабую физическую форму и лишний вес офицеров в дореформенный период [Суркова, 2015]. Сегодня по данным Министерства обороны РФ число военнослужащих, оцениваемых по физподготовке на «хорошо» и «отлично», превысило 67 %, а выполнивших нормы и требования для присвоения спортивных званий и разрядов – 44 % от штатной численности личного состава ВС РФ [Зыков, Дмитриев, Матусов, 2021]. С другой стороны, по данным исследования В. Н. Васина, 80 % офицеров занимаются физической подготовкой ради получения денежной надбавки, а при условии ее отмены половина военнослужащих сократит количество или совсем прекратит тренировки [Васин, 2018]. Дает ли физический капитал в российских реалиях иные преимущества военнослужащим, например, более высокую оценку деятельности со стороны начальников или возможности карьерного роста?

В данной статье мы постараемся ответить на этот вопрос путем анализа связи между уровнем физической подготовленности курсантов и показателями успешности их обучения и службы в войсках. К субъективным показателям успешности мы относим отношение самих курсантов к вопросам физической подготовки, к объективным – связь уровня физической подготовленности с успеваемостью и оценкой учебной и служебной деятельности преподавателями и командирами. Эмпирическую базу исследования составляют данные вторичного анализа анкетирования курсантов шести вузов МО РФ ($N = 1199$)¹ на тему образовательной успешности, данные дифференциальной балльно-рейтинговой системы оценки деятельности курсантов Военно-воздушной академии 2018 г. выпуска, экспертной оценки их готовности к служебной деятельности преподавателями и командирами курсантских подразделений, а также отзывов непосредственных начальников с мест службы через год после окончания вуза ($N = 551$).

¹Анкетирование проводилось в 2020–2021 гг. в ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» и его филиалах в г. Сызрани и г. Челябинске, ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва и его филиале в г. Вольске.

ОТНОШЕНИЕ К ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ РАЗНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

По результатам анкетирования, посещение спортивных школ и секций оказалось наиболее популярным видом дополнительных развивающих и образовательных занятий – почти 77 % курсантов регулярно занимались спортом перед поступлением в военный вуз. Как видно из таблицы 1, вовлеченность в спортивную активность несколько отличается у курсантов разного социального происхождения. Молодые люди, проживавшие до поступления в военный вуз в городах федерального значения, больше инвестируют в развитие интеллектуальных способностей по сравнению с жителями сельских поселений, у которых структура культурного капитала смещена в пользу физического совершенствования. Та же тенденция, но в менее ярком проявлении, характерна для молодых людей с разным образовательным уровнем родителей. Отцы с высшим образованием чаще нанимают своим детям репетиторов и обеспечивают их развитие в области компьютерной грамотности и иностранных языков.

Связь школьной успеваемости (по результатам ЕГЭ) с интересом курсантов к спортивным занятиям оказалась неоднозначной: отличники по физике и математике больше, чем курсанты в среднем, уделяли внимание интеллектуальному образованию, и меньше – физическому развитию, отличники по русскому языку оказались ближе к среднему распределению разных форм культурного капитала.

Интересно, что курсанты, воспитывавшиеся в семьях офицеров или имевшие собственный опыт воинской социализации в суворовских училищах, движении «Юнармия», на военной службе по призыву или по контракту – меньше занимались спортом, чем их ровесники, никак не связанные с армией. Вероятно, молодые люди, знающие военную службу изнутри, меньше рассчитывают на физический капитал как средство профессиональной мобильности. Невоенная молодежь, в свою очередь, стремится идентифицироваться с военной службой и ее нормативными требованиями.

Похожие результаты дает сравнительный анализ предпочтительных видов досуга разных групп курсантов с помощью U-теста Манна-Уитни: реже посещают спортзал в свободное время дети офицеров Министерства обороны РФ и военнослужащих других «силовых» ведомств, а также жители больших городов. Уровень школьной успеваемости не показал значимых связей с выбором спортивного досуга, однако отличники по результатам ЕГЭ все же

Таблица 1

УЧАСТИЕ КУРСАНТОВ РАЗНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ШКОЛЬНОЙ
УСПЕВАЕМОСТИ В ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ РАЗВИВАЮЩИХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ
ДО ПОСТУПЛЕНИЯ В ВОЕННЫЙ ВУЗ (в % от числа опрошенных)

	Занимались в спортивной секции, школе	Занимались с репетитором для сдачи ЕГЭ	Изучали иностранные языки на курсах	Приобретали навыки работы на компьютере
Дети офицеров	71,5	51,3	18,0	21,9
Дети «силовиков»	74,5	48,7	16,0	20,2
Отец с высшим образованием	76,5	46,5	15,9	18,3
Отец со средним профобразованием	80,8	37,0	8,7	13,1
Имеют опыт военной службы и социализации	67,8	31,4	17,3	15,5
Проживали в городе федерального значения	67,0	40,2	29,5	29,5
Проживали в сельском поселении	81,1	36,1	6,9	10,2
Сдавшие ЕГЭ по физике на «отлично»	68,5	40,8	24,6	24,6
Сдавшие ЕГЭ по русскому языку на «отлично»	79,5	44,5	19,6	17,9
В среднем	76,6	42,1	12,8	15,6

Таблица 2

ОЦЕНКА КУРСАНТАМИ РАЗЛИЧНЫХ РЕСУРСОВ ПРОДВИЖЕНИЯ ПО СЛУЖБЕ
(средние оценки по пятибалльной шкале, где 1 – не будет способствовать продвижению по службе,
5 – будет существенно способствовать продвижению по службе)

	Дети офицеров	Отец с высшим образованием	Имеют опыт военной службы и социализации	Сдавшие ЕГЭ по физике выше среднего	Проживали в малом городе, сельском поселении	Среднее
Дополнительное образование, уникальные навыки, умения	4,10	4,04	4,10	4,08	4,05	4,05
Командирский талант и опыт	3,81	3,87	4,00	3,84	4,04	3,93
Высокий уровень успеваемости	3,83	3,84	3,78	3,91	3,92	3,87
Особые успехи в спорте	3,48	3,66	3,49	3,59	3,79	3,66
Наличие боевого опыта	3,35	3,40	3,40	3,37	3,48	3,43
Особые успехи в научной работе	3,24	3,31	3,35	3,51	3,39	3,38
Приятная внешность, манеры, воспитанность	3,40	3,41	3,54	3,33	3,35	3,38
Продолжение образования в магистратуре	3,09	3,17	3,27	3,39	3,17	3,24
Личные социальные связи	3,16	2,94	2,91	2,79	2,52	2,82
Социальные связи родственников	3,00	2,76	2,65	2,55	2,28	2,54

демонстрируют более утонченный вкус – чаще предпочитают чтение книг, посещение театров и музеев, и реже указывают прогулки и работу на свежем воздухе как вариант проведения свободного времени.

Высокий уровень физической подготовленности рассматривается курсантами как значимый ресурс дальнейшей профессиональной успешности. Среди факторов, способствующих продвижению по службе после выпуска, успехи в спорте занимают четвертое место и оцениваются курсантами выше некоторых форм культурного капитала и социальных связей. Курсанты, не имевшие опыта погружения в военную среду, а также жители малых городов и сельских поселений, выше оценивают значение физического капитала. В таблице 2 цветом выделены значения, отличающиеся у той или иной социально-демографической группы по U-тесту Манна-Уитни. Например, дети офицеров меньше рассчитывают на физический капитал, и больше – на социальный, по сравнению с курсантами, родители которых относятся к другим профессиональным категориям. Курсанты, проживавшие в сельских поселениях и малых городах в продвижении по службе рассчитывают на командирский талант и спортивные успехи, и в меньшей степени – на социальные связи, по сравнению с курсантами, проживавшими в крупных городах и мегаполисах.

В целом анализ данных анкетирования курсантов показал, что физическая подготовка

и спорт занимают важное место в жизни курсантов как наиболее распространенные увлечения в свободное время и как ресурс, способствующий служебному росту. При общей высокой оценке физический капитал обладает сравнительно меньшей ценностью в глазах курсантов, имеющих собственный опыт военной службы и социализированных в военной среде, а также курсантов, обладающих большим объемом других форм культурного капитала.

ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОЦЕНКЕ УЧЕБНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ

Анализ данных дифференциальной балльно-рейтинговой системы оценки деятельности курсантов Военно-воздушной академии показал, что успеваемость курсантов связана с уровнем их физической подготовки, коэффициент корреляции Пирсона между средним баллом успеваемости и средним баллом физподготовки составил 0,32. Как видно из рисунка 1, уровень физической подготовленности отличников, как правило, оказывается высоким, а среди троечников представленность разных уровней физической подготовленности примерно одинаковая. По мере роста успеваемости, увеличивается также доля курсантов, имеющих спортивный разряд или звание мастера спорта (см. рис. 1).

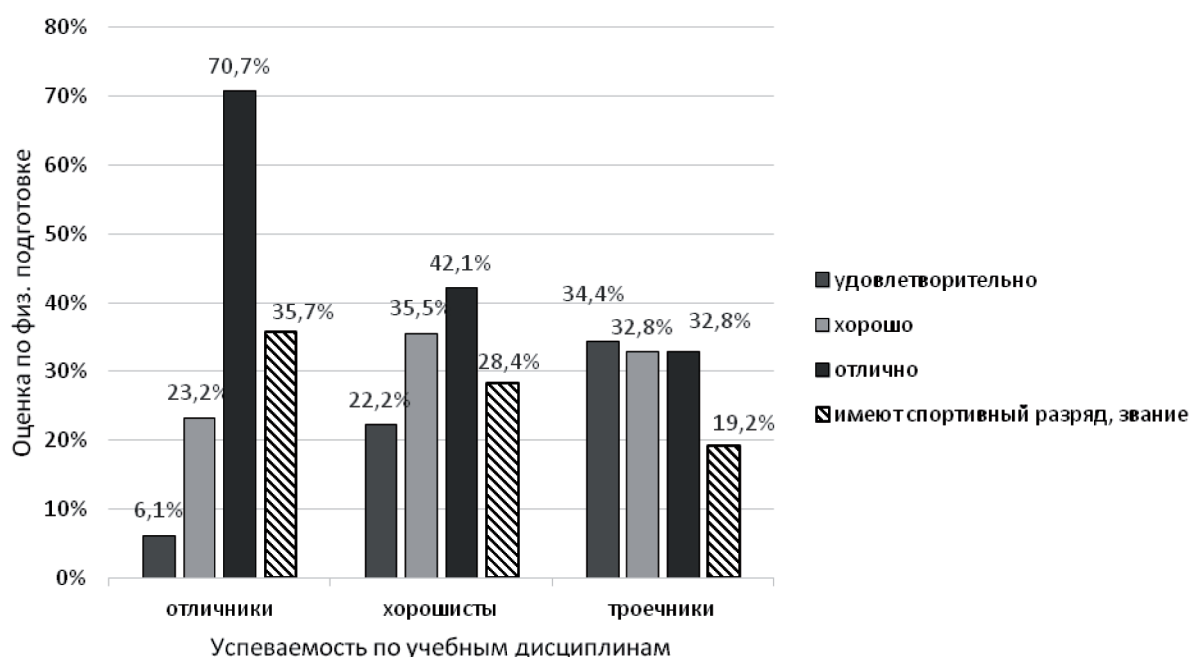

Рис. 1. Оценки физической подготовленности курсантов разного уровня успеваемости

В меньшей степени оценки физической подготовленности связаны с уровнем школьной успеваемости: *t*-критерий Стьюдента позволил обнаружить значимые различия средних баллов по физподготовке у курсантов, показавших разные результаты ЕГЭ по физике, математике и русскому языку. Коэффициенты корреляции Пирсона между результатами ЕГЭ по трем предметам и оценками по физподготовке составляют примерно 0,13. Полученные данные несколько расходятся с результатами анкетирования курсантов, согласно которым отличники демонстрируют меньшую заинтересованность в спортивных занятиях. Вероятно, средне- и слабоуспевающие курсанты придают больше значения физической подготовке, компенсируя дефицит других форм культурного капитала, а отличники преуменьшают роль физического капитала из-за увлечения интеллектуальными занятиями.

Для того чтобы исключить влияние учебной успеваемости из анализа связи между физической подготовленностью и оценкой выпускников экспертами вуза и командирами войск, были отдельно проанализированы группы троечников, хорошистов и отличников. Проверка статистической значимости средних величин с применением *t*-критерия Стьюдента показала, что уровень физической подготовленности усиливает хорошее впечатление от хорошистов в академической среде военного вуза и почти никак не влияет на оценку экспертами троечников и отличников. В отзывах из войск разницы в оценках военно-профессиональной деятельности выпускников разного уровня физической подготовленности обнаружено не было. Спортивные достижения курсантов, объективированные в спортивных разрядах или звании мастера спорта, оказывают больше влияния на оценку военно-профессиональной деятельности выпускника.

Таким образом, физический капитал как таковой почти не влияет на профессиональную успешность, и только высокая степень его развития, выраженная в спортивных достижениях, оказывает некоторое влияние на оценку курсантов экспертами из вуза и командирами из войск. Уровень физической подготовленности курсантов, являясь частью культурного капитала военнослужащих, связан также с успеваемостью по другим дисциплинам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Физический капитал имеет большое значение в начале военной карьеры – при отборе на военную службу и в процессе воинской социализации. Об этом свидетельствуют высокая субъективная оценка ценности физического капитала курсантами и существенная доля курсантов-спортсменов, чья квалификация подтверждена спортивными разрядами и званиями. Связывая формы капиталов с более широкими структурами власти в обществе, П. Бурдьё относит формирование телесности к инструментам «приручения», дисциплинирования, установления отношений власти и подчинения в социальных институтах, отнесенных Э. Гоффманом к тотальным [Бурдьё, 1994]. Вокруг формирования здорового спортивного тела будущих офицеров выстроены культурные практики, включающие регулярные тренировки, спортивные праздники и соревнования. Перефразируя П. Бурдьё, можно заключить, что спортивные практики в армии инкорпорируют эстетику и этику военной службы, символизируя моральные и физические добродетели воина: честность, прямоту, силу, смелость, здоровье [Бурдьё, 2009]. Физический капитал курсантов, таким образом, неотделим от других форм культурного капитала и воинской культуры как таковой.

В дальнейшей военно-профессиональной деятельности офицеров значимость физического капитала снижается, хотя и находит выражение в системе материального поощрения спортивных достижений. Понимая эту особенность, курсанты с опытом военной службы и социализации в военной среде меньше других рассчитывают на свои спортивные успехи как инструмент карьерного роста. Сравнительно большую ценность физический капитал представляет для сельской молодежи, ориентированной на традиционный образ офицера-командира. Рассчитывают на физический капитал также слабоуспевающие курсанты, которым он частично компенсирует дефицит других форм культурного капитала. Как показало наше исследование, физический капитал может способствовать профессиональной успешности троечников лишь в случае полупрофессионального или профессионального занятия спортом с получением соответствующих разрядов и званий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исламов В. А., Елескин В. И. Формирование психоэмоциональной устойчивости военнослужащих к действиям в экстремальных условиях на занятиях по физической подготовке // *Наука и мир*. 2015. № 5–2. С. 133–135.
2. Карлова Е. Н. Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. № 2. Т. 46. С. 263–273.

3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 3. Т. 5. С. 60–74.
4. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф : Институт социологии РАН, 2014.
5. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3. Т. 6. С. 25–48.
6. Бурдьё П. Как можно быть спортивным болельщиком? // Логос. 2009. № 6(73). С. 99–113.
7. Hinojosa R, Hinojosa M, Nguyen J. Military Service and Physical Capital: Framing Musculoskeletal Disorders Among American Military Veterans Using Pierre Bourdieu's Theory of Cultural Capital // Armed Forces & Society. 2019. № 45(2). P. 268–290.
8. Brownson C. The Battle for Equivalency: Female US Marines Discuss Sexuality, Physical Fitness, and Military Leadership // Armed Forces & Society. 2014. № 40(4) P. 765–788.
9. Cooper L. et al. Transition From the Military Into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence / L. Cooper, N. Caddick, L. Godier, A. Cooper, M. Fossey // Armed Forces & Society. 2016. № 44(1). P. 156–177.
10. Суркова И. Ю. «Фасад» и «закулисы» военной профессии: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 133–139.
11. Зыков А. В., Дмитриев Г. Г., Матусов Д. В. О состоянии и задачах совершенствования системы физической подготовки военнослужащих // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2021. № 3. С. 7–10.
12. Васин В. Н. Проблемы и пути активизации физического совершенствования военнослужащих // Евразийский Союз Ученых. 2018. № 7(52). С. 12–14.
13. Бурдьё П. Программа для социологии спорта. В Кн.: Бурдьё П. Начала: пер. с фр. М. : Socio-Logos : Адапт, 1994. С. 257–275.

REFERENCES

1. Islamov, V. A., Eleskin, V. I. (2015). Military Psychoemotional Stability Formation for Extreme Conditions at the Physical Education Lessons. Science and the World, 5–2, 133–135. (In Russ.)
2. Karlova, E. N. (2021). P. Bourdieu's Theory in Military Sociology: Military Capital and Professional Mobility. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 2(46), 263–273. (In Russ.)
3. Bourdieu, P. (2005a). Forms of capital = Formy kapitala. Economic sociology, 6(3), 60–74. (In Russ.)
4. Tikhonova, N. E. (2014). The social structure of Russia: theories and reality = Social'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'. Moscow: Novy Chronograph: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Bourdieu, P. (2005b). Distinction: a social critique of the judgment of taste = Razlichenie: social'naya kritika suzhdeniya. Economic sociology, 6(3), 25–48. (In Russ.)
6. Bourdieu, P. (2009). How can one be a sports fan? = Kak mozno byt' sportivnym bolel'shchikom? Logos, 6(73), 99–113. (In Russ.)
7. Hinojosa, R., Hinojosa, M.S., Nguyen, J. (2019). Military Service and Physical Capital: Framing Musculoskeletal Disorders Among American Military Veterans Using Pierre Bourdieu's Theory of Cultural Capital. Armed Forces & Society, 45(2), 268–290.
8. Brownson, C. (2014). The Battle for Equivalency: Female US Marines Discuss Sexuality, Physical Fitness, and Military Leadership. Armed Forces & Society, 40(4), 765–788.
9. Cooper, L. et al. (2016). Transition From the Military Into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence / L. Cooper, N. Caddick, L. Godier, A. Cooper, M. Fossey. Armed Forces & Society, 44 (1), 156–177.
10. Surkova, I. Yu. (2015) «Facade» and «backstage» of the military profession: Sociocultural analysis = «Fasad» i «zakulis'e» voennoj professii: sociokul'turnyj analiz. Sociological research, 6, 133–139. (In Russ.)
11. Zykov, A. V., Dmitriev, G. G., Matusow, D. V. (2021). On the status and problems of improving the system of physical training of servicemen = O sostoyanii i zadachah sovershenstvovaniya sistemy fizicheskoy podgotovki voennosluzhashchih. Actual problems of physical and special training of the security forces, 3, 7–10. (In Russ.)
12. Vasin, V. N. (2018). Problems and ways of enhancing physical perfection military = Problemy i puti aktivizacii fizicheskogo sovershenstvovaniya voennosluzhashchih. Eurasian Union of Scientists, 7(52), 12–14. (In Russ.)
13. Bourdieu, P. (1994). Program for the sociology of sports = Programma dlya sociologii sporta (pp. 257–275). In: Bourdieu P. Beginnings. Moscow: Socio-Logos : Adapt. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карлова Екатерина Николаевна

кандидат социологических наук, доцент, начальник лаборатории Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karlova Ekaterina Nikolaevna

PhD (Sociology), Associate. Prof.,
Head of the Laboratory, Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N. E. Zhukovsky
and Y. A. Gagarin Air Force Academy

Статья поступила в редакцию 21.02.2022
одобрена после рецензирования 24.03.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 21.02.2022
approved after reviewing 24.03.2022
accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 316

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_159

Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19

П. М. Козырева¹, А. И. Смирнов²

^{1,2}Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

¹pkozyreva@isras.ru

²smir_al@bk.ru

Аннотация. Анализируются особенности социального самочувствия и поведения людей старшего возраста в условиях пандемии коронавируса. Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Показано, что в условиях пандемии пожилой возраст становится фактором, усиливающим социальные риски и уязвимость. Но несмотря на это пожилые люди нередко преодолевают возникшие трудности с меньшими адаптационными затруднениями и издержками, чем более молодые.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, пожилые люди, социальная адаптация, социальное самочувствие

Благодарности: В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 159–167. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_159

Original Article

Peculiarities of Behavior of Elderly People in the Conditions of the Spread of the Covid-19 Pandemic

Polina M. Kozyreva¹, Alexander I. Smirnov²

^{1,2}Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹pkozyreva@isras.ru

²smir_al@bk.ru

Abstract. The features of social well-being and behavior of older people in the context of the coronavirus pandemic are analyzed. Analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE). It is shown that in a pandemic, old age becomes a factor that increases social risks and vulnerability. But despite this, older people often overcome the difficulties that have arisen with less adaptation difficulties than younger people.

Keywords: pandemic COVID-19, elderly people, social adaptation, social well-being

Acknowledgments: This article uses the results of projects carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2022). Peculiarities of behavior of elderly people in the conditions of the spread of the COVID-19 pandemic. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2(847), 159–167. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_159

ВВЕДЕНИЕ

Среди различных категорий населения в наиболее сложном положении в период распространения пандемии COVID-19 оказались люди старшего возраста. Последствия коронавирусной эпидемии, которая за очень короткий срок охватила всю территорию России, проявились таким образом, что первоочередными стали проблемы, связанные с охраной здоровья, защитой прав и социальной поддержкой населения в возрасте старше трудоспособного. Это обусловлено прежде всего их возрастной уязвимостью, а также тем, что пожилые люди находятся в самой непосредственной зависимости от тех мероприятий, которые проводятся государством в области социальной защиты данной категории населения. Люди старшего возраста очень часто зависят от поддержки своего ближайшего окружения и от ухода за ними лиц, без которых они не способны решать проблемы повседневного быта, вести активный образ жизни.

Адекватная оценка ущерба, наносимого эпидемией коронавируса пожилым людям и их способности адаптироваться к кардинально изменившимся условиям, требует тщательного всестороннего анализа их социального самочувствия и особенностей адаптационного поведения. При этом объективная оценка не может быть дана без учета влияния важнейших параметров, характеризующих занятость, возрастную и поселенческую структуру пожилых. Следует учитывать также многочисленные вариации в этой категории населения и многоплановые роли, которые они играют в обществе.

В статье мы попытались дополнить анализ влияния эпидемии COVID-19 на социальное самочувствие и поведение пожилых россиян, достигших 60-летнего возраста, сосредоточив внимание на оценке влияния пандемии коронавируса на социальные настроения и ожидания пожилых, изучении их ответных реакций на новые вызовы. Исследование помогает лучше понять, насколько уверенно они ощущают себя в условиях ковидных угроз и ограничений, какие проблемы являются наиболее актуальными для этой категории населения. Анализ опирается на данные 29 волны (декабрь 2020 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS – HSE)»¹.

¹Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS – HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS – HSE: <http://www.hse.ru/rlms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

СОБЛЮДЕНИЕ КОРОНАВИРУСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В связи с высокими рисками наиболее жесткие требования самоизоляции в период нарастания эпидемии коронавируса были установлены для пожилых людей. Состояние, которое они пережили в этот период, в полной мере можно отнести к «травматическому кризису», вызванному «экстремальной ситуацией, имеющей серьезные негативные последствия для здоровой жизнедеятельности» [Касьянов, Гафиатулина, Самыгин, 2020, с. 57]. Как показал анализ, большинство людей старшего возраста с пониманием отнеслись к этим требованиям. Согласно данным мониторинга, среди респондентов в возрасте 60+ было в 2,5 раза больше, чем среди лиц более молодого возраста, граждан, которые очень строго соблюдали режим ограничений на выход из дома, введенного весной 2020 г. (см. табл. 1). Причем, среди 70–79-летних удельный вес респондентов, выдерживающих такой непростой режим, достигал 66,7 %, а среди тех, кто преодолели 80-летний рубеж – 79 %.

Поскольку пандемия изменила жизнь пожилых людей в более безопасной, с точки зрения распространения эпидемии, сельской местности не так серьезно, как в городе, пожилые сельчане отнеслись к соблюдению ограничительных требований на выход из дома проще, чем горожане. Но и среди них было немало тех, кто неукоснительно выполняли все предписания (48,6 % против 66,3 % среди жителей региональных центров и 55,3 % среди жителей других городов). Наиболее весомой доля таких респондентов оказалась среди пожилых женщин, проживающих в региональных центрах, тогда как наименьшей – среди сельских мужчин пожилого возраста (соответственно 70,3 и 37,2 %). В целом пожилые женщины отнеслись к соблюдению режима самоизоляции гораздо серьезнее, чем мужчины (62 % против 49,3 %), тогда как влияние образования на поведение респондентов в данном случае оказалось практически незаметным.

Что касается работающих пожилых – большинство из которых составляют так называемые «молодые старые», сохранившие высокий трудовой и личностный потенциал, – то свыше трети из них были вынуждены в период действия жестких ограничений изменить установленный ранее режим работы (см. табл. 2). Среди них было лишь немного меньше, чем среди других занятых, работников, которые стали вынужденно работать дистанционно (7,7 % – постоянно; 4,7 % – периодически), и немного больше тех, кто только числился на работе (19,4 %).

Таблица 1

СОБЛЮДЕНИЕ РЕЖИМА ОГРАНИЧЕНИЙ НА ВЫХОД ИЗ ДОМА
ИЗ-ЗА ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА, ВВЕДЕННОГО ВЕСНОЙ 2020 г. (в %)

Строгость соблюдения режима изоляции	В целом	По возрастным группам						
		14–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и более	в том числе		
						60–69 лет	70–79 лет	80 лет и более
Очень строго, практически не выходили из дома	34,6	28,7	19,1	23,2	58,0	45,8	66,7	79,0
Не очень строго, часто выходили из дома	36,9	45,8	38,9	35,9	31,0	38,0	28,4	15,5
Совсем не соблюдали	6,3	7,5	8,7	7,2	3,1	4,1	1,9	1,9
Ограничения не коснулись	22,2	18,0	33,3	33,7	7,9	12,1	3,1	3,6

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАНЯТЫХ РАЗНОГО ВОЗРАСТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РЕЖИМА РАБОТЫ В ПЕРИОД ВВЕДЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПАНДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА (в %)

Режим работы	В целом	По возрастным группам			
		14–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и более
Продолжали выходить на работу в прежнем режиме	61,5	54,6	60,4	65,9	61,4
Стали работать дистанционно, на дому, на работу приходили, когда возникала необходимость	9,6	9,0	10,7	8,8	7,7
Стали работать дистанционно, на дому, на работу не ходили	5,7	6,6	6,3	4,8	4,7
Работали дистанционно, на дому, как и до введения ограничений	1,0	1,0	1,1	0,7	1,5
Числились на работе, но не работали, сидели дома	16,0	18,8	14,7	15,4	19,4
Другое	6,2	10,0	6,8	4,4	5,3

Ужесточение режима коронавирусных ограничений в ситуации возросшей неопределенности повысило внимание работодателей к «нестандартным» формам поведения на рынке труда, которые получили особенно широкое распространение в России в 1990-е гг. Речь идет о таких спонтанно возникших способах адаптации, как административные отпуска, работа по сокращенному графику, вторичная занятость, систематические задержки заработной платы, «скрытая» оплата труда и т. п. [Капелюшников, 2001]. Обращение к подобным механизмам помогает работодателям с наименьшими потерями выйти из кризисных ситуаций, но в то же время снижает уровень социальной безопасности, поскольку ведет к ущемлению трудовых прав работников.

Согласно данным RLMS – HSE, в период введения ограничений, связанных с пандемией коронавируса, доля работников пожилого возраста из числа работающих на предприятиях и в организациях, которым работодатели уменьшили заработную плату или которых перевели на сокращенный график работы против их желания, составила 13,5 %. Менее значительным оказалось число занятых пожилого возраста, которых работодатели отправляли в неоплачиваемый отпуск (5,4 %). При этом они гораздо реже уходили в вынужденный отпуск, чем работники более молодого возраста, среди которых значительно увеличилось число работающих без официального оформления трудовых отношений.

В условиях пандемии был отмечен хорошо заметный рост обеспокоенности работников угрозой

потери рабочего места, нарастающий по мере повышения возраста респондентов. Среди работников пожилого возраста доля лиц, в большей или меньшей степени выражающих тревогу по этому поводу, выросла с 55,3 % в декабре 2019 г. до 60 % в декабре 2020 г., тогда как доля тех, кого угроза безработицы не волнует, за этот период сократилась с 32,8 до 25,4 %. Страх увольнения был связан прежде всего с возрастной уязвимостью работников старшего возраста, которые в сложных ситуациях обычно являются первыми кандидатами на увольнение, чаще занимают позиции, которые очень трудно или невозможно перевести на удаленный формат. Причем среди них оказалось немало таких людей, которых во время пандемии угроза увольнения волновала больше, чем опасность заболевания.

Одним из главных мероприятий, способствующих преодолению пандемии, стала вакцинация граждан от коронавирусной инфекции. Однако с самого начала реализация этого требования столкнулась с большим сопротивлением со стороны населения, которое во многом было вызвано недооценкой коронавирусной угрозы, уверенностью значительной части граждан в том, что эпидемия обойдет их стороной, недоверием к вакцинам и официальной информации о коронавирусе. Сыграла свою роль также непоследовательность и половинчатость управленческих решений органов власти, нередко запоздалых или неадекватных ситуации.

Согласно данным мониторинга, в декабре 2020 г. только 7,8 % опрошенных россиян были готовы вакцинироваться в любом случае и еще 35,2 % соглашались, но только при условии уверенности в безопасности и надежности вакцины. Среди пожилых людей таких было меньше, чем среди более молодых — соответственно 7,4 и 31,8 %. При этом с возрастом желающих вакцинироваться становилось все меньше и меньше. Среди респондентов в возрасте 80+ подобное желание выразили всего лишь 6,3 и 23,1 % соответственно. У многих из тех пожилых людей, которые воздерживались от вакцинации, надежда на быстрое завершение пандемии, на то, что эпидемия обойдет их стороной, брала верх над чувством самосохранения и личной безопасностью.

Пожилые горожане немного чаще пожилых сельчан выражали готовность вакцинироваться в любом случае (8,1 % против 5,3 %), но реже — при условии уверенности в безопасности и надежности вакцины (30,5 % против 35,8 %). Наиболее противоречивыми позиции по отношению к проблеме вакцинации оказались у пожилых россиян, проживающих в региональных центрах, т. е. в мегаполисах и других крупных городах. Среди них

выразили готовность вакцинироваться: в любом случае — 9,1 %; при условии уверенности в надежности и безопасности вакцины — 27,1 % респондентов.

Влияние образования на формирование позиций пожилых россиян по вопросу вакцинации выразилось в росте удельного веса респондентов, демонстрирующих готовность вакцинироваться по мере повышения уровня образования: в любом случае — с 5,4 % среди лиц с неполным средним образованием до 9,3 % среди лиц с высшим образованием; при условии уверенности в надежности и безопасности вакцины — с 23,8 до 34 % соответственно.

Серьезное сопротивление или скептическое, осторожное отношение к прививочной кампании демонстрировали не только обычные граждане, но и многие медицинские работники, не располагающие исчерпывающей информацией о безопасности и эффективности вакцин. Увеличению охвата вакцинацией и повышению осведомленности населения о безопасности и эффективности вакцин препятствовало отсутствие доверительного диалога между регуляторами, производителями вакцин, врачебным сообществом и гражданами. Негативную роль сыграло также распространение антипрививочниками ложной информации о вакцинации, оказывающее влияние на общественное мнение.

ВЛИЯНИЕ ЭПИДЕМИИ И КОРОНАВИРУСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ЗДОРОВЬЕ И ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН

В конце 2020 г. число россиян, свидетельствующих о том, что эпидемия и связанные с ней ограничения негативно отразились на их здоровье, составило 12,6 %. При этом 1,3 % респондентов указали, что их здоровье стало определенно хуже и 11,3 % — немного хуже. Среди пожилых респондентов таких людей оказалось почти вдвое больше — соответственно 4,4 и 17,3 %. Как и следовало ожидать, хуже других оценивали влияние пандемии на свое здоровье респонденты самого старшего возраста, перешагнувшие 80-летнюю границу — соответственно 6,1 и 20,8 %.

Что касается ограничений на выход из дома, которые были введены весной 2020 г., то многие пожилые люди пострадали от них даже больше, чем молодежь, которую локдаун лишил привычного общения и развлечений, сломал устоявшийся распорядок жизни. Очень многие пожилые россияне, больше всех нуждающиеся в силу своего возраста в медицинской помощи, были вынуждены отказаться от посещения медицинских учреждений из-за боязни заразиться коронавирусом или не смогли воспользоваться

Таблица 3

ПРИЧИНЫ ОТКАЗА ОТ ПОМОЩИ, НЕ СВЯЗАННОЙ С КОРОНАВИРУСОМ,
В МЕДИЦИНСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ В ПЕРИОД С МАРТА ПО ИЮЛЬ 2020 г.

Причины отказа от помощи в медицинском учреждении	В целом	По возрастным группам						
		14–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и более	в том числе		
						60–69 лет	70–79 лет	80 лет и более
Нуждались в каком-либо обследовании или лечении:								
% от числа опрошенных	15,9	6,3	9,5	13,1	28,0	23,5	33,5	32,1
Численность	1638	118	249	323	948	415	332	201
Из них:								
Отказались из-за опасности заразиться коронавирусом, %	20,1	14,4	15,7	17,3	23,0	22,6	24,4	21,5
Не смогли, потому что медучреждения были закрыты или лечили только больных коронавирусом, %	33,8	26,3	30,5	35,0	35,2	33,9	38,0	33,5

Таблица 4

ВЛИЯНИЕ РЕЖИМА ОГРАНИЧЕНИЙ НА ЗДОРОВЬЕ И ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН (в %)

Режим самоизоляции	В целом	По возрастным группам						
		14–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и более	в том числе		
						60–69 лет	70–79 лет	80 лет и более
Ухудшилось самочувствие из-за ограничения двигательной активности	13,9	12,4	9,0	10,1	21,4	17,6	25,3	26,0
Было «нечем» себя занять	10,2	15,7	7,7	7,3	11,2	10,3	12,3	12,0
Занялись самообразованием	11,9	26,6	10,2	8,6	7,4	8,4	7,4	4,8
Больше читали, смотрели фильмы, передачи и т.д.	37,9	48,0	31,1	32,3	41,8	41,6	46,4	35,1
Начали злоупотреблять алкоголем	1,9	1,2	2,5	2,7	1,2	1,9	0,5	0,3
Чувствовали недостаток общения	29,2	36,2	23,9	23,0	34,0	31,5	37,0	36,2
Появилось чувство тревоги	29,1	20,7	23,4	27,3	39,4	36,4	43,6	40,9
Появилась депрессия	9,8	8,7	7,2	9,3	12,8	11,1	15,8	13,1
Стали больше общаться по телефону, Интернету	38,6	54,5	37,8	34,3	33,6	36,3	34,9	24,0
Не смогли поехать в отпуск	14,3	15,1	18,2	16,5	9,2	10,7	10,2	3,0

необходимыми медицинскими услугами, поскольку медучреждения были закрыты или лечили только больных коронавирусом (см. табл. 3). Среди респондентов в возрасте 60+, нуждающихся в каком-либо обследовании или лечении, таких оказалось 23 и 35,2 % соответственно. Для части этих людей, особенно страдающих диабетом, онкологией, сердечно-сосудистыми и другими серьезными хроническими заболеваниями, отсутствие возможности своевременно

пользоваться медицинскими услугами имело тяжелые, иной раз катастрофические последствия. Многие хронические болезни обострились на фоне коронавируса и усугубляли его течение. Вследствие худшего доступа к медицинским услугам изначально в наиболее неблагоприятной ситуации оказались сельчане.

Как следует из таблицы 4, в период локдауна каждый пятый пожилой респондент почувствовал ухудшение самочувствия из-за ограничений

двигательной активности, тогда как среди лиц более молодого возраста таких было вдвое меньше. Но если среди пожилых сельчан доля лиц, подверженных таким негативным настроениям, составляла только 8,4 %, то среди проживающих в региональных центрах — 28,9 %, а среди проживающих в других городах — 23 %. Пожилые женщины чувствовали ухудшение самочувствия из-за изоляции почти в полтора раза чаще пожилых мужчин (23,4 % против 17 %).

Среди пожилых было также заметно больше респондентов, у которых появилось чувство тревоги (39,4 % против 20,7 % в когорте 14–29-летних; 23,4 % — 30–44-летних; 27,3 % — 45–59-летних) и депрессия (12,8 % против 8,7 % в когорте 14–29-летних; 7,2 % — 30–44-летних; 9,3 % — 45–59-летних). Причем больше всего испытывающих такие негативные ощущения было среди респондентов, перешагнувших 70-летний возрастной рубеж. Как и в предыдущем случае, пожилые горожане и женщины испытывали их намного чаще, чем пожилые сельчане и мужчины.

Вместе с тем подавляющее большинство пожилых людей отмечали, что в обстановке повышенной нервозности, неопределенности и страхов по поводу настоящего и будущего их отношения с близкими людьми не стали хуже. Только 5,6 % респондентов в возрасте 60+ указали, что пандемия коронавируса и связанные с ней ограничения в большей или меньшей степени негативно отразились на их внутрисемейных отношениях. Но были и такие респонденты, которые в период вынужденной самоизоляции смогли улучшить отношения с другими членами семьи. Причем подобная картина наблюдалась практически во всех возрастных когортах.

Исследование также показало, что, пребывая в ситуации самоизоляции и строгих ограничений, каждый третий пожилой респондент почувствовал недостаток живого общения, который чаще всего компенсировался повышением интенсивности общения по телефону и Интернету. Наименее активными участниками онлайн-пространства и пространства социальных сетей были респонденты самого старшего возраста (24 % против 36,3 % среди 69–70-летних и 34,9 % среди 70–79-летних), мужчины (24,5 % против 37,9 % среди женщин), сельчане (27,4 % против 38,9 % среди горожан). 41,8 % пожилых граждан стали больше читать, смотреть фильмы, телепередачи и т. д., причем среди пожилых горожан их было едва ли не вдвое больше, чем среди пожилых сельчан (46,9 % против 27,4 %). Кроме того, 7,4 % граждан пожилого возраста, несмотря на свой возраст, занялись самообразованием. И лишь немногие пожилые (1,2 %) начали злоупотреблять алкоголем.

В силу резко возросшей нагрузки на все государственные структуры значительно выросла актуальность проблем помощи наиболее уязвимым группам населения, которые традиционно относятся также к сфере деятельности институтов гражданского общества. При этом важнейшим моментом в развитии адаптационных процессов в период распространения пандемии коронавируса стала самоорганизация населения, способствующая активизации взаимопомощи как одного из эффективных способов социальной адаптации. Существенно повысилась роль феномена волонтерства и реализации различных общественных инициатив, стали появляться новые формы взаимопомощи и поддержки, инновационные форматы коммуникаций. И можно предположить, что многие из этих практик, появившиеся благодаря пандемии коронавируса и карантинным ограничениям, останутся с нами после окончания эпидемии.

Согласно данным исследования, в период действия режима самоизоляции и других ограничений нуждались в какой-либо помощи и поддержке около 30 % пожилых людей, в том числе среди 60–69-летних — 17 %; 70–79-летних — 37,6 %; перешагнувших 80-летнюю границу — 53,7 %. При этом подавляющее большинство из них получили необходимую помощь. Доля пожилых респондентов, которые нуждались в помощи и поддержке, но не дождались ее, составила только 2,1 %. Больше всего респондентов, оставшихся без поддержки социальных служб, волонтеров и родственников (2,9 %), было в самой старшей возрастной когорте.

УРОВЕНЬ АДАПТАЦИИ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

К концу 2020 года большинство пожилых людей так или иначе приспособились к изменениям в условиях жизни, вызванным эпидемией коронавирусной инфекции. Как видно из таблицы 5, те или иные адаптационные затруднения испытывали немногим более четверти респондентов, достигших 60-летнего возраста: 5,3 % — не могли справиться с необычной и опасной ситуацией и 22,4 % — привыкали к изменениям с большим трудом (см. табл. 5). Среди пожилых респондентов люди, с трудом приспосабливающиеся к новым условиям, встречались в полтора раза чаще, чем среди более молодых. А наибольшие трудности испытывали россияне 70–79-летнего возраста (соответственно 7,1 и 24,6 %).

Исследование также показало, что среди пожилых сельчан было на треть больше, чем среди пожилых горожан, людей, которые продолжали

УРОВЕНЬ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЯМ, ВЫЗВАННЫМ ЭПИДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА (в %)

Уровень адаптации	В целом	По возрастным группам						
		14–29 лет	30–44 лет	45–59 лет	60 лет и более	в том числе		
						60–69 лет	70–79 лет	80 лет и более
Не могут справиться с новой ситуацией	3,5	2,8	2,3	2,9	5,3	3,8	7,1	6,6
С большим трудом привыкают к изменениям	18,2	17,0	16,1	15,6	22,4	21,8	24,6	20,7
В целом приспособились к изменениям	24,1	24,0	23,7	23,8	24,6	25,7	24,8	21,3
Живут, как раньше	57,1	52,9	55,4	55,3	45,6	47,3	40,9	48,2
Сумели использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь	1,1	2,0	1,2	1,0	0,6	0,7	0,6	0,3
Затруднились ответить	1,4	1,3	1,3	1,4	1,5	0,7	2,0	2,9

жить, ничего не меняя, как и раньше (54,9 % против 41 %). Но не меньше было и тех, кто не могли справиться с новой ситуацией (4,6 % против 5,5 %) или привыкали к изменениям с большим трудом (23,9 % против 22,1 %).

Несмотря на то, что в экстремальных условиях пандемии, характеризующихся возросшими угрозами безопасности и снижением защищенности, пожилые люди оказались достаточно уязвимой категорией населения, принятые меры социальной изоляции и ограничений экономической активности не сказались на их социальном самочувствии в большей мере, чем на гражданах трудоспособного возраста. С декабря 2019 г. по декабрь 2020 г. среди опрошенных пожилых людей доля респондентов, удовлетворенных своей жизнью в целом, не только не упала, а даже немного увеличилась – с 43,7 до 45,7 %. В то же время среди респондентов, не достигших пожилого возраста, доля таких людей сократилась, в том числе среди 14–29-летних – с 65,3 до 60,6 %, 30–44-летних – с 56,7 до 54,2 %, 45–59-летних – с 49,1 до 47,5 %. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении изменения уровня удовлетворенности респондентов материальной стороной своей жизни. Среди пожилых людей доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворенных своим материальным положением, увеличилась с 26,1 до 27 %, тогда как доля недовольных сократилась с 53,5 до 51,8 %.

Вместе с тем на фоне коронавирусного кризиса и других, усиливающих нестабильность и неопределенность вызовов, отмечались негативные сдвиги в восприятии россиянами ряда основных вопросов социально-экономической повестки. Во всех возрастных когортах уменьшилось число

респондентов, заметивших какое-либо улучшение материального положения своих семей, и увеличилось число тех, кто почувствовал его ухудшение. При этом среди пожилых людей доля позитивных ответов за год сократилась с 13 до 8,2 %, тогда как доля негативных выросла с 22,3 до 25,6 %. Причем 19,8 % пожилых респондентов непосредственно связывали ухудшение материального положения своих семей с эпидемией и пандемийными ограничениями, что было лишь немного меньше, чем среди всех опрошенных (23,7 %).

Более оптимистично были настроены пожилые люди, имеющие возможность трудиться. Причем за первый пандемийный год доля респондентов, удовлетворенных своей жизнью в целом, выросла среди работающих пожилых с 53,8 до 61,6 %, тогда как среди неработающих – только с 41,9 до 43,1 %. Подобные тенденции наблюдались также в отношении роста удовлетворенности респондентов своим материальным положением (соответственно: с 27,8 до 31 % и с 25,8 до 26,5 %). Но в то же время работающие пожилые стали гораздо чаще замечать негативные изменения в материальном положении своих семей. Среди них доля лиц, указавших на улучшение материального положения, сократилась с 16,2 до 6,8 %, тогда как доля заметивших его ухудшение выросла с 17,8 до 27,7 %. В то же время среди неработающих пожилых эти изменения составили соответственно с 12,5 до 8,4 % и с 23,1 до 25,2 %. Значительно выросла тревожность пожилых россиян по поводу возросшей угрозы безработицы. Доля работающих пожилых, которых в той или иной мере беспокоит эта проблема, выросла с 55,4 до 60,2 %, а доля неуверенных в том, что в случае потери работы им удастся

найти новую работу не хуже прежней, увеличилась с 65,8 % до 72,5 %.

Вызывает интерес тот факт, что за год практически не изменилось число пожилых россиян, чувствующих себя одинокими. С декабря 2019 г. по декабрь 2020 г. доля лиц, испытывающих чувство одиночества практически всегда или часто, среди них уменьшилась с 19,6 до 18,1 %, тогда как доля, испытывающих такое чувство редко, увеличилась с 33,3 до 35,4 %. Это говорит о том, что социальная изоляция и одиночество не слишком связаны между собой: человек может даже длительное время жить изолированно от общества, но не чувствовать себя одиноким, и наоборот.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на стремительный рост угроз в период распространения коронавирусной инфекции, пандемия не привела к катастрофическому росту упаднических настроений у пожилых людей. Большинство граждан старшего возраста заняли выжидательную позицию, чтобы пережить период самоизоляции и других жестких ограничительных мер, стараясь во возможности сохранить прежний

уровень жизни, минимизировать жизненно необходимые траты, организовать нормальный, насколько это возможно в условиях пандемии, семейный быт, наладить необходимые связи с внешним миром. При этом в силу особенностей образа жизни пожилых людей адаптация к новым, во многом необычным жизненным обстоятельствам требовала от них меньших усилий, чем от людей трудоспособного возраста. Это касается решения проблем как материального, так и социального и коммуникативного характера. В период распространения пандемии пожилые люди, относящиеся к наиболее уязвимым, нуждающимся в особой заботе категориям населения, стали объектом повышенного внимания со стороны общества и в подавляющем своем большинстве смогли получить необходимую им помощь и поддержку. Вместе с тем исследование выявило у людей старшего возраста крайне низкий уровень готовности вакцинироваться от коронавирусной инфекции как следствие недооценки опасности эпидемии и тяжести последствий заболевания для здоровья человека, отсутствия уверенности в затяжном характере пандемии. Сказался также невысокий уровень информированности населения как о самой пандемии, так и о мерах по борьбе с коронавирусом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Касьянов В. В., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. Т. 9(42). С. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.3>.
2. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М. : ГУ ВШЭ, 2001.

REFERENCES

1. Kasyanov V. V., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. (2020). Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation regime of the Russian population. Humanities of the South of Russia, 2, 9(42), 51–63. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.3>. (In Russ.)
2. Kapeljushnikov R. I. (2001). Rossijskij rynok truda: adaptacija bez restrukturizacii = Russian Labor Market: Adaptation without restructuring. Moscow: GU VShJe. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна

доктор социологических наук, первый заместитель директора ФНИСЦ РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики»

Смирнов Александр Ильич

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kozyreva Polina Mihailovna

Doctor of Sociology (Dr. habil), First Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics

Smirnov Alexander Iljich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Senior researcher at the Institute of Sociology of FCTAS RAS

Статья поступила в редакцию 04.03.2022
одобрена после рецензирования 24.03.2022
принята к публикации 04.03.2022

The article was submitted 04.03.2022
approved after reviewing 24.03.2022
accepted for publication 04.03.2022

Научная статья

УДК 316.723

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_168

Управленческая культура как надындивидуальное образование

Д. Г. Передня¹, О. В. Филимонов²

¹Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия
2975829@mail.ru

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
Москва, Россия
ofilimonov@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе метода анализа документов предлагается решение проблемы редуцирования управленческой культуры к культуре управления. Данный деструктивный теоретический подход стал возможен в результате сведения надындивидуального феномена, коим является управленческая культура, к индивидуальному уровню. Такое положение дел резко снижает методологические возможности исследования управленческой культуры организации и делает невозможным осуществление регулирующих воздействий на этот феномен.

Ключевые слова: управленческая культура, культура управления, социальный реализм, надындивидуальность

Для цитирования: Передня Д. Г., Филимонов О. В. Управленческая культура как надындивидуальное образование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 168–175. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_168

Original article

Management Culture as a Superindividual Essence

Dmitriy G. Perednya¹, Oleg V. Filimonov²

¹Academy of Management of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
2975829@mail.ru

²Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia
ofilimonov@yandex.ru

Abstract. Based on the document analysis method, the article proposes a solution to the problem of reducing managerial culture to management culture. This destructive theoretical approach became possible as a result of reducing the supra-individual phenomenon, which is managerial culture, to the individual level. This state of affairs sharply reduces the methodological possibilities of studying the managerial culture of an organization and makes it impossible to implement regulatory influences on this phenomenon.

Keywords: management culture; management culture; social realism, supra-individuality

For citation: Perednya, D. G., Filimonov, O. V. (2022). Management culture as a superindividual essence. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 168–175. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_168

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время ученые различных областей знания часто предпринимают попытки рассмотрения управления сквозь призму культуры. Как правило, синтез управления и культуры приводит к необходимости исследования управленческой культуры, либо культуры управления. Погружение в проблематику этих феноменов позволяет увидеть, что авторы не всегда замечают существенные отличия этих феноменов. Есть случаи, когда управленческую культуру и культуру управления рассматривают как синонимы.

Возьмем в качестве примера вариант изучения интересующих нас понятий, предложенный Л. Г. Устиновой. Этот автор начинает рассмотрение управленческой культуры через авторитет руководителя, затем сообщает, что «все вышесказанное подводит нас к понятию “культура управления”, которая, наравне с авторитетом руководителя, играет ключевую роль в организации деятельности коллектива» [Устинова, 2014]. Далее осуществляется анализ культуры управления, определяется ее сущность и вариант структурного анализа. Есть и другие примеры, когда авторы недостаточно четко различают разницу между двумя проявлениями похожих, но различных социальных образований [Мирышкина, Пасько, 2014; Коневская, 2014; Бикметов, 2014]. На наш взгляд, повысить качество подобных исследований организационного управления в культурном контексте поможет понимание управленческой культуры как надындивидуального явления. Тогда интегрированное знание о действительном состоянии управления в организации станет более предметным и обоснованным.

Цель исследования – выделить и описать надындивидуальную, сверхличностную природу управленческой культуры в организации, наглядно представить этот феномен как результат взаимодействия множества элементов организации.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И НАДЫНДИВИДУАЛЬНОЕ

Индивидуальное и надындивидуальное следует понимать, отталкиваясь от идей, высказанных Э. Дюркгеймом [Дюркгейм, 1995], в рамках субстанционального социального реализма. Разрабатывая этот теоретический взгляд он в значительной степени опирался на представления О. Конта об обществе как исторической реальности, которая не должна быть сведена к отдельным индивидам [Подвойский, 2004]. Социальный реализм, в рамках которого общество есть реальность особого рода, и его нельзя сводить к реальностям других видов, приводит к мысли о том, что

факты и продукты общественного развития существуют вне индивидов и над ними. Иначе говоря, управленческая культура представляет собой социальный факт и не может анализироваться на уровне индивидов. Общество вместе со всеми его составляющими намного более сложный, в функциональном смысле, продукт, который появился в результате ассоциации индивидов, прежде всего, как результат их взаимодействий друг с другом. Общество – это интегральная часть существа индивидов; оно определяет их поведение и по сути господствует над ними.

Сами по себе действия индивидов разрозненны и бессмысленны. Для предотвращения этого каждый связан с каким-то делом, с чем-то надындивидуальным. Например, народом, государством, отечеством, организацией, общностью, с множеством коллективных представлений, надындивидуальных образований, таких как язык, мораль, мифология, религия. В результате порождается и поддерживается мир над каждым и вне каждого. Управленческая культура представляет собой абстрактное понятие, при рассмотрении которого мы не можем принимать во внимание индивидуальные особенности участников управленческого процесса разных социальных общностей. Управленческая культура – продукт множества интеракций внутри той или иной организации. Она проявляется через преобладающие способы управленческой деятельности, сложившиеся в той или иной организации. Отбор способов взаимодействия в значительной мере обусловлен функциональным предназначением конкретного учреждения. Типичные, распространенные способы взаимного воздействия участников управленческого процесса определяют социальные отношения между субъектами и объектами управления. Всё это детерминировано как внешними, так и внутриорганизационными факторами.

На индивидуальном когнитивном уровне существует культура управления, как некоего рода этика, в основе которой лежат управленческие знания, навыки, умения, потенциально способные осуществиться в управленческой деятельности. Иногда эти индивидуальные продукты, как правило вторичной социализации, могут рассматриваться в сравнении с уровнями совершенства или мастерства управления других индивидов. Может производиться оценивание развития творческого потенциала отдельной персоны, частных инновационных приемов регулирования социальных отношений. Во всех подобных случаях можно говорить не только о культуре управления, но и об искусстве управления. Любой участник управленческого процесса, например, руководитель, являясь носителем культуры управления, постепенно

сформирует свой стиль управления. С этим набором индивидуальных свойств и характеристик он включается в множество интеракций с другими членами организации, в результате разворачивается деятельность по взаимному упорядочиванию элементов организационной системы в интересах достижения различных целей, как основных, так и второстепенных. Такой надындивидуальный продукт, образовавшийся в результате совместной регулирующей деятельности и есть управленческая культура. К сожалению, у многих исследователей должного понимания разницы рассматриваемых понятий нет. Очень часто они склонны редуцировать управленческую культуру до уровня профессионализма отдельного индивида. Так, А. Е. Бусыгин, рассматривая влияние управленческой культуры на социальную реальность, пишет: «для повышения уровня управленческой культуры государственного аппарата необходимо: повышение степени профессионализма государственных служащих» [Бусыгин, 2020, с. 37].

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Прежде всего сформируем онтологическую картину управленческой культуры на уровне ее действительного существования. Рассмотрим ее внутреннее содержание, взаимоотношения с другими явлениями бытия. Природа управленческой культуры организации обнаруживается и проистекает из взаимовлияния и взаимообусловленности элементов системы. Прежде всего выделим объект и субъект управления, затем их социальные взаимодействия. В ходе управленческой деятельности всегда складываются неразрывные субъектно-объектные взаимодействия, как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях. Важно понимать и учитывать их множественность (см. рис. 1). В организации одновременно функционируют много лиц, принимающих решения, и множество исполнителей. И у тех и у других есть как разнообразие характеристик, так и совокупность сходств. «Взаимодействие с другими людьми и даже их присутствие – реальное, воображаемое или подразумеваемое – существенно влияет на мысли, чувства и поведение человека и, более того, сопровождается возникновением «надындивидуальных» явлений, свойственных некоторой совокупности лиц как целому» [Каширина, 2005, с. 5].

Рассмотрим и охарактеризуем перечисленные элементы. Начнем с объекта управления. Под ним понимают всё то, чем управляют. Управлять можно структурными подразделениями внутри

организации, отделами, департаментами, ведомствами; отдельными индивидами; социальными явлениями и процессами. На всё это направлены планомерные воздействия субъектов управления. Цели при этом могут быть разные: устремить объект по запланированному пути развития, придать ему состояние большей организованности, изменить или добиться необходимых количественных характеристик или соответствия установленным требованиям.

Под субъектом управления в социологии управления понимают либо индивидуального субъекта, например, руководителя или начальника, который наделен властью над сотрудниками. Либо субъектом выступает весь управленческий аппарат. Управленческая культура не сводится к индивидуальным управленческим свойствам участников управленческого процесса, не важно, какие посты они занимают. Управленческая культура вбирает в себя не единичные проявления и свойства, а всё, что является распространенным и типичным для конкретного учреждения, что характеризует организацию.

Взаимодействия лежат в основе любой общественной жизни. Они в значительной мере определяют процесс управления. Для того чтобы выразить процесс и содержание взаимодействий, мы используем наработки Я. Щепаньского [Щепанский, 1969], в рамках которых под социальными взаимодействиями понимается систематическое, постоянное осуществление взаимоориентированных социальных действий. Социальные действия направлены на то, чтобы вызвать изменения в поведении, установках индивидов или социальных групп. В социальном действии помимо действующего лица важно видеть предмет действия, т.е. то, на что действуют, и то, с помощью чего воздействуют, каким методом используют средства воздействия. После социального действия всегда рефлексировать его результаты, реакции тех, на кого воздействуют.

Проблемы выбора средств или орудий действия, а также методов действия, в теории социальных действий [Кравченко, 2001] вызывают особый интерес. Все возможные действия, направленные на изменение поведения людей, описывают в категориях негативного принуждения, через нажим, запреты, давление, репрессии к нежелательному поведению; либо через позитивное убеждение, которое вызывает желательное поведение без обращения к различного рода насилию.

На основе взаимно направленных социальных действий образуются причинно обусловленные взаимодействия, порождающие зависимость. Управляющий воздействует на подчиненного, ожидая от него определенной реакции. В зависимость от полученной реакции подбирается

Рис. 1. Основные элементы, порождающие управленческую культуру организации

очередное действие руководителя. Каждое последующее действие осуществляется в несколько видоизмененном виде, даже если по внешним признакам оно кажется идентичным предшествующим. При этом подчиненные тоже управляют начальниками, так как видоизменяют их поведение. Другими словами, если воспользоваться терминологией Э. Гидденса, речь идет о гомеостатических петлях, когда при помощи казуальной атрибуции создается эффект обратной связи, которая «является в значительной степени результатом непреднамеренных последствий» [Гидденс, 2005, с. 498]. Казуальность вытекает из межличностного восприятия и обуславливается интерпретацией или особенностями какого-либо социального взаимодействия. Указанные структурные звенья создают и определяют протяженность социальной системы в пространстве, на основе механизмов социальной и системной интеграции.

Обратим внимание на контекстуальность управления. Она выражается в ситуативности характера взаимодействия субъектов и объектов управления

в пространстве и времени и специфике коммуникации между ними. Важную роль играют коммуникационные аспекты социальных взаимодействий участников управленческого процесса. Они во многом являются главной движущей силой в создании реального образа того, каково управление на самом деле. От уровня и качества внутриорганизационной коммуникации зависит эффективность управления. Социальное построение организации осуществляется на информационных принципах, в соответствии с которыми решающее значение имеет надындивидуальная, т. е. социальная информация. В любом учреждении она всегда присутствует и обеспечивает накопление, хранение, передачу важной информации, от которой зависит поведение индивидов. От бывших сотрудников к нынешним, и от них – к вновь поступившим – обмен информацией происходит как по вертикали, так и по горизонтали.

Важна циркуляция информации по горизонтальным связям, сотрудники при этом занимают примерно равные статусные позиции. Есть неосознаваемые влияния прежних руководителей, память

о которых и их роль некоторое время сохраняются и сказываются на выборе способов управленческого воздействия действующими управленцами. Иногда ввиду этого они стараются сохранить традиционный уклад организующих усилий, иногда специально изменяют его для скорейшего разрушения традиции, которая кажется им неприемлемой.

Субъекты управления создают и транслируют управленческие послы, которые можно выразить в виде целей, на достижение которых должны ориентироваться структурные подразделения организации. При этом они используют нематериальные ресурсы, которые вовлечены в генерацию власти. В определенном смысле это является источником могущества субъектов управления. Нематериальные ресурсы, используемые в процессе управления, извлекаются из способности использовать деятельность индивидов. Э. Гидденс называет такие ресурсы авторитативными. По его мнению, они «...проистекают из господства одних акторов над другими» [Гидденс, 2005, с. 497].

Надындивидуальная сущность управленческой культуры в данном случае выражается в диалектике взаимного контроля. Она позволяет менее могущественным управлять ресурсами более могущественных и тем самым устанавливать контроль над последними в сложившихся условиях властных отношений. Таким образом, представленный взгляд на управленческую культуру делает возможным увидеть двойственный характер распределения власти в организации. По сути, ей обладают как субъекты, так и объекты управления. Несколько небольших примеров, иллюстрирующих сказанное. Служебный автомобиль руководителя, его рабочий компьютер, которые обслуживаются подчиненными сотрудниками, важны для его жизнедеятельности, но, используя их, он вынужден понимать и учитывать свою зависимость от латентной власти своих подчиненных. Многие в подобного рода взаимодействиях, особенно если речь идет о деятельности, сопряженной с рисками, причем эти риски различной природы – физические, экономические, репутационные – основываются на балансе взаимного контроля.

Совокупность социальных взаимодействий в значительной их части существует в виде социальных отношений. Превращение социальных взаимодействий в отношения происходит, когда регуляция социальных действий смещается с социальных ожиданий в область нормированных предписаний. То есть появляется система обязанностей, долженствований, при которых участники управленческого процесса осуществляют интеракции на основе какого-либо интереса, задачи, установки, общих ценностей. Система долженствований

подчеркивает обязательность, большую предсказуемость взаимных реакций на управленческие действия.

Социальные отношения поддерживают социальную структуру, а также участвуют в ее создании. С одной стороны, структура выступает в роли посредника для воплощения управленческой культуры, с другой – структура становится продуктом управленческой культуры. В этом проявляется ее дуальность. Управленческая культура непрерывно организует массу разнородных социальных отношений. Как точно написал об этом Э. Гидденс, «...структуральные свойства социальных систем не существуют вне действия, а хронически подразумеваются в его производстве и воспроизводстве» [Гидденс, 2005, с. 498]. Свойство управленческой культуры к самовоспроизводству связано с общей инертностью социальных систем.

Социальные отношения, в конечном итоге, спланируют всех членов организации в функционирующую общность, появляется их идентичность как членов организации. В этой общности преобладающие управленческие практики, способы взаимного воздействия всех участников управленческого процесса друг на друга, варианты осуществления всевозможных воздействий порождают управленческую культуру. Чем больше своеобразие управленческих отношений, тем более выраженной является управленческая культура в организации. Регулирование социальных отношений осуществляется с помощью формальных и неформальных норм и ценностей.

Благодаря уже не ожиданиям, а долженствованию социальных отношений, социальная система имеет возможность выполнять свои функции, большая часть которых нормативно закреплена в различных формальных документах. В данном случае мы используем институциональный анализ. В результате институционализации социальных отношений произошло оформление функций организации, способных удовлетворить одну или несколько социальных потребностей. Также, благодаря социальным институтам, воспроизводятся правила функционирования организации, ее статусный набор, происходит выделение на постоянной основе необходимых ресурсов. Чаще всего обращают внимание на явные функции, которые запланированы и всеми осознаются. Есть еще латентные функции, которые никем не планируются и не осознаются [Мертон, 2006]. Объективные последствия всей совокупности управленческих воздействий как правило не совпадают с запланированным результатом, даже если на формальном уровне контрольной рефлексии стремятся показать совпадение предполагаемого с реальным.

Для повышения познавательного эффекта от научной концепции управленческой культуры, подчеркивающей ее надындивидуальный характер, при проведении функционального анализа, при выявлении ее функций, важно принимать во внимание всё их разнообразие. Учет только явных функций приводит к регистрации известных, предполагаемых моделей поведения. Большую эвристичность и научную новизну дает изучение запланированных функций, чтобы затем на их основе обнаружить латентные, неочевидные последствия управления. Изучение всей совокупности функций позволяет получить большее понимание социальных моделей управления в конкретной организации, помогает лучше понять управленческую культуру. Схематически это показано на рисунке 1.

Любая организация, представляя собой систему, в то же время является подсистемой для системы более высокого уровня. Структурно всё организовано и оформлено в соответствии, прежде всего, с действующей штатной структурой и численностью. При этом наполнение их культурным содержанием осуществляется с использованием всего многообразия базовых форм и проявлений культуры. Данный тезис на рисунке 1 показан через культуру управления, которая присутствует как часть структуры личностей индивидов – участников управленческого процесса. И субъекты, и объекты управления при осуществлении множества социальных интеракций как неформальных, так и тех, которые приобрели институциональный характер, могут потенциально воплощать на практике представления о том, как должно проходить управление. Также они могут обходиться общепринятыми способами взаимодействий, не прибегая к своему арсеналу представлений о том, каким, по их мнению, должно быть управление. Как именно это станет осуществляться, в какой мере культура управления станет превращаться в управленческую культуру, зависит от множества факторов различной природы, как общекультурных, так и внутриорганизационных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуально-теоретическая модель управленческой культуры представляет собой целостную, бытийную, надындивидуальную совокупность управленческих взаимодействий в организации, включающую субъектов и объектов управления, их взаимовлияние, распределение власти. Наряду с этим присутствует внешнее обрамление управленческой культуры, состоящее из факторов, функций, результатов функционирования организации, в том числе контекстуальности управления. Оно выражается в ситуативном характере взаимодействий и специфике коммуникации между инициаторами социальных действий. Интериоризированная в процессе социализации культура управления обуславливает все социальные действия участников управленческого процесса. Таким образом индивидуальный вклад в надындивидуальный феномен, коим является управленческая культура, не отрицается. Социальная реальность надындивидуальна по своей сути, коллективные представления об управлении первичны и соединяют отдельных людей в целостные структуры, предлагая каждому выбор различных вариантов действий из определенного набора.

В ходе научного рассмотрения управленческой культуры нередко примеры, когда фокус внимания смещается и все усилия направляются на изучение культуры управления, которая по сути является другим феноменом. Недооценка роли существенных различий при определении этих понятий приводит к снижению качества исследования. Описание и объяснение этих феноменов на эмпирическом уровне оказываются неадекватными. На наш взгляд, такая ситуация обусловлена некорректной редукцией социального феномена к индивидуально-личностной основе, из чего исходит непонимание надындивидуальной сущности управленческой культуры организации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Устинова Л. Г. Управленческая культура руководителя ОВД в контексте современных стилей и методов руководства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2006–2010.
2. Мирюшкина Ю. В., Пасько Н. А. Эволюция управленческой культуры и культуры управления в России // Экономика и социум. 2014. № 2(11). С. 508–511.
3. Коневская О. Ю. Современное состояние управленческой культуры в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России, 2014. № 1. С. 77–81.
4. Бикметов Е. Ю. Культура управления как объект социологического познания // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 69–72.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
6. Подвойский Д. Г. Социологический реализм Эмиля Дюркгейма // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 2. С. 112–124.

7. Бусыгин А. Е. О влиянии управленческой культуры на процессы становления новой российской социальной реальности // Человеческий капитал. 2020. № 12. С. 29–38.
8. Каширина Л. В. Динамика социально-психологических состояний больших социальных групп: автореф. ... канд. псих. наук. М., 2005.
9. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и послесл. академик А. М. Румянцев. М. : Прогресс, 1969.
10. Кравченко Е. И. Теория социального действия: от М. Вебера к фемениологам // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 121–141.
11. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005.
12. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : Хранитель, 2006.

REFERENCES

1. Ustinova, L. G. (2014). Upravlencheskaya kul'tura rukovoditelya OVD v kontekste sovremennykh stiley i metodov rukovodstva = Managerial culture of the head of the Department of Internal Affairs in the context of modern styles and methods of leadership: Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept», 20, 2006–2010. (In Russ.)
2. Miryushkina, YU. V., Pas'ko, N. A. (2014). Evolyutsiya upravlencheskoy kul'tury i kul'tury upravleniya V Rossii = Evolution of managerial culture and management culture in Russia. Ekonomika i sotsium, 2(11), 508–511. (In Russ.)
3. Konevskaya, O. YU. (2014). Sovremennoye sostoyaniye upravlencheskoy kul'tury v organakh vnutrennikh del = The current state of management culture in the internal affairs bodies). Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, 1, 77–81. (In Russ.)
4. Bikmetov, Ye. YU. (2014). Kul'tura upravleniya kak ob'yekt sotsiologicheskogo poznaniya = Management culture as an object of sociological knowledge. Sotsiologicheskiye issledovaniya, 9, 69–72. (In Russ.)
5. Dyurkgeym, E. Sotsiologiya. (1995). Yeye predmet, metod, prednaznachenie = Sociology. Its subject, method, purpose. Moscow: Kanon, 1995. (In Russ.)
6. Podvoyskiy, D. G. (2004). Sotsiologicheskiy realizm Emilya Dyurkgeyma = Sociological realism of Emil Durgheim: Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye, 2, 112–124. (In Russ.)
7. Busygin, A. Ye. (2020). O vliyaniy upravlencheskoy kul'tury na protsessy stanovleniya novoy rossiyskoy sotsial'noy real'nosti = On the influence of managerial culture on the processes of formation of a new Russian social reality. Chelovecheskiy kapital, 12, 29–38. (In Russ.)
8. Kashirina, L. V. (2005). Dinamika social'no-psihologicheskikh sostojanij bol'shih social'nykh grupp. = Dynamics of socio-psychological states of large social groups: abstract of PhD in Psychology. Moscow. (In Russ.)
9. Shchepan'skiy, Ya. (1969). Elementarnyye ponyatiya sotsiologii = Elementary concepts of sociology, Moscow. (In Russ.)
10. Kravchenko, Ye. I. (2001). Teoriya sotsial'nogo deystviya: ot M. Vebera k femenenologam = Theory of social action: from M. Weber to femenenologists. Sotsiologicheskiy zhurnal, 3, 121–141. (In Russ.)
11. Giddens, E. (2005). Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii = Organization of society: Essay on the theory of structuration. Moscow: Akademicheskii Proyekt. (In Russ.)
12. Merton, R. (2006). Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura = Social theory and social structure. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Передня Дмитрий Григорьевич

кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

Филимонов Олег Викторович

доктор социологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Perednya Dmitrij Grigor'evich

PhD (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

Filimonov Oleg Viktorovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Sociology, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 07.02.2022
одобрена после рецензирования 15.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 07.02.2022
approved after reviewing 15.04.2022
accepted for publication 14.06.2022

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow State Linguistic
лингвистического университета	University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 2(847)	Issue 2(847)

Над выпуском работали:

доктор экономических наук, доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук, профессор В. А. Лапшов
М. В. Пупышева, А. А. Азаренкова

Редактор *М. М. Сингал*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 23.08.2022
Усл. печ. л. 22,0. Формат 60х90 1/8
Заказ № 49/22

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политологические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание обязательна.